

охота

и охотничье хозяйство

2

2000

Волчья охота

На первой странице обложки профессор, доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки, член-корреспондент РАМН, директор НИИ Клинической онкологии РОНЦ имени Н. И. Блохина Михаил Иванович Давыдов с добытыми им волками. Охота на волков — любимое занятие М. И. Давыдова.

Фото А. Дигилевича

Эта охота необычна по неожиданности трофеев. В Смоленском охотничьем хозяйстве готовили охоту на копытных, но обнаружили следы прошедших через кормовую площадку волков. Проверили обход — выходных следов нет. На следующий день организовали охоту загоном. Одного волка добыл начальник Токоревского участка — М. Качанов. Другого, первого в своей жизни, — юный охотник Миша, сын М. И. Давыдова (на снимке вверху).

Фото А. Дигилевича

Вопросы охотничьей этики

А. КАЛЕДИН

Вряд ли можно создать необходимый свод охотничьих законов, регулирующий использование диких животных и сопутствующих природных ресурсов, без формулирования этических принципов, на которых и будет построен этот фундамент. Это означает прежде всего необходимость достижения согласия всех социальных слоев общества нашей страны, заинтересованных в охоте и охране природы относительно тех нравственных понятий, которые могли бы стать краеугольным камнем для построения фундамента охотничьих законов и нормативных актов по ведению охотничьего хозяйства. Вспомним, для того, чтобы принять известный закон 1892 г. об охоте, был собран авторитетный и представительный съезд охотников всей России (по сути, Учредительное собрание), который после всесторонней и объективной дискуссии его одобрил, а в дальнейшем он был утвержден на государственном уровне. Вот реальный исторический пример из области демократии. Поэтому опыт прошлого показывает, что необходимо широкое публичное обсуждение охотничьей общенностью в СМИ и на страницах периодических охотничьих изданий проектов любых законов, которые претендуют на использование природных ресурсов страны.

Уже сейчас просматривается сбалансированная, работающая модель охотничьего природопользования, основанная на принципах сохранения, рационального использования и приумножения возобновляемых природных ресурсов в их естественной среде обитания.

При этом биологи-охотоведы рекомендуют в основу такой модели охотничьего хозяйства положить не командно-административную систему (сколько и кому содержать егерьей, какие вкладывать средства и на что их тратить...), а принцип, по которому государство передает в аренду за плату охотпользователю определенный вид природных ресурсов с зафиксированной на дату передачи пиковой чис-

ленностью охотничье-промысловых зверей и птиц, с правом их хозяйственного использования с учетом достижений науки и практики, направленных на доведение путем биотехники и охотхозяйственных мероприятий до оптимальной численности животных.

В этом случае весь контроль государства сводится к одному параметру — установлению численности диких зверей и птиц в охотничьих угодьях в границах охотничьего хозяйства и осуществлению государственной службой учета охотничьих животных в присутствии и с привлечением специалистов и егерьей охотпользователя. Экономическая оценка деятельности охотничьего хозяйства по продуктивности и доходности может выражаться показателем отношения фактических доходов к расчетно максимальным доходам, основанным на оптимальной продуктивности диких животных. Оптимальная продуктивность диких животных должна быть установлена экологической экспертизой на основании охотустройства охотничьих угодий. При этом всем участникам этого процесса следует учитывать, что государственный охотничий фонд является всеобщим достоянием, поэтому к нему и в целом ко всем природным ресурсам надо проявлять должное уважение. Каждый человек имеет при рождении естественное право доступа к пользованию дикими зверями и птицами, и в этом смысле должен осуществляться принцип равенства всех граждан. Использование охотничьего фонда должно быть продиктовано принципом справедливости. При этом следует руководствоваться также определенными правилами. Основное из них заключается в том, что каждый представитель ныне живущих и всех будущих поколений должен иметь доступ к охотничьему фонду и в целом к природному ландшафту одинакового качества, при обязательности уплаты государству полной стоимости изъятых природных ресурсов в обмен на привилегию их использования. Эта стоимость в классической экономике носит название ренты. Она является эталоном для любой общественной системы вне зависимости от социального строя. Однако за простотой этого правила на первый взгляд скрывается религиозный, исторический, культурный и экономический потенциал народов, населяющих Россию, и без учета этого невозможно добиться выработки охотничьего законодательства и нормативных актов, которые действительно нам нужны. Мы должны на-

учиться наилучшим образом использовать природный потенциал страны в духовном и экономическом плане. Следует отметить, что влияние охотничьего законодательства на жизнь охотпользователей и общественного охотничьего движения, как одно из культурных пластов жизни значительной части населения нашей страны, т. е. охотников, очевидно.

Охотничья этика или философия должна находить свое выражение также и через налоговую систему страны. Надо осознать всем, что заработанные охотпользователем средства, после обоснованного и справедливого налогообложения, распределенные между работниками, являются принадлежащей им собственностью, необходимой для жизни, а в идеале — достойной жизни. Эта часть дохода не должна облагаться никакими дополнительными налогами в пользу перераспределения среди других слоев населения.

Надо стремиться к тому, чтобы при аренде охотничьих угодий или государственного охотничьего фонда охотпользователь оплачивал только реальные ставки с учетом всех природных и реальных экономических условий данной территории.

С учетом того, что дикие охотничьи животные являются составной частью природных ресурсов страны, которые принадлежат всем гражданам в равной степени, изъятия рента и другие платежи и налоги должны направляться не только на нужды одного какого-то ведомства, например Минсельхозпрода РФ, а в пользу финансирования общегосударственных нужд, в том числе и на целевое финансирование, направленное на сохранение и поддержание окружающей среды, национальных парков, заповедников, заказников, памятников природы и социальные нужды населения.

Осознав смысл оптимальных систем прав охотпользователя и охотника и их место в охотничьем законодательстве, при котором будет достигнут баланс между ними и правами и обязанностями государства, можно говорить о справедливой охотничьей этике:

— Помни: охотники на охоте и отдыхе равны.

— Почитай и уважай охотничьи традиции и старших по возрасту охотников.

— Будь честным, добрым, отзывчивым и внимательным с товарищами по охоте.

— Не забывай: взаимовыручка и уважение — основа охотничьей дружбы.

охота
и охотничье хозяйство 2 2000

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз общества охотников и рыболовов РФ.
Основан в октябре 1955 г.

— Соблюдай правила охоты и техники безопасности при обращении с охотничьим оружием.

— Не навреди словом и делом окружающей среде.

— Не добывая животных ради забавы и прихоти.

— Не допускай жестокости и неоправданных мучений животных.

— Повышай навыки и знания охотника и точность стрельбы.

— Уважай общественную, государственную и частную собственность.

Вместе с тем общество или государство имеет право собирать всю стоимость изъятых из природы диких зверей и птиц, которая создается как самой природой, так и совместными усилиями всех жителей страны, в том числе и охотниками и охотпользователями. Однако государство не имеет ни юридических, ни моральных прав на отчуждение у охотпользователей даже самой наималейшей части дохода, которую они создали своим трудом для себя и своей семьи. Кстати, в скрытой претензии к этим доходам, к которым государство не имеет никакого отношения, и кроется конфликт старой экономической системы в лице Минсельхозпрода РФ и рядового охотпользователя, в том числе в конечном счете и рядового охотника. Наоборот, нравственная задача подобных государственных структур — в изучении ситуации (как правовой, так и социальной и экономической) и создании на основе анализа благоприятной правовой и налоговой среды для процветания отрасли. Вместо этого в настоящее время все усилия госструктур, к сожалению, направлены на подрыв экономики охотпользователя и, как следствие, разрушение этим охотничьего хозяйства страны.

Охотничья этика может стать основой устойчивой экономики охотничьего хозяйства, поскольку она может способствовать росту производительности труда, увеличению заработной платы и будет поощрять стремление делать сбережения и вкладывать средства в основные фонды развития охотничьего хозяйства и тем самым внесет в дальнейшем значимую лепту в развитие экономики страны. В результате все — и охотник, и охотпользователь, и государство в целом — становятся богаче. Если применять охотничью этику в общеполитическом плане, то она могла бы способствовать помощи государственной власти в преодолении кризисов, которые ведут к обострению социальной напряженности и недоверию к ней со стороны населения. Особо остро это ощущается в беспрецедентном росте необоснованных налогов и платежей, а также в появлении многочисленных нормативных документов, нарушающих права населения и охотников, поэтому, как никогда, важна роль СМИ, периодических охотничьих изданий, общественных объединений охотников и политических партий и движений.

Предложенный нами механизм, заложенный в законодательство, явится механизмом стабилизации в ведении охотничьего хозяйства страны и освободит правительство от необходимости произвольного вмешательства в экономику и социальную сферу отрасли, так как администрирование часто приводит к возникновению государственной коррупции и браконьерского бандализма.

Как мы уже отмечали выше, в настоящее время охотничье движение разделено на конкурирующие идеологии, а соперничество приводит к конфликту между Департаментом по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Минсельхозпрода РФ, с одной стороны, и ассоциацией «Росохотрыболовсоюз» совместно с научными учреждениями — с другой. Деятельность указанного Департамента от лица государства направлена не на социализацию, а на право контроля доходов охотпользователя и умаление его экономики и прав. В силу этого конфликтная ситуация разгорается, а охотничье хозяйство страны разрушается. Государственным чиновникам всех уровней следует осознать, что во всем цивилизованном мире осуществляется не только правовая, но и целенаправленная финансовая поддержка общественных объединений (кроме политических партий) и их программ, направленных на стабилизацию социальных явлений в обществе. В условиях нашего государства, исходя из постоянного отсутствия средств на охрану природы и развитие охотничьего хозяйства как раньше, так и теперь (и, скорее всего, и в ближайшем обозримом будущем), еще в советское время было принято соломонино решение, по которому государственная поддержка общественных объединений охотников на правовом и финансовом уровне была обеспечена правом выдачи членских билетов, дающих право их владельцам производить охоту.

Попытки чиновников разрушить и эту правовую поддержку общественных объединений со стороны государства в период глубокого кризиса в стране безнравственны и не находят никаких оправданий. Вместе с тем, руководствуясь охотничьей этикой, люди, занимающиеся охотой, смогут объединиться на принципах демократии, и это возможно потому, что изначальная причина разделения будет устранена. Со временем из охотничьей этики на государственном и общественном уровне возникнет новая социальная среда.

При этом должна быть устранена еще одна проблема — перекос во взаимоотношениях между сельскими и городскими охотниками. Первые из них считают, что горожане, охотясь в угодьях, несправедливо лишают их местных природных ресурсов и охотничьей добычи. Но если все будут платить государству свою долю налогов и сборов, которые будут собираться государством в централизованные фонды для

одинаковой выгоды каждого, а не исчезать в ведомственных закромах подразделений Минсельхозпрода РФ, можно будет преодолеть и эту своего рода несправедливость. В тех же охотничьих угодьях, где доход отсутствует, охотпользователи должны быть освобождены от налогов, и таким образом будет стимулироваться вложение средств в охотничье хозяйство, а финансовую опору составят вневедомственные централизованные фонды государства.

В настоящее время мы отметим только некоторые из моментов деградации охотничьих угодий и роста браконьерства на фоне кризиса в стране.

Неумение и нежелание разумно и обоснованно организовать взимание платы за пользование дикими охотничьими зверями и птицами с охотников через охотпользователей в печально известном постановлении № 138 от 08.02.1999 г., не содержащее механизмов его претворения в жизнь, толкает рядового охотника к браконьерству.

При этом следует учитывать, что, как правило, не охотпользователи, а государственные чиновники, стоящие у власти, и множество предприятий и организаций, занимающихся промышленностью, сельским и лесным хозяйством, бизнесом и пр., расширяют и загрязняют окружающую среду, уничтожают ландшафт, воздух, водоемы, диких охотничьих животных и не несут за эти правонарушения ни юридической, ни материальной ответственности.

Вот на это и следует обратить внимание государству и его соответствующим институтам, чтобы из штрафных санкций и взысканий ущерба сформировать централизованные фонды для поддержания дикой природы и охотничьего хозяйства страны.

Охотничья этика или философия позволяет указать путь возрождения охотничьих угодий как составной части природного ландшафта и окружающей среды и в целом может способствовать обузданию людей социально-го задворка в их разрушительной деятельности.

Надо добиться, чтобы государственная политика приводила не к отчуждению права охоты и отдыха охотника в том или ином ландшафте или охотничьих угодьях, а способствовала сокращению разрыва и передаче каждому равной доли материальных благ в зависимости от социального статуса охотничьего хозяйства. Она обязана способствовать также духовному исцелению нашего общества, опираясь на национальные духовные особенности и черты восприятия своего великого прошлого. Надо помнить, что наш язык, культура и философия, а также созданная людьми среда проживания должны быть изменены нами таким образом, чтобы служить социальным и духовным интересам всех охотников, а не только тех, кто в результате борьбы в условиях смуты оказался на вершине общественной лестницы.

Надо осознать, что возникшие современные социальные отношения в области охраны и рационального использования окружающей среды не отражают интересов охотников, поэтому, только воссоединяя в одно нравственное целое человека и окружающую его природу через законодательство, мы можем вернуть справедливость и объединить прошлое с настоящим и будущим. Прогресс базируется на накопленных знаниях и опыте прошлого и способствует развитию будущего, позволяет способствовать эволюции социального строя, в том числе и на примере модели охотничьего хозяйства. Если мы все вместе примем на вооружение охотничью этику, то тогда в отношениях между государством и общественными организациями, между государством и формирующими общественное мнение СМИ, между центром и регионами может быть достигнут здоровый баланс, при котором охотники — граждане страны будут объединены своим общим наследием. Это неоценимое наследие — природные ресурсы нашей родины, в том числе и дикие охотничьи животные. Грамотно используя колоссальный научный потенциал, нужно стремиться к регулированию экономики охотничьего хозяйства только в той ее части, которая должна обеспечить служение общему благу. Однако передача природных ресурсов в аренду охотпользователю и получение за это платы должны стать основополагающими, так как без этого нет

и не будет движения вперед. Только такой подход может обеспечить качественное сохранение окружающей среды и диких охотничьих животных в условиях их естественной свободы. Реализация изложенных принципов охотничьей этики означает начало новой эволюционной трансформации строительного социального порядка для охотников, охотпользователей и государства. В результате появляется естественная база для перераспределения политической власти центра в пользу охотпользователя и местных властей, которые будут контролировать использование природных ресурсов от имени населения. Государство в лице политиков и чиновников исполнительной власти обязано гарантировать, что природные ресурсы, которые неравномерно распределены по регионам, будут справедливо поделены между всеми охотниками — гражданами страны. Одновременно централизованные инвестиции и вложение средств, направленные в природу, общественную и социальную сферу, не будут служить коррупции и ведомственному местничеству и амбициям.

Неосознание, непонимание и неприятие любой из заинтересованных сторон принципов охотничьей этики в сохранении и приумножении охотничьих богатств страны не позволят построить охотничье хозяйство на нравственных основах, и в этом случае у охотничьего хозяйства не будет будущего, которого достойны наши охотники и сограждане!

ГИБЕЛЬ МЕДВЕДЯ

Гибель бурого медведя, ввиду его «положения» в экосистемах европейской тайги, наблюдается не часто. В подавляющем большинстве ее причиной становится человек, когда во время неудачных охот зверь уходит подранком или после обрыва петли при браконьерском отлове. Случаи каннибализма, от хищничества волков, тигра, как это наблюдается в Сибири и на Дальнем Востоке, нам неизвестны. Отсутствуют также сведения и в литературных источниках. Возможна гибель самцов при драках между собой, при нападениях на взрослых лесей-быков, при попадании в полыньи (Гелтнер и др., 1967). Из рассказов местного населения одной из деревень Поставского района Витебской области (Белоруссия) нам известен случай преследования не крупного медведя в конце прошлого века стаей волков в зимний период.

В связи с этим небезынтересным представляется следующий факт нахождения летом 1979 г. останков погибшего медведя, обнаруженного в Холмогорском районе Архангельской области на р. Чуплега (бассейн р. Пинега). Примерный возраст зверя — четыре-пять лет. С левой стороны рострального отдела черепа был нанесен мощный удар, в результате которого верхнечелюстная кость была сломана. При жизни зверя кость срослась, но неправильно из-за смещения. Поэтому прикус у хищника стал ненормальным, что привело к преждевременному снашиванию клыков (с левой стороны верхних, с правой — нижних при их сохранившейся остротершинности). В результате увечья особь вряд ли способна была поесть свежее мясо и даже с «душком», не говоря уже о разгрызании костей. А падаль в северной тайге встречается не столь уж часто из-за ее быстрого растаскивания различными видами животных. Дожить до глубокой старости лишь на растительной пище столь крупный зверь вряд ли смог бы, если учесть, что урожаи ягод, основного наживочного корма в северной тайге, бывают не часто.

На наш взгляд, причиной гибели медведя стала травма, полученная при падении на лося во время гона или от лосяхи, защищающей теленка. Не исключено получение увечья от взрослого зверя во время драки или игр в ювенальном возрасте.

Как бы то ни было, данный случай говорит о способности зверя в течение значительного времени выживать с такой тяжелой травмой. Мы не сомневаемся, что в конечном итоге гибель медведя произошла из-за раннего выхода из берлоги в результате недостаточного накопления жировых запасов.

Т. ПЛЕШАК,
канд. биол. наук
г. Архангельск

Одна из заповедей охотничьей этики: «Охотники на охоте и отдыхе равны».

Фото А. Севастьянова

Для желающих узнать еще одну памятную дату назовем 30 июля 1853 г. В тот день министр государственных имуществ России граф П. Д. Киселев подписал инструкции «О заведении при Палатах государственных имуществ Музеев почв, сырых и обрабатываемых продуктов, произведенной земли, сортов хлеба и лесных материалов». Одновременно в губернии были посланы указания, как собирать коллекции для устраиваемых музеев.

С исполнением этого распоряжения все шло гладко до тех пор, пока любитель императора, его «начальник генерального штаба по крестьянскому вопросу» генерал П. Д. Киселев не оста-

Анатолий Алексеевич СИЛАНТЬЕВ

Несбывшаяся мечта генерала

вил свою министерскую должность. С отъездом его на дипломатическую службу коллекции большинства устроенных музеев были переданы в статистические комитеты и высшие учебные заведения.

Мечта П. Д. Киселева увидеть при жизни земледельческие музеи во всех губерниях России не осуществилась. Однако часть собранных для них экспонатов сохранилась и созданные из них экспозиции впоследствии заложили основу многих крупных просветительских учреждений. Указания П. Д. Киселева существенно подтолкнули развитие музейного дела в России. По количеству сельскохозяйственных и краеведческих музеев и собранных в них предметов она к концу XIX в. не уступала западным соседям.

В столице — Санкт-Петербурге появился один из самых лучших сельскохозяйственных музеев. В 1999 году ему бы исполнилось 140 лет. Санкт-Петербургский Сельско-Хозяйственный музей основали в 1859 г. на территории Лесного института. Свозили в него экспонаты касательно всего, что имело отношение к богатствам земли российской. Особенно по части природных ресурсов, сельского, лесного, охотничьего, рыбного хозяйства.

В короткое время Сельско-Хозяйственный музей в Лесном стал достопримечательностью столицы. В 1865 году его переводят в центр города, в экзерциргауз при Зимнем дворце.

При переезде из Лесного на новое место Сельско-Хозяйственный музей оставил о себе институту добрую память в виде части экспонатов, переданных кафедральным музеям Лесного института, тогда уже переименованного в Земледельческий институт. Музей при кафедрах со временем стал настолько хорош, что его ставили в пример другим учебным заведениям. Это подтверждает составленное профес-

сором Лесного Института Георгием Федоровичем Морозовым «Пособие для изучения леса» и подготовленный им же перечень экспонатов для педагогического музея военно-учебных заведений.

В 1881 г. Сельско-Хозяйственный музей снова переезжает, но уже в Соляной городок на Фонтанке. Там было просторнее и удобнее. На 10 тысячах квадратных метрах музея к началу XX столетия Сельско-Хозяйственный музей собрал 27 тысяч экспонатов. Многие годы в столице Сельско-Хозяйственным музеем гордились. Он был достопримечательностью города, жил интересной, важной и полезной для государства жизнью. За все это музею было присвоено почетное звание — Императорского.

Был при музее в отделе растениеводства и раздел лесоводства с охотой. Их намеревались чуть ли не каждый год «с получением дополнительных помещений расширить до отдела с разделами». Однако дело продвигалось медленнее, чем того бы хотелось. Лесные экспонаты подвозили не ко времени, а экспозиции обновляли из-за нехватки средств с опозданиями. Посетители жаловались:

«Хожу по музею, словно по кладбищу или аукционному залу ненужных вещей. Нет в нем жизни».

«Музей не кладовая, а научное учреждение, создаваемое для удобнейшего наглядного изучения предметов, имеющих значение для распространения знаний», — с горечью подтверждал лесовод А. Е. Новосельский.

И все это при том, что показать в музее о лесных и охотничьих наших делах было что, как по части лесной и охотничьей науки, так и практики. Россия в этом отношении была «впереди планеты всей». Достаточно вспомнить работы известных российских охотоведов: Л. П. Сабанеева, А. А. Длатовско-

го, Г. Г. Доппельмайра, Н. Ф. Томкевича, В. П. Гортынского, В. Р. Троицкого и, конечно же, генерала Корпуса лесничих А. А. Силантьева, которого по праву считали одним из самых неутомимых энтузиастов охотничьего и лесного дела, талантливого энтомолога, известнейшего российского ученого-охотоведа, активного члена престижных российских научных обществ, автора уникальных трудов о птицах и зверях России.

Анатолий Алексеевич Силантьев служил в то время преподавателем Лесного института и в то же время являлся членом Совета при Императорском Сельско-Хозяйственном музее. От него, как члена Совета музея, многое зависело, и он всячески стремился реализовать свою мечту о создании лесного отдела. Да и безусловно реализо-

вал бы ее, если бы безвременная кончина не оборвала жизнь замечательно-го ученого.

Была же жизнь у Анатолия Алексеевича нелегкой с самого детства, и хотя дослужился он до статского генерала, но постоянно ощущал ущербность своего происхождения и воспитания. Дед А. А. Силантьева был крепостным крестьянином какого-то новгородского помещика, от которого за тяжким трудом заработанные рубли дед сам выкупился на свободу еще до отмены крепостного права. Жил дед скромно, прижимисто, но все, что смог сделать для своего сына — выучить на портного. И опять горе! Умер сын, когда внуку не было и двух лет. Спасибо сестре — взяла племянника на воспитание. Замужем же была она за книгопродавцом И. И. Добрыниным. Приемный отец А. А. Силантьева оказался исключительно добрым и порядочным человеком. Испытав в молодые годы бедность и горечь унижений, поставил он себе целью сделать все, чтобы его беды и ущербность племянниковых родителей никогда не коснулись мальчика. В 1877 г. И. И. Добрынин отдает его в коммерческое училище в расчете сделать Анатолия приемником своего торгового дела. Однако склонности к торговле юноша никак не проявил. Зато часами мог собирать коллекции насекомых, растений, высматривать в парке Лесного института птиц, читать и перечитывать книги о природе. После окончания коммерческого училища, к великому огорчению приемного отца, А. А. Силантьев решает поступать в Лесной институт. Неизвестно, чем бы окончился его спор с И. И. Добрыниным, но помогло письмо профессора Лесного института Э. Э. Баллиона, к которому А. А. Силантьев обратился за поддержкой.

«...Папаша говорит, — писал он Э. Э. Баллиону, — что позволит мне

поступить туда (в Лесной институт), если я дам ему сведения о том, кем можно сделаться по выходе оттуда, и вообще можно ли рассчитывать на то, что, выйдя оттуда, не умрешь с голоду. Если и есть худшие стороны в моей будущности, то не выставляйте их, пожалуйста, в дурном свете...»

Э. Э. Баллион послал И. И. Добрынину успокоительное письмо. Тот дал согласие на поступление А. А. Силантьева в Лесной институт. Весь 1886 г. Анатолий Алексеевич упорно готовился к экзаменам и выдержал их, хотя на 80 вакансий претендовало 300 соискателей.

В первый же год учебы в институте А. А. Силантьев познакомился с будущим профессором Н. А. Холодовским. Знакомство это определило круг его научных интересов. Он стал зоологом и энтомологом. Институт А. А. Силантьев окончил в 1890 г. с золотой медалью и правом продолжать учебу с окладом высшего стипендиата для подготовки к ученому званию. В тот же год по приглашению В. В. Докучаева он едет в саратовское имение Нарышкиных «Пады» собирать материал о роли полезных и вредных животных. В 1891 г. Лесной институт командировал Анатолия Алексеевича в южные и центральные лесничества России для изучения лесных и сельскохозяйственных вредителей, а в 1892 г. — на борьбу с короедами в Виленскую губернию. В 1893 г. он продолжает энтомологические работы в лесничествах Польши и Рязанской губернии. Осенью 1893 г. А. А. Силантьева зачисляют энтомологом известной Особой экспедиции В. В. Докучаева.

Неутомимость в работе, подвижность характерны для А. А. Силантьева. Он постоянно в экспедициях, в разъездах, в делах, в заботах. В 1895—1896 гг. по заданию Министерства Земледелия он работает в Курской и Воронежской губерниях, в 1897 г. изучает на Алтае мараловодство, а в начале 1900-х — рыболовство и дельфинов на Черном море. Одновременно А. А. Силантьев преподавал в Лесном институте, на Высших сельскохозяйственных курсах, на Стебутовских курсах, читает лекции в сельскохозяйственном музее, консультирует в лесном и земледельческом департаментах. В Лесном институте А. А. Силантьев ведет курс охотоведения и зоологии. О преподавательском успехе его можно судить по отзыву Н. А. Холодовского: «Состоя ассистентом, принес преподаванию этого предмета весьма большую пользу, обогатил и прекрасно поставил коллекцию зоологического кабинета и своими научными трудами стяжал себе почетную известность...»

Что касается зоологического кабинета, то благодаря А. А. Силантьеву он стал лучшим в институте. Коллекция его в 1890—1895 гг. увеличилась с 1067 экспонатов до 6799. Хорошими помощниками А. А. Силантьева в их подготовке стали студенты, которых он научил

обрабатывать и консервировать музейные образцы. Немало труда вложил А. А. Силантьев и в пополнение Императорского Сельско-Хозяйственного музея. В отчете музея за 1910 г. отмечено: «...по отделу вредных и полезных млекопитающих и птиц А. А. Силантьевым обновлен и пополнен весь музей».

Круг научных и практических интересов Анатолия Алексеевича Силантьева был исключительно широк. Он опубликовал десятки работ по систематике, фаунистике, морфологии, анатомии животных, о жизни полезных и вредных сельскохозяйственных и лесных зверей и птиц, об их охране, по учебному процессу преподавания, другим проблемам. Большой вклад он внес в развитие научного охотоведения. Охоту рассматривал не как случайный промысел досужных людей, а доходную статью планового охотничьего хозяйства, способного существенно повысить доходность земли и приумножить природные богатства страны.

Заверения, данные проф. Э. Э. Баллионом И. И. Добрынину относительно возможности его приемного сына, после окончания Лесного института сбылись. А. А. Силантьев занял достойное место в обществе. Он получил чин советника, его наградили орденами двух степеней: Владимира, Анны, Станислава. Благодаря трудам своим внук крепостного крестьянина сумел приобрести имение неподалеку от Хосты, где он также занимался любимым делом — охотоведением.

Только за работой, за вечными хлопотами по институту и музею так и не успел Анатолий Алексеевич устроить своего личного семейного быта. Жил он в Лесном одиноко в своей почти всегда пустой квартире. «Иногда, — как писали его друзья, — желая отдохнуть, забываясь, заперлся Анатолий Алексеевич в гостиной и среди абсолютной тишины садился за рояль. Вместе со звуками улетила его мысли в другой мир, черпали там силы для новой жизни. Музыку А. А. Силантьев очень любил и, извлекая звуки, действительно отдыхал в них душой...»

Потура начинался новый день, полный забот и хлопот. В один из них по пути от Лесного института к месту очередного заседания какой-то комиссии А. А. Силантьев простудился. Лечить его было некогда: на столе лежали незаконченные рукописи, гранки, списки готовившихся к эвакуации в новую столицу коллекций. Так и умер, работая над ними, 21 марта 1918 г. Много в том году умерло его коллег и друзей: Гомилевский, Кравчинский, Суходский, Молчанов.

Многого не сумели сделать эти трудолюбивые, деятельные люди. Несущей осталась и их мечта о хорошем полноценном лесном и охотничьем отделе в Сельско-Хозяйственном музее.

После революции музей постепенно заках, а затем его и совсем закрыли.

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Деятели охотничьего общественно-го движения в России. Серия «Кто есть кто в охотничьем общественном движении в России». М.: МГООИР, 1999. — 1000 экз. 46 с.

С целью сохранить память и уважение к организаторам и подвижникам охотничьего общественного движения, а также деятелям науки, культуры, отечественной кинологии, которые оказали существенное влияние на развитие и становление охотничьего движения, Московское городское общество охотников и рыболовов начало издание серии сборников, в которых приводятся краткие сведения о личностях, способствовавших и способствующих организации, развитию и поддержанию лучших традиций российской охоты. Первый выпуск содержит сведения о деятелях общественно-го охотничьего движения в России с 1859 по 1999 год.

1000+1 совет туристу: Школа выживания. Минск: Современ. литератор, 1999. — 11 000 экз. 352 с.

В этой книге можно найти ответ на любой вопрос, касающийся подготовки и проведения как простого туристического похода, так и сложного опасного путешествия. Практические советы относительно походного быта, пополнения запасов продовольствия и воды, приготовления пищи, а также ориентирования на местности и характера действий в экстремальных ситуациях; особенности перемещения и выживания в разных климатических зонах; описание растений и животных, представляющих опасность для человека; обширная информация об оказании медицинской помощи при болезнях и несчастных случаях — все это читатель найдет на страницах данного издания.

ВНИИОЗ реализует следующие книги:

М. П. Павлов. Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР. Часть IV. Охотничье-промысловые птицы. Москва — Киров, 1996. — 294 с. 26 руб.

С. А. Корытин. Приманки зверолова: Управление поведением зверей с помощью аппелентов. Киров, 1998. — 288 с. 25 руб. Управление популяциями охотничьих животных: Сборник статей. Киров, 1999. — 212 с. 30 руб.

М. Павлов. Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СНГ. Копытные: Киров, 1999. — 40 руб.

Указанные цены включают стоимость обработки заказа и почтового отправления в пределах России.

Деньги и заказ на приобретение книг направлять почтовым переводом по адресу: 610000, г. Киров (обл.). Главпочтамт, а/я 81. ВНИИОЗ, научная библиотека.

Не утихающие страсти, не умолкаемые споры...

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 6—99 г. была опубликована статья доктора биологических наук А. Данилкина «Каким путем идти». В ней уважаемый ученый поднимает целые пласты проблем в области совершенствования управления охотничьего хозяйства России и предлагает пути выведения этой отрасли из сложившегося положения.

В силу объективных причин я участвую во всех перипетиях перестроенного и постперестроенного угара нового времени. Охотничье хозяйство знаю не понаслышке, окончил факультет охотоведения ИСХИ, работал в системе МСХ, охотоведом в совхозах, в Охотуправлении при Совете Министров ЯАССР, в ПО «Якутпромохота», в Национальном концерне охотничьего хозяйства «Сахабулт», сейчас работаю в Департаменте биологических ресурсов Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия).

За период с 1987 года система охраны животного мира, в частности охотничьего хозяйства Якутии, претерпела четыре реорганизации, каждый раз теряя при этом специалистов. Все вышеперечисленные организации — результаты очередной реорганизации и передачи функций, связанных с контролем, охраной и использованием ресурсов охотничьего хозяйства.

Но вернемся к статье. Автор абсолютно прав в части незаконности изъятия охотничьих угодий у пользователей, где, по-видимому, речь идет о приписных охотничьих хозяйствах. Не случайно бывший премьер-министр РФ Черномырдин В. С. подписал постановление, в котором не только запрещал всякое изъятие охотугодий у приписных охотхозяйств, но и обязал возвращать угодья прежним хозяевам. Вопрос упирается теперь в умение председателей охотобществ на местах грамотно и законно возвращать ранее изъятые охотугодья в рамках действующего законодательства. Очень многое зависит от отношения руководителей местных администраций к данному вопросу, а не от каких-либо сторонних организаций.

Относительно разрастающихся денежных сборов солидарен с ученым, причем эти платежи все увеличиваются и подкрепляются подзаконными актами на уровне Правительства России. Сейчас помимо основной лицензии на вид деятельности, охотрыбопользователь обязан приобретать разовые лицензии за право охоты, рыбной ловли, или за каждый вид животного, или за день охоты и рыбалки. Кроме того, необходимо приобретать отдельную ли-

цензию на каждое животное, если это лицензионный вид.

У нас в Якутии вопрос очень осложнен тем, что добыча пушных видов — один из основных источников существования сельских жителей, поэтому оплата за каждый день охоты на пушные виды может явиться непосильным бременем.

Есть маленькая надежда на то, что правительство республики будет дотировать весь объем заготовок пушнины, как это делается при заготовке мяса диких северных оленей, поскольку на заготовку пушнины, особенно соболя и белого песца, доводится государственный заказ.

Что же касается актуальности введения охотничьих билетов государственного образца как альтернативы членскому, доведу до сведения читателей журнала, что в Республике Саха (Якутия) еще в июле прошлого года принят закон «Об охоте и охотничьем хозяйстве» (к слову, на днях принят в третьем чтении и закон РС (Я) «О рыболовстве, рыбном хозяйстве и охране водных биоресурсов»). Эти законы приняты в нашей республике до выхода аналогичных Федеральных в силу того, что удельный вес в экономике сельских жителей этих отраслей хозяйства гораздо выше, чем у жителей средней полосы России, не говоря уже о более густонаселенных южных и западных областях, где охота и рыбалка имеют в основном чисто прикладное значение, скорее эстетическое и рекреационное. Так вот, в новом законе РС

(Я) «Об охоте...» альтернатива членскому охотбилету в виде государственного предусмотрена, и это правильно, иначе в таких регионах, как Сибирь и Дальний Восток, где нет других общественных объединений охотников и рыболовов, эта деятельность практически монополизирована республиканскими, краевыми и областными обществами охотников, что противоречит антимонопольному законодательству и даже Конституции. Другое дело, кому поручить эту функцию, а это уже прерогатива органов административного управления.

Ссылки на Федеральный закон «О животном мире» (ст. 12) не совсем корректны, так как при этом не оговаривается напрямую Охотдепартамент. Функции по контролю за охраной, использованием и воспроизводством объектов животного мира правительство РФ или субъекта Федерации может возложить на любую организацию, учреждение, чьи уставные задачи и деятельность не противоречат действующему законодательству.

Кстати, у нас в Якутии эти функции переданы именно Министерству охраны природы, который подчинен Госкомэкологии РФ. При этом выдача лицензий всех видов на пользование объектами животного мира ничуть не мешает контрольным функциям. По крайней мере, у пользователей до сих пор ни разу не возникло претензий по этому вопросу. Другое дело, в бытность ПО «Якутпромохота», когда эти функции были у него, с одновременным

ведением интенсивного охотничьего промысла через систему ГПХ, критика буквально захлестывала органы массовой информации.

В прошлом году к нам приезжали представители Департамента Службы рыбы и дичи штата Аляска. Мы нашли, что функционально мы очень похожи с этой службой, с завистью отметив при этом разницу в техническом оснащении, финансовой и законодательной поддержке американских коллег, а самое главное — в отношении населения к вопросам охраны и использования объектов охоты и рыбной ловли, их добровольной законопослушности. Но у американцев это вырабатывалось веками, а у нас до сих пор... перестройка.

Что касается обязательности пользователей по обеспечению охраны, воспроизводства и учетов объектов животного мира, ресурсы которого они используют, то это не сейчас придумано. Это один из основных постулатов хозяйствования с использованием природных ресурсов, который действовал всегда и не только у нас.

Благодаря финансированию учетных работ в значительной степени за счет пользователей, а это засчитывается как участие в охранных и воспроизводственных мероприятиях, нами в этом году проведен авиаучет диких копытных животных в Центральной Якутии, в прошлом году был проведен авиаучет диких северных оленей Лено-Оленекской популяции. В июле—августе планируем проведение авиаучетов дикого северного оленя Яно-Инди-Гирской популяции. Территории по площади огромны, и по-настоящему оценить степень затрат и усилий могут только специалисты.

По инициативе нашего Департамента третий год придерживаемся моратория на добычу диких копытных животных по всей Центральной Якутии, с охватом Вилюйской и Заречной групп улусов, а это без малого 20 административных районов, наиболее густонаселенных. Мораторий доказал свою эффективность, и поступают предложения продлить его еще на два года. Одновременно решено ввести запрет на вылов сибирского осетра по Средней Лене. Ряд лет запрещается охота на зайца-беляка из-за глубокой депрессии его численности.

Как видите, совмещение контролирующей функций с выдачей лицензий на право пользования не только не мешает друг другу, а, наоборот, усиливает их, причем без бесконечных согласований и проволочек.

Автор статьи А. Данилкин абсолютно прав, говоря о координации деятельности в деле охраны природы. Надзорную часть можно объединять с учетом схожести работы, но обязательно не в порядке компанейщины, а, наоборот, с учетом региональных, национальных, экономических и других особенностей.

В Якутии действует Координационный совет по охране биоресурсов, куда

вошли: экологическая прокуратура, министерство внутренних дел и министерство охраны природы Республики Саха (Якутия). Кроме этого, заключены отдельные соглашения между силовыми структурами республики и министерством охраны природы по вопросам охраны биоресурсов. В этой связи МВД республики решило создать специальную экологическую милицию, которая будет непосредственно работать по вопросам охраны природы.

Проф. Преображенский не зря говорил, что разруха — внутри нас самих, поэтому нет кризиса хозяйства, а есть неумение или нежелание работать, в том числе и оптимально распределяя между собой функции и задачи. Впрочем, это касается не только охотничьего хозяйства.

Е. ЛЕВЕРЬЕВ,
зам. директора Департамента
биологических ресурсов
Министерства охраны природы
Республики Саха (Якутия),
биолог-охотовед

Дорогая редакция! Разрешите поблагодарить и одновременно принести извинения вам и всем читателям журнала за тот малопривлекательный материал, который по моей инициативе получил столь широкую огласку. Я имею в виду публикацию в № 4-99 г. «Охота и охотничье хозяйство» статей «Как выбраться из-под обвала?» и «Так из-под обвала не выбраться!». Особые извинения приношу работникам охотничьего хозяйства Приморского края, которых я непроизвольно обидел, сказав, что «с 1989 года наступило десятилетие охотоведческой серости и безынициативности». Я имел в виду лишь руководство Управления охотничьего хозяйства и более никого. Уверен, что определенная польза от этих публикаций будет. Все написанное останется на совести авторов, но, получив обвинение в личной никчемности для охотничьего хозяйства края в 80-е годы и в полной некомпетентности в 90-е, очень хотел бы сделать краткий охотоведческий отчет именно за этот, ставший уже историей, период.

Да, действительно, с 1982 по 1984 год я был молодым специалистом и влиять на состояние охотничьего хозяйства края не мог. Но именно в 1983 и 1984 годах в нашем журнале печатались мои статьи «Там, где растет женшень» и «Комплексно использовать ресурсы лесов». В 1985 и 1986 годах газета «Сельская жизнь» печатает статьи: «Леса кедровые. Почему они так быстро редуют» и «Цена кедрового кубика», написанные «молодым специалистом». Данные материалы не только «встряхнули» все причастные министерства и крайком КПСС, но и были одобрены общественностью.

Мне приятно вспомнить, как Борис Можаяв при личной встрече в сентябре

1985 года поддержал мою позицию, продолжив ее своей прекрасной статьей в «Литературной газете» под названием «Таежный беспредел». Более 10 аналитических статей о состоянии природопользования в Приморском крае с 1982 по 1986 год были мной направлены в редакции краевых изданий. Вот названия отдельных: «Вредный недоруб», «Не верь глазам своим», «Нам с тайгой жить вечно», «Два кедра», «Кому какие рубки», «Чтобы шумел кедровый лес».

Возможно, на состояние охотничьего края я и не оказал существенного влияния, но про творимые в Уссурийской тайге безобразия больше, чем я, никто не написал. Это не трудно проверить. Возможно, моей особой заслуги и нет, однако с 1990 года кедр по рубкам главного пользования в Приморском крае изымать перестали.

Что касается моей работы в должности главного охотоведа — первого заместителя начальника Управления охотничье-промыслового хозяйства при Приморском крайисполкоме, то здесь мои оппоненты, пожалуй, не совсем искренни. В октябре 1986 года по моей инициативе и непосредственной организации впервые и единственный раз за всю историю охотничьего хозяйства края был проведен двухдневный семинар, более половины работы которого посвящено проведению биотехнических и воспроизводственных мероприятий. Основной доклад о состоянии охотничьего хозяйства края и все ведение семинара были за мной. Лично мной была подготовлена и 17 октября 1986 года направлена в Госагропром СССР Докладная записка о той обстановке, которая сложилась с некоторыми видами животных, занесенных в Красные книги различного ранга, где обосновывался ряд конкретных мер по оптимизации охраны и рационального использования этих видов, в том числе и ограниченный, научно обоснованный отстрел белогрудого медведя и пятнистого оленя.

Одним из результатов данной записки стало проведение в апреле 1987 года «Всесоюзной конференции по проблемам охраны амурского тигра и возможным использованием видов животных, занесенных в Красные книги СССР и РСФСР». Инициатива и организация проведения данной конференции также были моими.

В том же 1987 году мной был организован и проведен краевой конкурс охотников и службы охотнадзора, получивший освещение на страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство» в статье В. Животченко «Соревнуются охотники Приморья». Кроме этого, в 1987 и 1988 годах по моей инициативе и личному руководстве были проведены Краевые семинары по проведению послепромысловых учетов охотничьих животных и Защита отчетов по учетным работам всеми охотпользователями. Денег на такие мероприятия тогда не было намного больше, а времени у

руководителей значительно меньше, чем сейчас. Сколько сил и нервов отнимала одна лишь «шефская помощь селу», которая по ведомству полностью возлагалась на главного охотоведа!

Задействовав весь имеющийся материал по копытным юга Дальнего Востока, а также рекомендации ЦНИЛ Главохоты РСФСР и ДВО ВНИИОЗ, я разработал единственно возможные на тот период нормативы по минимальной численности копытных животных на единицу площади угодий по охотничьим хозяйствам края, ниже которой охота не рекомендовалась. В 1988 году эти нормативы начали успешно внедрять в практику охотничьего хозяйства Приморья.

Уход из охотуправления в 1988 году, необходимость которого состояла в сохранении дома в деревне после смерти родителей, а также написание и защита диссертации дали возможность наравне с простыми охотниками наблюдать «снизу», как происходит развал охотничьего хозяйства края. Видеть весь механизм этого развала. Было с чем сравнивать — имелся опыт прошлых лет, когда в 1975—76 годах работал штатным охотником-промысловиком в Чугуевском коопзверопромхозе.

Когда в 1992 году пришел на работу в администрацию края, в первую очередь приступил к подготовке Положения об аренде охотничьих угодий, которое, несмотря на немыслимое противодействие прежних, но уже давно формальных хозяев, живших по принципу «собак на сене», было утверждено губернатором края 28 июня 1993 года. Без лишней скромности как охотовед скажу, что документа, более полно и оптимально сочетающего биологические, организационные и социально-правовые аспекты охотпользования, не было и вряд ли он когда-нибудь появится. Кроме прочего, преимущественное

право аренды охотничьих угодий было предоставлено коллективам местных охотников, а также была вновь внедрена минимальная охотничья численность диких животных на единицу площади, ниже которой охота не рекомендовалась.

Но вновь, как и в 1989 году, чиновниками, привыкшими считать государственные охотничьи угодья придатком личной вотчины, данное внедрение (кроме прочего, имеющее большое природоохранное значение) было вновь саботировано.

Я промолчал бы после публикаций в апреле 1999 г., но лишь в том случае, если бы руководители Управления охотничьего хозяйства по Приморскому краю и Правление Приморского краевого общества охотников и рыболовов, вместе взятые, с 1989 по 1999 год сделали или попытались бы сделать для природы и охотничьего хозяйства края что бы третью часть изложенного выше.

Противоречий между комитетом по природным ресурсам и первичными коллективами охотников никогда не было и быть не могло. Вредят местным охотникам именно чиновники, приватизировавшие «ресурс» и ради сохранения собственной кормушки готовые на все. А также их марионетки, из-за доступа к лицензиям забывшие совесть.

Чтобы объективно разобраться в проблемах охотничьего хозяйства Приморья и помочь ему выйти из существующего кризиса, в первую очередь необходим глубоко профессиональный и объективный вневедомственный третейский судья, которого можно было бы обвинить лишь в любви к охотничьему хозяйству края.

С искренним уважением и извинением за беспокойство

В. ГАПОНОВ
г. Владивосток
Фото А. Севастьянова

В. ИКОННИКОВ

У приобретенного с десятков лет назад открытого бурского патронташа выявились недочеты, которые в поле напоминали о себе, повторялись, бросая хотя и легкую, но тень на течение охоты. Судите сами. На 24 патрона двенадцатого калибра патронташ опоясывал так, что часть патронов оказывалась на спине. Извлечение их закрученной назад рукой хотя и не ахти какой труд, но и не удовольствие. Дождь и снег могли напитать влагой патроны незаметно и неожиданно, иногда в самой безобидной обстановке. С некоторым сожалением вспоминались эпизоды, когда нехватка самой малости патронов оборачивалась потерей верного трофея.

Полиэтиленовые патроны могли беспрепятственно выскальзывать из ячеек. Этот патронташ мною подновлен. Он укорочен. Вместимость увеличена до 30 патронов. Они закрыты влагостойкими клапанами с удобными застежками.

Применил материалы: лоскуты натуральной и искусственной кожи, капроновые нитки, кирзу; метизы: пару одежных кнопок-застежек большого диаметра (16 мм), четыре латунные штыревые застежки, как у армейских подсумков, комплект из двух медных колец с карабинчиками.

Инструмент простой: шило, ножницы, иглы, нож, абразивный брусок.

Примерки подсказали, что извлекать патроны из крайних ячеек и читать надписи на дробовых пыхах удобнее, если патронташ укоротить на 12—14 см. Перед грядущими операциями с применением ножниц и острого ножа уместно напомнить себе о необходимости семикратного обмеривания...

Укорачивание произвел за счет выреза части патронташа с десятой по пятнадцатую ячейки (счет с любой стороны). Точнее: разрезы произведены по середине десятой и по середине пятнадцатой ячеек. Этим патронташ разделен на три части. Средняя удаляется. С оставшихся частей срезаются половинка десятой и пятнадцатой ячеек, части сшиваются встык. Патронташ теперь имеет 18 ячеек и участок оголенной основы шириной 2,5 см (где срезаются полуячейки и проходит стыковочный шов).

На это место вшивается ячейка, скроенная по рис. 1. Естественно, ячеек стало 19 вместо 24 штатных. Патронташ же короче на 12,5 см, что соответствует задуманному.

Для увеличения емкости изготовлен короткий дополнительный патронташ по подобию обновляемого. Из лоскута кожи по рис. 1 вырезается заготовка на 11 ячеек и нашивается на кирзовую основу размером 290 x 90 мм. Верх и правая кромки основы обрамляются коричневой кожей шириной 5 мм. К нижней кромке основы (ниже ячеек) на всю ее длину пришивается полоса искусственной кожи, назовем ее «связ-

Обновленный патронташ

кой», шириной 70 мм (рис. 2). Она необходима для связи патронташей в единый двухрядный. Они ориентируются относительно друг друга в положении, в котором охотник желает получить обновленный патронташ. Изначально верхние срезы ячеек обоих патронташей должны лежать в одной плоскости, затем пятая ячейка основного «пристраивается в затылок» первой ячейки дополнительного, шестая — второй; и если размеры дополнительного патронташа выдержаны «с чувством, толком...», то пятнадцатая ячейка основного совпадает с последней, одиннадцатой ячейкой дополнительного.

Совмещение фиксируется предварительной «наживкой». Затем следует окончательное сшивание верха.

Одиннадцать ячеек основного патронташа одиночными петлями соединяются с основой дополнительного в месте их касания (рис. 3).

Низ сшивается с помощью упомянутой связки. На всей ее длине в конце работы должны быть три параллельных шва.

Первым — связка пришта к основе дополнительного патронташа. Вторым — плотно стянута и скреплены основы обоих патронташей. Излишек ширины связки завернут на тыльную сторону уже стянутых основ и пришит третьим швом (рис. 4). Теперь емкость патронташа — 30 патронов.

Клапанов изготовлено из кирзы четыре. Первый и четвертый одинаковы по размерам: 100x100 мм. Закрывают по четыре крайние ячейки. Второй клапан закрывает два ряда по пять ячеек. Размеры 130x125 мм.

Третий — закрывает два ряда по шесть ячеек. Размеры 130x130 мм. Кромки клапанов обшиты коричневой кожей шириной 5 мм. Первый и четвертый клапаны имеют по одной кнопке-застежке. Их половинки, пришитые на ремешке, закрыты, разумеется, коричневой кожей, чтобы не блестели. Второй и третий клапаны имеют по две штыревые застежки, выточенные из латуни по рис. 5. На клапан они приклепываются. Застежки элементарные, но надежные. Расстегнуть их можно мгновенно, самопроизвольно это не проис-

ходит. Размеры ремешков, как пришиты они и клапаны — на фотографиях.

Клапаны как бы разделили патронташ на четыре подсумка, два из которых двухрядные. По сути, получилось «шесть полочек», на которые можно «разложить» патроны, сгруппировав их по желанию или необходимости. За два медных кольца, приметанных к основе, прицепил через карабинчики ремешок, и патронташ можно носить на шее.

Могут возникнуть вопросы: какими швами скрепляются детали патронташа, почему он укорочен удалением середины, а не края?

Шов применен встречный. По виду он напоминает машинный. Исполняется двумя иглами, которые в прокол шила идут навстречу друг другу. Детали стягиваются поэтому плотно. Можно шить и одной иглой, но, проходя шов дважды, его шаг в 4 мм для ячеек и в 10 мм при соединении патронташей. Верх сшивается одиннадцатую одиночными петлями. Их размещение изображено на рис. 3. Кромки клапанов обрамлены с помощью швейной машины.

Встречный шов описан в публикации «Зимняя обувь охотника» журнала «Охота и охотничье хозяйство», № 12, за 1979 год. Автор Житенев Д. шил льняной драпкой, я же капроновыми нитками, сложив их вдвое. По поводу выреза части патронташа. В середине легко замаскировать стыковочный шов.

Его закрывают ячейка, клапан, связка. Они же придают ему прочность. На краю патронташа шов потребовал бы для упрочнения добавочных накладок, что, в свою очередь, вызвало бы наложения дополнительных швов и т. д. Но вариант этот и другие могут быть привлекательны мастерскому охотнику.

Рисунки, фото автора

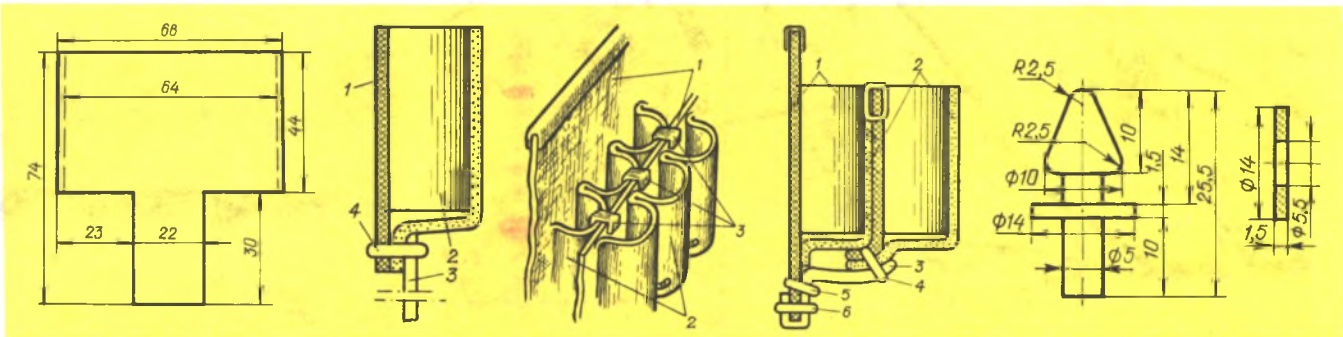
Рис. 1. Выкройка ячейки. Размер «68» для одиночной ячейки. Размер «64» для непрерывной заготовки ячеек

Рис. 2. Место «связки» у дополнительного патронташа: 1 — основа (в разрезе), 2 — ячейка (в разрезе), 3 — «связка», 4 — шов

Рис. 3. Соединение патронташей поверху: 1 — основы, 2 — ячейки, 3 — швы — петли

Рис. 4. Соединение патронташей понизу: 1 — основы (в разрезе), 2 — ячейка (в разрезе), 3 — «связка», 4 — первый шов, 5 — второй шов, 6 — третий шов

Рис. 5. Штырь и шайба к штырю (материалы латунь, по четыре штуки)

1

2

Звенят, звенят серебряные колокольчики

4

5

В сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» есть такой эпизод. Наклонился царь Еремей, чтобы утолить жажду, а морской царь хватил его за бороду и говорит: «Отпущу при условии, если пообещаешь отдать то, чего дома не знаешь». Прикинул Еремей, сколько земли, сколько люду рабочего, сколько золота в казне, все знает. Дал слово царское — сдержать обещание. А не знал царь Еремей самого главного, того, что у него сын родился.

Не будет преувеличением, если сказать, что мы в своей жизни зачастую оказываемся не более прозорливыми. Прошлая зима Красноярья помимо морозов преподнесла еще один сюрприз, который воспринимался, скорее всего, не сознанием, загруженным повседневными заботами, а каким-то внутренним, исходящим из глубин генетической памяти, ощущением дискомфорта.

Вторая половина зимы. Ветки ранеток, рябин до сих пор сгибаются под тяжестью плодов прошлого года. А едоков-то нет! Скажете, ну и что, эка невидаль. Нет да и нет! Других проблем хоть отбавляй — задержки с зарплатой, неплатежи, коммуналка на пределе. Да мало ли что? И беда может прийти куда как пострашнее.

Вероятно, ощущение какой-то внутренней тревоги людей, наделенных природной наблюдательностью, явилось причиной звонков на биологический факультет. Жителей города волновал вопрос: куда этой зимой подевались птицы? А ведь действительно, вся мелкая живность словно вымерла: два-три воробья на остановке, да кое-где промелькнет большая синица. Простой человек, может, и не ведает о всех премудростях трофических цепочек, но своим дотошным, крестьян-

3

6

ским нутром чует: если корма прорва, а птиц нет — быть беде!

В крае отсутствует система мониторинга ресурсов животного мира, а у науки нет денег, чтобы заниматься этим, поэтому вразумительного ответа на поставленный вопрос вы не добьетесь. Приходится уповать, как и во многом другом, на извечно русское — авось.

Для знающих экологов прошедшие месяцы стали временем тревожного ожидания. Явно что-то не клеилось, не укладывалось в привычные представления. Наконец, во второй половине февраля, словно прорвало, город погрузился в звон «серебряных колокольчиков». Тысячи свиристелей наполнили наши улицы, скверы, парки и сады. То там, то здесь заалела от падающих плодов и их сока земля.

Съесть свиристель может много, но самое ценное — семена растений проходят через организм птицы за несколько минут без изменений. Земля под деревьями, на которых после кормежки отдыхают птицы, бывает сплошь устлана этими семенами, часть из них обернется порослью молодых рябинок, другая — будет съедена птицами. Например, для голубей эти отходы — настоящее лакомство. С

пристальным вниманием здесь же суеются деловитые синицы, которых сразу стало больше. Вот и вернулось все на свои места. Завертелись, заскрежетали шестеренки природного круговорота. Действует экосистема, а это значит, что жизнь продолжается!

Можно говорить и спорить на различных уровнях и разных совещаниях: нужна нам экология или нет, которую почему-то в очередной раз исключили из школьной программы. До сих пор с завидным упорством мы считаем себя хозяевами Земли, наперед решаем, что в этой жизни сделать сегодня, а что и подождет. А может, мы, как царь Еремей, знаем все, но не знаем самого главного...

А. САВЧЕНКО,
профессор Красноярского
Государственного
Университета
Фото автора

1, 2, 3. Во второй половине февраля город погрузился в звон «серебряных колокольчиков» — прилетели свиристели
4, 5. Рябина привлекает не только свиристелей, но и дроздов-рябинников и снегирей
6. Зимующие утки стали частью городского пейзажа

ЛОСИНКА - ШКОЛА Б.М.ЖИТКОВА

Н. ВЕРЕЩАГИН

С. В. Лобачев. Среди сотрудников «Лосинки» Сергей Васильевич Лобачев интересовал меня как личность больше других.

Он жил в одной из комнат Биостанции одиноким холостяком и, кажется, дружил лишь с соседним семейством Стахоровских. Ходил зимой в какой-то старой шинели. Чем и как он питался, мне было неясно. Его занятия тоже были загадочны для меня. На протяжении 30—33 годов Сергей Васильевич казался угрюмым и неразговорчивым. Несколько позднее я узнал, что Лобачев еще в конце 20-х организовал одну из первых в советское время охотоведческих экспедиций в бассейн реки Верхней Вычегды, Республики Коми. Экспедиция, в которой участвовало несколько человек, разрабатывала методику учета охотничье-промысловых животных, определяя величину их ресурсов в условиях и пределах восточноевропейской тайги. Это было новое, оригинальное начинание в охотоведении.

Лобачев довел до печати материалы руководимой им экспедиции, издав их особой книгой, для чего ему пришлось продать три своих ружья. Много позднее я узнал, что Сергей Васильевич получил медицинское образование и сделался известным хирургом. Свое свободное время он посвящал охоте на медведей, преимущественно на берлогах, и лично убил 68 медведей, изучая физиологию их зимней спячки. Под старость, уже за 80, он нередко сотрудничал в «Охоте и охотничьем хозяйстве», вспоминал эпизоды своих охот и вдохновенные строки любимых русских поэтов.

Братья Н. П. и С. П. Наумовы. Старший — Николай Павлович Наумов — был среднего роста, темный шатен с рельефными чертами лица и густым баритоном. Познакомился я с ним в 1934 г. на квартире у Житкова, к которому он пришел с молодой женой, одетой в накидку из россомахи. Это было после его шестилетнего пребывания в Туруханской тайге. Такое безвылазное пребывание в лесной глуши с целью изучения условий жизни сибирских промысловых животных было подлинным научным подвигом. Наумов-старший превосходно знал повадки и методику промысла пушных зверей Сибири, написал и опубликовал ряд работ по этим темам. Он вскоре защитил кандидатскую и докторскую диссертации, работая на кафедре позвоночных Московского университета.

В конце 30-х и после ВОВ он занимался изучением экологии мышевидных грызунов и в 1955 г. выпустил капитальную книгу «Экология животных» в 593 страницы и возглавил кафедру Зоологии позвоночных в Московском университете, которой руководил вплоть до своей кончины.

Младший — Сергей Павлович Наумов — в начале 30-х в Лосинке показывался редко. Он был высокого роста, блондин, курил трубку. По-видимому, тогда он уже работал преподавателем в Педагогическом институте, а позднее был недолгое время директором НИ Пушного хозяйства и зав. кафедрой экологии Института Охотничьего хозяйства в Балашихе под Москвой. Вместе с Н. П. Лавровым Наумов совершил в 30-х большую поездку в Каракумы Туркмении для изучения экологии и запасов тонкопалого суслика, а в 40-х возглавил комплексное исследование экологии зайца-беляка в Якутии, выясняя причины резких всплесков и па-

дений его численности. Капитальная работа по этой теме была опубликована Сергеем в 1947 г. Курс биологии лесных зверей был опубликован Наумовым совместно с Лавровым в период его работы в Институте Пушного хозяйства и охотоведения в Балашихе.

Сергей скончался также в 80-х, хотя в противоположность Николаю был увлекающимся охотником. Особенно он любил охоту с гончими.

Е. П. Спангенберг. Среди житковцев наиболее симпатичен мне оказался Евгений Павлович Спангенберг. В «Лосинке» при мне его уже не было, и мы с ним познакомились позднее, когда он работал штатным коллектором Зоологического музея Московского университета. Женя был сухоощав, с тонкими чертами лица, острым носом, темными блестящими глазами и взрывным характером. Пожалуй, его можно было принять за испанца, француза или просто еврея, но, вероятнее, он был из немцев. Женя был, кажется, старше многих своих коллег и, вероятно, опытнее. Как полевой натуралист

Окончание. Начало см. в № 1, 2000 г.

он был увлеченный путешественник и очень легок на ногу.

В самом начале 30-х он работал «на подхвате» в бригаде Б. А. Кузнецова, выполняя некоторые заказные работы по ВНИПО: возможности и масштабы заготовок шкурок сови полчка и меховых шкурок некоторых водоплавающих птиц в Азербайджане; биология и численность енотовидной собаки в Приморье — в долинах рек Сихотэ-Алиня и Уссури; выпуск енота-полоскуна в Азербайджане. Все он делал крайне добросовестно, не жалея собственных усилий, и его региональные фаунистические очерки, преимущественно орнитологического содержания, всегда отличала большая точность и достоверность. Я наблюдал его за работой в Южном Прикаспии под Талышом у Ленкорани, когда он изучал там и ловил полчков в садах малоканского селения Вель. Зверьки основательно вредили там фруктам: яблокам, грушам, винограду. Привлекали их собственнo лишь зерна, а мякоть плодов отбрасывалась. Я помню нажарил себе, подражая древним римлянам, с десяток жирных тушек полчков из утреннего улова Спангенберга. Тогда же — в июне 1933 г. — я подарил ему полторамесячного котенка хауса — камышевой рыси, пойманного в зарослях ежевики у Кзыл-Агачского залива. Когда я подарил ему еще свой тропический шлем облегченного варианта, он радовался как ребенок.

Женя был отличным стрелком влет и, превосходно зная повадки и психику зверей, освоил методику их капканного лова. Сонь он успешно ловил, подвешивая на деревья дуплянки и спуская их по утрум на длинной веревке, выбирая затем вручную гонных зверьков.

Помню как-то летом 32-го года во ВНИПО пришел странный багаж — большой фанерный ящик из-под макарон, из которого обильно сыпались линные шкурки кожеедов и расплзались их коричневые кожистые личинки. Вскрытие показало, что ящик был набит солеными шкурками поганок, бакланов и нырковых уток, присланных Спангенбергом из Ленкорани на предмет опытной выделки и использования в качестве мехового товара. Возвращаясь из поездок, Спангенберг описывал в дневниках свои приключения и в середине 30-х неожиданно выступил с серией небольших книжек: «Записок натуралиста». Правда, гонорар за первую из них пришлось полностью отдать зав. редакцией Исааку Когану. Это было правилом поведения у такой публики, оседлавшей средства массовой информации (СМИ) и печати.

Женя был отличным коллекционером и с увлечением создавал и хранил свои сборы превосходно сделанных сухих шкурок птиц и натуральных гнездовых кладок яиц, особенно редких видов. В дикий восторг привел его мой подарок гнезда и полной кладки султанской куницы с Кзыл-Агачского залива и двух

соленых шкурок белых сов из долины Иртыша севернее Тобольска. Вообще коллекции шкурок птиц и мелких млекопитающих служили для молодых зоологов неким капиталом, который можно было превратить в дензнаки, если не сразу, так потом, на склоне лет, передав в музей или научный институт.

Несколько улучшив за счет гонораров от книжек свое благополучие, Женя даже купил «Победу», который стал управлять его старший сын. В середине 30-х Женя работал в Музее Дарвина. Он стал страдать от остеохондроза, жалуюсь на боли, показывал распухшие суставы пальцев. Писать по вечерам очередные книжицы он мог уже только с помощью допинга в виде поллитровки водки и, в конце концов, застрелился.

Причины самоубийства Евгения Павловича остались для меня загадочны. Мне он казался всегда жизнерадостным, ценящим жизнь и окружающую среду, особенно Природу нетронутых ландшафтов. Возможно, дело было в развивающемся остеохондрозе и приобретенном алкоголизме.

В. Г. Стахровский. Вольдемар Генрихович Стахровский, лет сорока от роду, в начале 30-х был основным жильцом «Лосинки», занимая с женой и сынишкой Женей примерно третью часть жилплощади Биостанции. Это был аккуратный, плотный брюнет среднего роста с темными глазами, всегда в очках, с небольшими усами и бородкой. Он напоминал типичного лесного чиновника-лесничего, каковым, в сущности, и являлся, заведующим лесным массивом Лосиноостровской лесной дачи. Мне казалось, что в семейном и хозяйственном смысле он был обустроен лучше всех остальных житковцев. Вольдемара можно было нередко видеть в сшитом по фигуре костюме лесничего, с небольшим рюкзаком-ранцем за спиной и с палкой-клюкой, отправлявшимся в город по каким-то делам, вероятно за хозяйственными покупками. Теплые отношения у него были, по-видимому, только с С. В. Лобачевым, занимавшим смежную комнату и, видимо, столовавшим у Стах-

ровских. С остальными ребятами он был холоден и официален, как и полагается у обрусевших немцев. Сын Женя подрастал, учился и стал позднее старательным экономистом-охотоведом, переехав с коллективом в Киров в начале 60-х. Жена Вольдемара вскоре померла от чахотки.

В лаборатории Вольдемар показывался редко и в обсуждении проблем экологии животных и дискуссиях с молодежью практически не участвовал. Кажется, в 90-м о нем коротко писал в нашем журнале сотрудник ВНИИОЗ С. А. Корытин.

С. С. Фолитарек. Сергей Семенович Фолитарек, по-видимому, чех по происхождению, в 29—30-х годах усердно работал на Лосиноостровской Биостанции с биноклем, досконально изучая питание камчатского соболя и европейского рябчика по содержимому желудков. Сложения он был астенического, с тонкими чертами лица и темными глазами. Вряд ли ему было тогда более 23—24 лет. Он уже опубликовал подробную статью о биологии крота. Житков в разговоре со мной как-то с большой похвалой отзывался о Фолитареке. «Это, безусловно, очень серьезный и усидчивый исследователь», — удовлетворенно произнес он, возможно, в наизидание мне. В конце 30-х я застал Фолитарека работающим в Институте Эволюционной морфологии и экологии животных (НИИЭМЖ) АН СССР в Москве, а после ВОВ он переехал в Новосибирск в Институт Зоологии Сибирского отделения АН. Там он возглавлял большую комплексную работу по изучению экологии водяной крысы — серьезного вредителя зерновых полей в Барабинской степи и опубликовал большой том по этому поводу. Кажется, Фолитарек оказался одним из последних долгожителей школы Житкова и скончался после тяжелой болезни только весной 1997 года.

А. Н. Формозов. Вспоминая былое, я отчетливо представляю себе, что Александр Николаевич Формозов был наиболее талантливым и продуктивным питомцем «Лосинки». Практические и научные задачи прикладной охотовед-

ческой науки он представлял, быть может, не хуже самого Б. М. Житкова. Именно он выполнил в начале 30-х в «Лосинке» большую обзорную работу по миграциям белки — основного массового промыслового зверька России.

Ко времени моего появления на Биостанции Формозова там уже не было — он давно «слетел с гнезда» и работал, вероятно, в Московском университете.

Было уже тогда совершенно очевидным, что основные интересы молодого ученого лежат в области полевой экологии птиц и млекопитающих. Формозов был привлекательной фигурой для молодежи и около него постоянно группировались молодые зоологи-юннаты — например Лева Капланов, Вадим Раевский, Лева Днесман, Толя Воронов и другие, ставшие позднее известными учеными. От Капанова я слышал, что в 1926 г. состоялась зоологическая экспедиция МГУ в горный Дагестан в составе проф. С. И. Огнева, Гептнера и Формозова. Они рядились тогда под англичан в приобретенные по случаю тропические шляпы, и это способствовало их благополучию, поскольку к русским отношение горцев было всегда более или менее враждебным.

Личные встречи с Формозовым были у меня немногочисленны, но запомнились. Он был одно время консультантом во ВНИПО в период обитания института в «Башне» (1932—33), а потом мы встречались на заседаниях кружка биологов в Музее МГУ — Моск. Общ. Исп. Природы (1937—38); во время 1-го Международного совещания по млекопитающим в БРНО (1960); на X Конгрессе биологов-охотоведов в Хельсинки (1968). Александр Николаевич был тогда уже широко известен как превосходный натуралист-эколог, отличный рисовальщик-анималист, весьма напоминающий по общему стилю работы американца Сетона-Томпсона. Сложения он был плотного, с крупной головой, коротким тупым носом и вполне заурядной внешностью. Он был женат на раскошной блондинке, которая родила ему сына, ставшего в 70-х известным археологом. Впрочем, и сама блондинка была известным геологом и даже разделила со мной

1-ю премию МОИП 1963 года за работу по геологии Сибири.

Наиболее известные печатные работы Формозова — это: «Снежный покров как фактор среды, его значение в жизни млекопитающих и птиц СССР» (М., 1946, 141 с.) и «Звери и птицы и их взаимосвязи со средой обитания» (М., 1976, 310 с.). С начала 30-х годов ученый проводил круглогодичные полевые исследования по грызунам в Шарыинском районе Костромской области. В 30-х Формозов уделял много внимания вопросам использования диких биоресурсов для нужд социалистического хозяйства и утверждал, например, что популяции водоплавающих птиц разумнее использовать на зимовках, когда они сами себя транспортируют большими массами. Уже в 70-х он выступал как горячий защитник Природы и ее ресурсов. Несколько лет — в 50-х гг. он был заведующим отделом Биогеографии в Институте Географии АН СССР, куда привлек на работу Насимовича, Юргенсона и Зимину*. Прожил Формозов относительно недолго — 76 лет, но сделал для отечественной науки в качестве полевого эколога и популяризатора больше любого из своих современников.

П. Б. Юргенсон. Петр Борисович (Юльевич) Юргенсон запомнился мне высоким ростом, широким лицом и плечами; светлой прической и тихой шепелявостью. Скорее всего, он происходил из прибалтов-латышей, эстонцев. На Станции он показывался редко, но было известно, что он пишет брошюру по ласке. Вскоре он действительно опубликовал несколько популярных брошюр по кунным. Держался Петр особняком и, кажется, ни с кем из житковцев не дружил.

Докторскую степень он получил, обрабатывая какие-то материалы по поведению, и позднее работал у Формозова в биосекторе Института Географии АН.

* С директором Института Географии акад. И. П. Герасимовым А. Н. не ладил и был незаслуженно уволен.

А. Ф. Чиркова. Анна Федоровна Чиркова была безусловно самой трудолюбивой женщиной «Лосинки».

Весной 1929 г. это была плотная небольшая брюнетка с медным цветом лица и низким грудным голосом. В науке она была однолюбкой и всю жизнь занималась биологией лисицы, особенно ее питанием. При нашем первом знакомстве в апреле 29-го я обратил внимание, что она работает без маски и без перчаток, разламывая над большими кюветами десятки сухих лисьих колбасок — фекалий. Против света мне было хорошо видно, как к лицу Анюты поднималось облачко пыли известковых и органических частиц из когда-то живых тканей кумушкиных жертв. Я сказал ей об этом, она только беззаботно усмехнулась. Если она не погибла раньше времени от какой-нибудь глистной или микробной заразы, то обязана этим либо счастью, либо просто своей здоровой натуре.

Как-то, в середине 70-х, у меня даже зародилась небольшая переписка с Чирковой по поводу лова песцов на Таймьре, по которому она путешествовала в 60-х, собирая все тот же материал по лисице и песцу. Анна Федоровна уверяла тогда, что, по ее сведениям, мороженое мясо мамонтов считается у ненцев и долган лучшей приманкой в капканах и пастях для песцов. В силу своей мужественной натуры Анюта осталась, по-видимому, старой девой и скончалась в 80-х. Поясню, что для меня, как председателя мамонтового комитета Академии Наук, сведения о ловле песцов на мясо мамонта могли служить источником информации о месте залегания мерзлых трупов (туш) носорукых гигантов (!). К сожалению, абorigены тундры — оленеводы и охотники — не всегда охотно делятся своими сведениями о находках в мерзлых просторах сибирских равнин, даже при поощрении их небольшими премиями.

Материалы, собранные Чирковой на протяжении жизни по экологии лисицы, послужили основой ее докторской диссертации.

Л. В. Шапошников. Волею Б. М. Житкова судьба соединила меня наиболее плотно с Леонидом Владимировичем Шапошниковым. Доверяя мне воплощение в жизнь своей идеи — приживания нутрии в болотах юга СССР, Борис Михайлович, вероятно, подстраховывал себя и меня, соединяя нас в поездках по выбору мест для выпуска опытных партий заморского грызуна. Мы познакомились еще в 1929 г. на Биостанции в «Лосинке». Леонид был плотный коротышка, темный блондин, некрасивый лицом, старше меня на три года и преподавал уже в каком-то фабричном техникуме. Он увлекался физкультурой и, будучи еще студентом, участвовал от общества «Динамо» в международных соревнованиях по фигурному катанию. Оказался чемпионом 25-го года; знал также бокс и плавание. При физической неказистости Леонид

пользовался безусловным успехом у прекрасного пола и, по мнению С. В. Лобачева, был наиболее потенциальным продолжателем рода человеческого. Дружил он с Вяжлинским и ездил с ним изучать выхухоль и бобра в Белоруссию.

Леня довольно быстро отрекомендовался мне в качестве племянника трех дядей-профессоров и как сына профессора (вскоре ставшего академиком-микробиологом за разработку метода быстрого сквашивания хлебной опары особым штаммом дрожжей). Один из дядей Лени был математиком, создавшим известный толстый учебник весьма ехидных арифметических задач.

С 1930 г. и по 1933 г. мы с Леной обследовали тростниковые (камышевые) болота и озера в придаточных системах рек: Сыр-Дарьи, Куры, Аракса, Кубани, Терека, Сулака и Риона — на предмет приживания там нутрий. Опубликовали соответствующие очерки по этому поводу. В поездках мы были вполне единодушны, но близко так и не подружились, не сошлись. Что-то в Лене мне нравилось не до конца, не полностью. Одетые в свободные полувоенные костюмы цвета «хаки», мы везде привлекали внимание и заслужили около 20 различных эпитетов-имен от простодушных подростков. «Пат и Пата-

шон», «Американцы», «Англичане», «Французы», «Испанцы», «Пожарники», «Ковбои», «Вояки», «Акробаты», «Артисты» и т. д., — слышали мы о себе на улицах южных городов.

Весной 1931 г. мы выпустили в тростники Кызыл-Агачского залива у Ленкорани 10 пар нутрий, потомки которых обитают там и поныне. Был тогда снят и небольшой кинофильм по этому поводу. Позднее Леня преподавал зоологию поочередно в Рязанском, Тверском и Нижегородском пединститутах и университетах. В начале 50-х Шапошников, будучи доцентом Нижегородского (Горьковского) университета, попытался дать научное толкование теории акклиматизации пушных зверей и даже защитил по этому поводу докторскую диссертацию при Московском университете. Помню, я послал на его автореферат весьма критический отзыв, особенно в связи с рабским цитированием Леной догм Трофима Лысенко.

Скончался Шапошников в начале 80-х, оставив некоторое количество потомков от своих почитательниц, студентов и жен. Значительных научных трудов он не оставил.

Хотя «Лосинка» с 1931 г. официально подчинялась ВНИПО и финансировалась им же, она сохранялась как самостоятельная зональная лаборатория со своим

директором-заведующим и своим штатом. В 1934 г., когда власть во ВНИПО была неожиданно захвачена странной группой экономистов-охотоведов, от биологов-охотоведов решили избавиться и вытеснить их из центрального штата и помещения. Это было, в сущности, логично, так как помещений для лабораторных занятий в новом здании на Балчуге все равно не было. Оказалось, что спихнуть мою группу: меня, Бориса Богачева, Женью Гринберга — в «Лосинку» было проще простого. Меня эта ведомственная возня уже мало трогала, так как я собрался переезжать в Ленинград. Разда два я все же съездил по старой памяти в Сокольники. Там в «Лосинке» оказались новые стажеры и практиканты. Среди них выделялись два жизнерадостных парня: Иван Михайлович Колосов и Алексей Александрович Максимов. Помню, что их необычайно увлекли экологические проблемы в связи с публикацией книги Д. Н. Кашкарова «Среда и сообщество» (М., 1933) и переводной книжонки Эльтона «Экология животных». Колосов и Максимов вскоре стали видными учеными. «Лосинка» в последующие годы продолжала существовать со сменным составом администрации и сотрудников, но прежнее ее очарование как-то сгладилось, исчезло. Близились грозные дни Великой Отечественной войны.

ЗАПЧАСТИ

для мотоциклов
и снегохода

«Рысь»

Высылаем

наложенным платежом
107258, Москва, а/я 19

Дорогие читатели, друзья!

Подписка на журнал

«ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»
продолжается!

Если вы не успели подписаться на полгода,
то до 15-го,
а в некоторых районах до 20-го февраля
можно оформить подписку начиная с апреля
и до конца полугодия.

Наш индекс 70673 по каталогу Роспечати

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
МАТЕРИАЛЫ**

Предприятие ООО «Художественные материалы»
Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчет
шкурки и хвосты беличьи, колонковые

610004, г. Киров, ул. Р.Люксембург, 23. Тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22 е-мэйл: chief@brush.kirov.ru

В конце этого года в свет вышло уникальное издание — книга В. Флинта и А. Сорокина «Сокол на перчатке». В этой книге впервые в России глубоко и подробно великолепным художественным языком рассказано о соколиной охоте, о ее истории, о видах пернатых хищников, используемых на этой традиционно древней охоте, об их биологии, содержании, выращивании и обучении. Интерес к соколиной охоте возрожден не только в странах Ближнего Востока, но и в Европе, возрождается он и в России, и редакция нашего журнала часто получает письма с вопросами, относящимися к этой охоте. Рекомендуем книгу В. Флинта и А. Сорокина, мы выражаем сожаление по поводу малого ее тиража (3 тыс. экз.) и перепечатываем здесь из этой книги рассказ о наиболее распространенном в России пернатом хищнике — ястребе-тетеревятнике (приведен с некоторыми сокращениями).

КРЫЛАТЫЙ ВОЛК

Действительно, есть какое-то поразительное сходство между волком и ястребом-тетеревятником. И отнюдь не только в окрасе, хотя и она похожа — оба хищника буровато-серые, лесного сумеречного оттенка. Но сходство больше проявляется в выражении, в общем впечатлении, в самой сущности животного. У обоих особенно жестокий, безжалостный взгляд желтых непроницаемых глаз, оба прекрасно вооружены, точно созданы для убийства, оба хорошо изучили человека, часто живут незаметно рядом с ним и, как кажется (только кажется), даже немного презирают его. Их роднит удивительная дерзость и смелость, сочетающаяся с большой осторожностью.

...Неширокая гряда высокоствольного глухого ельника тянется на многие километры. Одной своей стороной гряда сползает в моховое болото, и здесь громадные ели быстро сменяются редкой корявой сосной, зарослями душистого багульника, широкими, покрытыми брусничкой и голубикой кочками, мокрыми подушками мха с клюквой, подбелом, кассандрой. По другую сторону гряды лес постепенно мельчает, в строю елей появляются сначала крупные старые осины, затем все больше и больше власть захватывают березы, лесные ивы, осиновая мелочь, перемежающаяся с ласковыми сенокосными полянами, пронизанная сетью неезжих, заросших травой лесных дорожек. А дальше уже опушка леса, кустарниковые куртины и совсем уж юные бере-

зовые заросли, выбегающие на давно не паханное поле, за которым на бугре виднеется заброшенная, полуразвалившаяся деревушка. Такая знакомая, такая близкая картина Средней России.

В еловой гряде, ближе к опушке, на старой ели, чуть выше середины дерева, у самого ствола видно большое гнездо. Трепещущие на легком ветерке свежие пушинки, зацепившиеся за сучья гнезда, говорят, что оно обитаемо. Присмотревшись внимательно, можно заметить конец хвоста сидящей на гнезде птицы. А если ударить палкой по стволу, с гнезда слетит сама хозяйка, крупная ширококрылая хищница, и начнет кружить невысоко над лесом с отрывистым и злым «киии, киий». Это — самка ястреба-тетеревятника.

Пара тетеревятников живет в этой гряде уже много лет. У нее здесь четыре гнезда, которые птицы занимают поочередно каждую весну. Еще в феврале начали тетеревятники воздушные игры, демонстрируя свои хозяйские права. Воздушные эволюции продолжались и в марте. Они очень разнообразны: птицы поодиночке или в паре кружили высоко над лесом на неподвижных крыльях, делали неожиданные крутые повороты, иногда переходили на волнистый ныряющий полет, сопровождаемый медленными и громкими хлопками крыльев. В это время прикрывающие хвост снизу белые перья распушались, подобно ватному помпону, а хвост, при обычном полете раз-

двинутый, сжимался в узкую дощечку. Такие воздушные танцы птицы обычно начинали рано утром, едва всходило солнце. Воздушные танцы означали приход весны, хотя все еще было под снегом, а по ночам от мороза потрескивали деревья.

В конце марта, почти за месяц до начала откладки яиц, самка сделала окончательный выбор гнезда на эту весну. Чем она при этом руководствовалась, никто не знает, однако для самой самки выбор наверняка был как-то обоснован. Когда решение было принято, оба ястреба начали подновлять облюбованное гнездо. Они носили туда веточки и прутья, сухие сучки и палочки, собирая их со снега или отламывая прямо с деревьев. В это же время самец начал характерное для многих хищников ритуализированное кормление самки, но делал это на свой особый ястребиный манер: поймав и обезглавив дятла или сойку, он не летел с добычей к гнезду, а издавал своеобразный крик. Почти в то же мгновение самка выныривала из гущи ветвей, садилась рядом и выхватывала добытый самцом трофей. Она, конечно, умела и сама охотиться не хуже самца, но обычно есть обычай. Да самцу пора и привывать к новой весенней роли кормильца, которую он подзабыл за долгую голодную зиму.

К середине апреля гнездо было готово. Как завершающий строительство штрих, самец принес и уложил в лоток несколько свежих сосновых веточек с зелеными иголками. А через два дня на мягком, выстланном сухими травинками лотке лежало первое яйцо — грязно-белое, без всякого рисунка. Самка уже не покидала после этого гнезда, хотя инкубация шла не в полную силу, и птица периодически охлаждала яйцо, слегка привставая с него. Да и наследное пятно на ее груди еще не сформировалось полностью. Через два дня в гнезде появилось второе яйцо.

Солнце уже поднялось над лесом, но самец-тетеревятник все еще не покинул места ночевки — кроны старой сосны, поднимающейся среди сплошного ельника. Он сидит близко к стволу, совершенно неподвижно, и поэтому почти невидим. Но ему-то сверху открывается отличный обзор, он видит моховое болото и кормящихся на разогретом мху чибисов. Он видит шумных дроздов-рябинников, облюбовавших группу елей для гнездования и целой колонией занимающихся сейчас постройкой гнезд. Ему виден даже край поля, где на прошлой годней стерне черными точками бегают, дерутся и подпрыгивают токующие тетерева. Ястребу доступны все эти птицы, и он только выбирает самый верный, самый надежный, самый эффективный ход. Наконец выбор, видимо, сделан. Тетеревятник разворачивает короткие, широкие, закругленные на концах крылья и снимается с дерева. Неслышной серой тенью мелькает он среди ветвей, длинный широкий хвост позволяет ему почти без усилий маневрировать среди

стволов. Вылетев на заросшую сеновозную дорожку, ястреб снижается к самой земле и несется, повторяя все изгибы дорожки, в сторону опушки и поля. Вот и поле, поднимающееся пологим бугром, и тетерева на склоне бугра, всего метрах в ста от края леса. Укрываясь за последними кустами, ястреб еще плотнее прижимается к земле, крылья его почти задевают торчащие стебельки, он увеличивает скорость и в считанные мгновения оказывается среди потерявших бдительность тетеревов. Точно взрыв, с грохотом крыльев, в мелькании белых и черных пятен, одновременно взлетают косачи и бросаются в разные стороны. Ястреб в доли секунды намечил добычу окончательно — это тетерев, отлетающий от тока в том же направлении, в каком двигается хищник. Какое-то время обе птицы движутся параллельно, ястреб выравнивает скорость, он уже чуть выше, затем тело его, послушное легчайшему движению хвоста, поворачивает набор, длинные лапы с растопыренными пальцами, вооруженными сильными кривыми когтями, выбрасываются вперед... и в этот момент птицы касаются друг друга, почти сталкиваются в воздухе. Кажется, от этого соприкосновения ничего плохого случиться не могло, так легко и мимолетно оно виделось со стороны. Но ястреб и тетерев уже не разъединяются и оба кувыркающимся комком валются на землю. С хлопаньем крыльев перекачивается комок по стерне, оставляя на ней пучки черных перьев, застывая на секунду, а затем снова продолжая беспорядочные броски. Косач отчаянно сопротивляется. Это — сильная птица, и весеннее плотное перо его, подобно кольчуге, противостоит даже дробь. Но он обречен: ястреб взял его лапами под крыло, длинные острые когти вошли глубоко между ребер, разорвали легкие и важные артерии и сжимаются все сильнее и сильнее, нанося новые разрушения. Сам ястреб, откинувшись назад от возможных ударов конвульсирующих крыльев, теперь просто ждет конца. Он знает свое дело, и этот косач — далеко не первый.

Ощипав добычу спереди, он начинает вырывать куски мяса и не спеша их проглатывает, постоянно осторожно оглядывая окрестности. Но потом, точно вспоминает что-то, быстро снимается и летит с остатками тетерева к лесу, к еловой гряде. Усаживаясь на свою излюбленную сосну, он издает негромкий призывный крик, и тотчас снизу из-за елей вылетает гораздо более крупная и массивная самка. Без всяких церемоний она подхватывает остатки тетерева и приступает к трапезе. Самец же сидит рядом и тщательно чистит клюв и когти. Затем он слетает, ныряет за ели и исчезает: теперь его черед согреть кладку до тех пор, пока не вернется самка.

Через семь дней после откладки первого яйца в гнезде их уже четыре — полная кладка. Все яйца совершенно одинаковы — одноцветные, без рисун-

ка, грязновато-белые. Теперь насиживающая самка вовсе не покидала гнезда, и самец приносил свою добычу ей прямо на «рабочее место».

В начале июня, после тридцати пяти дней инкубации, проклюнулось первое яйцо. Через сутки в гнезде, рядом с тремя яйцами, уже лежал птенец, покрытый коротким, но плотным пухом, белым на нижней стороне тела и сероватым на спине. А еще через четыре дня на мягкой подстилке лотка, в окружении зеленых веточек березы, лежали уже все четыре птенца. Они родились с гораздо меньшим интервалом, нежели были отложены яйца. Сказалось то, что в первые дни инкубации самка практически не грела яйца, а только не давала им остыть до опасного уровня. Теперь она вставала с гнезда лишь для того, чтобы принять от самца добычу, разделить ее и покормить птенцов. Однако в отношениях супругов появились новые нюансы. Самка не только не позволяла самцу оставаться на гнезде с птенцами даже на минуту, но и не начинала кормить их в его присутствии. Передав очередной трофей, он вынужден был тотчас отлететь. Впрочем, ему и некогда было задерживаться у гнезда — с выуплыванием птенцов заботы прибавилось.

На хорошем корме птенцы быстро крепли. На седьмой день они сменили первый пуховый наряд на второй, такой же, но более густой и пушистый. Сквозь него начали пробиваться первые пенки будущих перьев. Несмотря на достаточную обеспеченность пищей, птицы не были дружны. Старший, который в первые дни заметно выделялся более крупным ростом, терроризировал всех остальных. Особенно трудно приходилось самому маленькому. Даже не будучи голодным, старший ястребенок постоянно преследовал малыша, пытаясь клюнуть его в глаз, хватая за угол рта. Особенно старался он, когда младший только что был покормлен и на клюве видны были следы крови. Может, старший хотел отобрать съеденное или просил покормить его — кто знает? Но так или иначе, он все же разорвал рот малышу и выклевывал ему глаз, после чего мать, увидевшая кровь, совершенно хладнокровно вытащила птенца из гнезда, обезглавила его и преспокойно съела. На взгляд человека, это чудовищный поступок. Однако к диким животным человеческие мерки прилагать ни в коем случае нельзя. У природы свои законы, и они практически всегда жестоки, хотя в основе их лежит целесообразность, направленная, правда, не на отдельную особь, а на популяцию, на вид, на общность. Отношения хищника и жертвы — это одна из главных движущих сил эволюции и вместе с тем одно из наиболее жестоких проявлений взаимоотношений животных. Мы, люди, принимаем это с позиции научного анализа, научной оценки, но очень часто протестуем, отвергаем этическую сущность (или по крайней мере стара-

емся ее не замечать). Нужно, однако, отчетливо представлять себе, что понятие жестокости — это чисто человеческая категория, неизвестная животным и поэтому к ним неприменимая. Объективно нет и не может быть животных симпатичных или отталкивающих, добрых или жестоких, даже если речь идет о противопоставлении доверчивого черноглазого косуленка и убивающего его волка или беркута. Такова грустная диалектика жизни, и человеку, его суду, его оценкам здесь места нет.

Расправившись с младшим братом, старший пытался перенести свою активность и агрессию на двух других, но те успели за это время окрепнуть и оказали должный отпор. А еще через неделю агрессивность старшего птенца постепенно пропала. Так в гнездах некоторых хищных птиц производятся своего рода подгонки величины выводка к реальным запасам пищи и способности родителей ее добыть.

Вот незаметно подошла и середина июля. Но ястребят пока не поднялись на крыло, и корма им требуется много — размером они почти со взрослую птицу. Птенцы уже не сидят днем в гнезде, а с неумемым любопытством путешествуют по ветвям ели, то поднимаясь к ее вершине, то исследуя нижние этажи. Они подолгу машут полностью сформировавшимися крыльями, помогают ими балансировать на ветках, но не решаются еще перелететь на соседнее дерево. Однако на ночь все собираются в гнездо, и мать ночует рядом с ними на соседнем суку. Самец остался верен избранной им еще с ранней весны сосне, под которой скопилась уже целая коллекция погадок, птичьих перьев, сухих обрывков шкурки и других остатков летних трапез.

Охотятся теперь оба ястреба, обычно поодиночке, но иногда и в паре, когда на долю самца выпадает роль загонщика, а самки — перехватчика. Охотничий участок значительно расширился, теперь тетеревишки нередко залетают за пять-шесть и более километров, посещая не только прилегающее моховое болото, опушку и поле, но и деревню за болотом и еще более дальний лес. Они заметно разрешили птичье население окрестностей гнезда. Это и понятно — сколько за эти месяцы гнезд осталось без хозяев, сколько выводков стали сиротами и погибли! Для ястребов ведь нет ни сроков, ни других ограничений.

Тетерка с выводком провела ночь в густой траве на краю еловой островка, недалеко от коренного берега, по которому тянется гряда высокого ельника. С рассветом выводок покинул травянистую окрайку острова и перешел на мох. Здесь посуше, нет напитанной водой травы, поголее, и тетеревята, не любящие мокнуть, разбрелись по кочкам, выбирая наиболее спелые ягоды голубики. Несмотря на предупреждающее поквохтывание старой тетерки, все пять тетеревят не спешат снова собираться в тесную стаю. Они уже хоро-

шо летали, но жизненного опыта у них еще нет. Именно в это время молодежи очень свойственно чувство уверенности в себе, и это чувство нередко обманывает и приводит к беде.

Пути выводка по моховому болоту и тетеревятника вдоль кромки еловой гривы пересеклись. Ястреб шел немного в стороне, по совершенно открытому месту, без всякого прикрытия, и старая тетерка заметила его. Она громко тревожно кокнула, и сигнал этот предписывал тетеревкам замереть, вжаться в кочки. Учитывая, что тетеревятник идет с большой скоростью, это решение было бы оптимальным. Но разошедшийся широко выводок, не видя матери и не понимая, откуда опасность, растерялся, и два крайних тетеревенка взлетели, причем один даже в сторону врага. Это решило его судьбу. Пологий выраз ястреба, и обе птицы как бы сталкиваются почти на встречных курсах. Живым клубком, посылая моховые кочки перьями, они валятся на землю. Сопротивление молодого и слабого тетеревенка длилось секунды, а через минуту ястреб уже тяжело летел к гнезду. В лапах его безжизненной тряпкой раскачивался тетеревеночек. А тетерка все еще квохтала, подзывая недостающего птенца.

В конце июля все три оставшихся ястребенка как-то вдруг одновременно начали перелетать с дерева на дерево, а потом принялись и за более дальние полеты. Сначала робко и неуверенно, а потом все смелее и смелее они осваивали летное искусство. Но вечерами все же собирались в районе гнезда. Да и от родительской подкормки отказались они не скоро. Только еще через месяц после вылета из гнезда, в начале сентября, когда лист начал падать с деревьев, перешли они к самостоятельной жизни, незаметно улетели из еловой гряды, и дальнейшая судьба их неизвестна. А пара старых тетеревятников и сейчас живет на том же месте, потому что места эти глухие, заброшенные и людей там нет.

Комментарий зоолога.

Несмотря на достаточно обширный ареал, географическая изменчивость тетеревятника сравнительно невелика. Реально на территории бывшего Советского Союза живет пять или шесть подвидов, отличающихся друг от друга в основном интенсивностью окраски и размерами. Так, на севере европейской части России и в Западной Сибири распространены очень крупные светлосерые птицы, которые встречаются в Средней России только на зимних кочевках. Север азиатской части России и Камчатку населяет очень интересный совсем светлый подвид, часть особей которого — почти белые. На Кавказе, в южной Сибири и на юге Дальнего Востока живут представители некрупных темноокрашенных подвидов. На остальной территории обитает номинальный подвид.

Нужно заметить, что биологически тетеревятники из разных районов очень сходны. Везде это удивительно

универсальный хищник, почти с равным успехом добывающий как птиц, так и млекопитающих. Добычу тетеревятника составляют даже такие крупные животные, как глухарь и заяц-беляк, которые по весу более чем в два раза превосходят самого ястреба. Правда, таких животных могут взять только крупные самки. С другой стороны, в числе кормовых объектов тетеревятника зарегистрированы и мелкие певчие птицы, и мышевидные грызуны. Таким образом, круг жертв необычайно широк, хотя в каждой местности и даже для каждой пары особенно характерен сравнительно небольшой набор видовых жертв, то есть можно говорить о локальной и индивидуальной специализации. К сожалению, в числе кормовых объектов тетеревятника числятся и многие домашние птицы, и выпущенные в охотничьи хозяйства искусственно выращенные фазаны, куропатки и утки. Вместе с тем тетеревятник — один из основных регуляторов численности врановых птиц — серой и черной вороны, сороки, и необыкновенная вспышка их численности должна не в последнюю очередь рассматриваться как результат последовательно многолетнего истребления этих ястребов.

Консервативен тетеревятник и в строительстве гнезд. В северных частях ареала он устраивает гнезда почти исключительно на хвойных деревьях, преимущественно на ели, в южных — на лиственных: на дубе, липе, березе. Нередко, однако, тетеревятник использует и чужие гнезда, прежде всего — кнюка.

Численность тетеревятника, заметно подрванная преследованием человека в 40—50-х годах, сейчас понемногу восстанавливается. Он появился на гнездовье уже вокруг крупных городов, и известны случаи его гнездования даже в черте Москвы. Специальных мер охраны тетеревятника не предусмотрено. Он не занесен в Красную книгу. Однако отстрел его и разорение гнезд запрещены законом.

Тетеревятник сейчас, несомненно, самая популярная ловчая птица, причем это справедливо для всех стран. Универсальность в охоте, добычливость, легкость обучения и, наконец, сравнительная простота приобретения этого ястреба делают его любимцем современных сокольников всего мира. Да и в старину, даже на заре соколиной охоты, он был верным помощником людей.

Флинт В., Сорокин А.

Желающим получить эту книгу
обращаться следует по адресу:
121099, Москва, 1-й Смоленский пер.,
дом 9, издательство «Эгмонт».

ВОПРОСЫ—ОТВЕТЫ

Вопрос. Как влияет картонная прокладка, устанавливаемая на пороховой заряд, на качество выстрела?

Ответ. В свое время А. Можаров приводил такие данные о влиянии досылаемых на порох картонных прокладок на бой ружья: при 2 г «Сокола» и снаряде дробы № 7 весом 33 г скорость в 10 м от дула при картонной прокладке толщиной 1,8 мм составила 331 м/с, при 0,5 — 0,6 мм — 311 м/с, при отсутствии прокладки — 269 м/с. Кроме того, тонкие картонные прокладки на порох, допускающая прорыв газов, повышают дульное давление до 90 — 104 кгс/см² и снижают равномерность дробовой осыпи. С учетом этого на порох необходимо ставить один или два картонных пыжа общей толщиной 2,5 — 3 мм или пластмассовый обтюратор.

Вопрос. Какие должны быть размеры войлочного пыжа, устанавливаемого на пороховые картонные прокладки?

Ответ. Войлочный осаленный пыж, устанавливаемый на пороховые картонные прокладки, должен быть по диаметру на 0,1—0,2 мм больше диаметра канала ствола (при этом считается, что внутренний диаметр трубки гильзы равен диаметру канала ствола), а его высота должна находиться в пределах от половины до двух третей диаметра канала ствола. В пластмассовую гильзу полиэтиленовые пыжи и обтюраторы должны входить под легким нажимом пальца.

Вопрос. Можно ли снаряжать патроны магнум мягкой дробью?

Ответ. Мягкая дробь для снаряжения патронов магнум совершенно не пригодна, так как из-за большой высоты столбика дробы в снаряде она будет сильно деформироваться при выстреле, что повлияет на характеристики дробовой осыпи у цели в худшую сторону. Мягкая дробь имеет твердость 5—6 кг/мм², а твердая дробь — 13—16 кг/мм².

Вопрос. Какова твердость картэчи в иностранных патронах?

Ответ. Измерения твердости картэчи фирм «Ротвайл» и «Ремингтон» показали, что ее твердость равна 9 кг/мм².

Вопрос. Нужно ли под дробь на войлочный пыж класть картонную прокладку?

Ответ. При снаряжении патронов, обычно, на войлочный пыж кладут картонную прокладку толщиной 0,5—0,7 мм с целью исключения прилипания к войлочному пыжу некоторого количества нижних дробин, так как считается, что такой утяжеленный войлочный пыж разбивает дробовой снаряд при вылете его из канала ствола и тем самым уменьшает кучность боя и равномерность дробовой осыпи.

Ответы подготовил М. БЛЮМ

ООО КПО «Прожектор» ВОС

выполняет заказы
на изготовление капканов КА-2
(куница, соболь, хорь, колонок),
КА-2Н (норка, ондатра),
КА-3 (бобр, енот, выдра, лиса, песец),
реализует самоловы в обмен на хвосты белки,
колонка, куницы и низкозачетное пушно-меховое сырье

Наш адрес:

610014, г. Киров, ул. Пугачева, д. 3

Тел/факс (8332) 63-17-56, 63-15-72, 63-30-91

**Купим шкурки
соболя, бобра, куницы,
белки, колонка, ондатры**

Цены договорные

*610000, КИРОВ,
УЛ. ЭНГЕЛЬСА, 79,*

«ВЯТКА - МЕХ»

ТЕЛ/ФАКС (8332) 62-57-23

**ЗАО Межобластная промышленная база
охотничьих и рыболовных товаров «СОКОЛ»
предлагает со склада в г. Железнодорожном Московской области
оптовые и мелкооптовые партии товаров для охотников, рыболовов и туристов**

- оптические прицелы различных модификаций, кронштейны
- бинокли в ассортименте
- патронташи, погоны ружейные
- чехлы для карабинов и ружей
- наборы для чистки оружия
- масло ружейное, щелочной состав
- устройства для снаряжения патронов
- пыжи войлочные, ДВП, полиэтиленовые
- дробь, картечь, пули для охотничьего и пневматического оружия
- запасные части и магазины к отечественному охотничьему оружию
- рыболовные снасти (удилища, катушки, леска, сети, крючки и т.д.)

- товары для животных (ошейники, поводки, намордники и т.д.)
- одежду камуфлированную для зимы и лета
- маскхалаты, противознцевалитные костюмы, обувь, головные уборы
- термосы, компасы, посуду алюминиевую
- рюкзаки, палатки, спальники
- лыжи охотничьи
- лодочные моторы и запчасти к ним
- резинотехнические изделия (лодки, сапоги, чучела птиц)
- средства защиты от насекомых
- литературу, топографические карты для охотников и рыболовов

а также другие товары для охоты, рыбалки и туризма

Отгрузка продукции: самовывоз, авиатранспорт, ж/д контейнер

т/ф (095) 748-24-22, тел. (095) 527-81-38; внутренние тел. 81-38, 80-46

Адреса:

143980, Московская обл., г. Железнодорожный, ул. Дачная, д.28, ЗАО промбаза «Сокол»

129090, г. Москва, ул. Щепкина, д. 22, подъезд 2, тел/факс (095) 284-01-44

ЗАО ПРЕДПРИЯТИЕ «ОБОРОНТЕХ»

предлагает со склада в г. Железнодорожном Московской области следующие товары

- капсули-воспламенители KB-21, «Жевело», «Центробой»
- гильзы металлические, бумажные полиэтиленовые
- дымные и бездымные охотничьи пороха: Сокол, Сунар, Салют, ДОП
- газовое, сигнальное и пневматическое оружие
- ножи охотничьи
- индивидуальные средства защиты
- сигнальные средства
- патроны охотничьи

Отгрузка пороха и патронов осуществляется при наличии лицензии или разрешений на право хранения и ношения оружия

тел/факс (095) 527-70-31, тел. (095) 522-38-11, внутренние тел. 87-92, 89-15

Адрес: 143980, Московская обл., г. Железнодорожный, ул. Дачная, д. 28

ЗАО Предприятие «Оборонтех»

Обеспечиваем доставку порохов, патронов и капсулей специальной связью в любой регион России

С лайкой в феврале

В. МАЛЫШЕВ

Прошли январские снегопады и укрыли охотничьи тропы глубоким снежным покрывалом. Даже широкие, охотничьи лыжи при каждом шаге утопают в рыхлом промороженном снегу. Не легко в это время охотнику, занятому промыслом пушнины бороздить лесные уголья. Но еще сложнее приходится его четвероногим помощникам. Передвигаются они прыжками, утопая в снегу, да так, что на поверхности остаются одни уши. Здесь много не наработаешь. Однако и в эти трудные времена опытные и рослые лайки оказываются не плохими помощниками. «Плывет» лайка по снежной целине и кажется, что нет у нее более важного дела, чем добраться до «твердого берега», но вдруг останавливается, настороженно водит ушами...

Проходит несколько минут и раздается азартный лай. Не сразу удается подойти к месту облаивания по глубокому снегу. Дерево, где сидит белка, оказывается не так уж и близко. В тихую безветренную погоду такое дерево может оказаться и за двести метров от тропы. Выстрел, зверек падает и вы продолжаете свое «плавание» по заснеженному лесу.

Но вот, все чаще и чаще выдаются погожие дни, солнце начинает плавить снег, а ночные морозы сковывать. Пройдут метели, снег уплотнится и образуется наст — это февраль вступил в свои права. Февраль — все охоты уже закончились. Оттрубили призывные рога гончатников. Отшумели облавные охоты на лося и кабана. Но для охотников — лайчатников, занимающихся промыслом пушнины в феврале, охота еще не закончена. Образовавшийся наст хорошо держит и не проваливается под широкими лыжами, подбитыми камусом. Идти легко. Такие лыжи почти бесшумно скользят по твердому снегу и не откатываются назад. По насту и лайкам идти гораздо легче. Их прогонистая рысь позволяет значительно расширить поиск, и он становится широким и эффективным. В феврале значительно возрастает дневная активность белок, особенно в погожие дни. Это позволяет гораздо легче собаке отыскивать зверьков. Наиболее успешно в это время работают лайки, пользующиеся верхним чутьем и слухом. В феврале уменьшается численность мышевидных грызунов, да и добыть их из-под твердого снежного по-

крывала для кунных задача непростая. Это заставляет их увеличивать время поиска своей добычи. Увеличение активности зверей позволяет лайке эффективнее работать. Спортивно-промысловая охота с лайками в это время года увлекательна и довольно добычлива. Она дает возможность продлить сезон охоты и продлить прекрасное время активного общения с природой и вашей собакой. Особенно приятно это в погожие дни, когда уже чувствуется, что весна не за горами.

С лайками я охочусь с 1964 года, и всегда старался давать своим собакам поработать в различных условиях и по разным объектам охоты. Использование лаек на различных охотах позволяет развить у них присущую им универсальность и сообразительность, умение приспосабливаться к различным условиям охоты. Работа лайки в феврале имеет и свои специфические особенности, поэтому не каждая собака и не сразу в это время года сможет работать эффективно. Необходим опыт. Лайка должна приспособиться к работе по насту, научиться пользоваться слухом и верхним чутьем, выработать манеру хода. Многие молодые собаки и особенно те, которые давно не бывали на охоте, пытаются работать слишком азартно, идут в галоп, как это бывало в ноябре. Но не тут-то было, несколько прыжков, и они проваливаются, пробивая наст. Такая работа быстро заканчивается сорванными когтями и кровоточащими лапами. Через некоторое время она прекращает поиск, и вот она вам уже не помощница. Таких излишне горячих собак надо, по возможности, немного успокоить. По ходу надо чаще приостанавливаться на несколько минут, присесть на валежку и послушать, что делается в лесу, позвать к себе собачку и дать ей возможность успокоиться, сбить излишний пыл. Через какое-то время ваша лайка сообразит, что ходить по такому лесу надо иначе, сбавит ход, перейдет на рысь, а местами и на трусцу, так же будет приостанавливаться и прислушиваться. Со временем она поймет, что лучше идти рысью и использовать верхнее чутье и слух. Конечно, это зависит от индивидуальных возможностей собаки от ее сообразительности и темперамента. Но какая бы способная собака ни была, без рабочих навыков она не сможет хорошо работать в различных условиях. У меня было довольно много лаек с разным темпераментом и

способностями, но все они, при нахождении в разных условиях, приспособились и неплохо работали.

Рассказывая про особенности охоты с лайкой в феврале, мне хотелось бы отметить и некоторые, скажем так, возможные нюансы, которые могут возникнуть, в это время, при наличии очень твердого наста. Хотя надо сказать, что такая ситуация бывает довольно редко. Но, тем не менее, если охота проходит в центральных районах и в таких местах, где численность копытных высока, а ваша собака с азартом работает по копытным, может возникнуть такая ситуация. Ваша лайка находит лося и начинает работать. Снег глубокий, наст очень твердый и прекрасно ее держит. Лайка двигается по нему, как по ровной твердой почве, и быстро понимает свое преимущество. Лосю или кабану наоборот приходится не сладко. Они глубоко проваливаются, и двигаться им очень не просто. В это время при глубоком снеге, покрытом твердым, жестким настом, перемещение зверей затруднено. Они предпочитают отставаться вблизи мест кормежки. Потревоженные собакой лоси, как правило, долго стоят и топчутся на месте. Но если собаку не

удалось вовремя снять со зверя и она продолжает активно работать, лоси пытаются уйти. Однако их наст не держит и они, глубоко проваливаясь в снег, идут очень медленно. Лайка, которую наст держит прекрасно, чувствует свое преимущество и начинает работать еще азартней и напористей. Мне несколько раз приходилось попадать в такую ситуацию. Собака работает в этом случае напористо, можно сказать даже нагло, делая хватки по зверю, который утопает в снегу, и не может активно двигаться. Охота закрыта, и надо как можно быстрее снять собаку. В этом случае важно послушание, позывистость собаки, ваша сноровка и, если хотите, ваша прозорливость. Отозвать ее бывает нелегко. Однако крайне необходимо и как можно быстрее. Я всегда старался отработать у своих собак позывистость, даже в экстремальных ситуациях, и это выручало. Уйдет собака за зверем, и через некоторое время возвратится на призывный свист. Но, если зверь стоит и удается близко подойти, лучше не свистеть, что бы его не стронуть, а остановить соба-

вязавшись» к местности, катишь напрямки, и ты дома. В феврале, да еще в пургу обратную лыжню не увидишь. Поэтому, тропя куницу, нет, нет, да прикинешь по компасу, куда она тащит, и зарубку сделаешь на приметном месте. Это не раз меня выручало и позволяло без лишних хлопот побыстрее добираться до избы или зимовья.

Помнится, тропил я куницу в лесах под Спас-Деменском, что на границе Калужской и Смоленской области. Вечерело, начал сыпать снег, ветер усиливался, а мы с Кучумом никак ее не доберем. Ну вот, наконец, раздался лай. Спешу к собаке. Пробегаю краем вырубки, пересекаю небольшой участок ельника. Кажется, лай удаляется, затем вновь приблизился. Сильные порывы ветра не дают точно определить направление, где работает собака. Бегу дальше, останавливаюсь. Все-таки надо точнее определиться. Раздается отчетливый лай. Подхожу. На краю вырубки на толстой осине темнеет силуэт. Вот она голубушка. Стреляю. Куница падает и ее накрывает собака. Забираю добычу. Ветер раздувает пре-

маршрут. Теперь ясно куда идти. Проходит пара часов, и я растапливаю печку в своей избе. Огонь быстро охватывает сухие полена и становится тепло. Я думаю, что все-таки надо быть внимательней и не терять голову в пылу погони, а то болтался бы сейчас по темному лесу.

Заканчивается февраль, а с ним и последние охоты с лайкой. Теперь надо привести в порядок всю добытую пушнину и сдать. Но в нынешнее время это вопрос не простой, и мне хотелось бы хотя бы немного на нем остановить внимание.

С изменением экономических условий полностью разрушена система приемки пушнины. Такое впечатление, что «мягкое золото» сейчас никому не нужно. Но относительно недавно оно приносило довольно большой доход и охотникам и государству, высоко ценилось на мировом рынке. В настоящее время ее просто никто не принимает, а если в некоторых районах и принимают, то стоимость ее мизерная и не окупает затраты охотников. В такой ситуации совершенно не понятна политика Росохотрыболовсоюза и других охотничьих обществ. Стоимость сезонных путевок в Центральные области России на добычу пушнины высокая. Так, например, в Новгородской области сезонная путевка на пушнину в прошлом году стоила 320 рублей. Для сельских охотников это довольно большая сумма. Приезжие, городские охотники, находятся еще в более худшем положении. Сезонные путевки для них, в ряде районов, дороже в 1,5—2 раза. Оплата за день охоты высокая. Введенная с этого года оплата лицензий на добычу всех видов еще больше увеличивает стоимость. Если учесть транспортные расходы и затраты на снаряжение, то получается, что заниматься охотой с лайкой может себе позволить только очень хорошо обеспеченный человек. Но охота с лайкой на пушнину довольно тяжелое занятие, требующее навыков, сил и времени. Вновь испеченным охотникам с самозарядным дорогим оружием вряд ли понравится в одиночку даже с лайкой бороздить по заснеженному лесу десятки километров. Тогда на кого рассчитаны цены на путевки? Прогноз в такой ситуации сделать просто. Сельские охотники прекращают заниматься пушным промыслом. Лайчатникам, живущим в городе и любящим спортивно-промысловую охоту, также придется либо сокращать свои поездки на охоту, либо вовсе их оставить. Вследствие этого уменьшается потребность в лайках для пушного промысла, а следовательно, уменьшится и их численность, что начнет сказываться на лайках, как уникальных отечественных породах. И процесс этот уже идет.

Сейчас, на мой взгляд, еще не поздно это осознать и изменить политику цен на путевки за добычу пушнины.

Фото автора

ку командой — «стоять», спокойно подойти и взять ее на поводок. Такая команда, отработанная с детства, бывает очень полезной и легче выполняется.

Февральская погода переменчива. С утра было ясно, а к обеду, небо затянулось темными, тяжелыми, набитыми снегом облаками. Через час, другой поднялся ветер и вот уже он сыпет и бросает вам в глаза снег. Надо поворачивать к дому. Тем более, что в феврале день еще короткий, а тут метель. С утра набегаешься по кунным следам от одной вырубки к другой, и нет им счета. Видимо и кунице не легко в это время прокормиться. Попадаешь в совершенно незнакомое место. В январе проще. Идешь обратно своей лыжней до места, которое знаешь, а там, «при-

красный мех крупного куна. Азарт спадает. А где же мы находимся? В тусклом свете догорающего февральского дня пытаюсь определить направление, откуда я подходил. Это не просто. Определяя местонахождение собаки при облаивании в порывах ветра, я смещался из стороны в сторону. Куда идти? Прикидываю, как дул ветер, когда я шел на лай. Иду, как мне кажется, в нужном направлении, но уверенности нет. Хорошо бы увидеть след от лыж, хотя бы кусочек. В ельнике следов нет, да они и не могли остаться на твердом насте. На выручке все перемертвело. Но вот, кажется, что-то похожее. Да, здесь я топтался. Вот сломанная мной макушка небольшой ольхи. Хорошо, все-таки, что даже в азарте погони сработала привычка как-то отмечать

ГОГЧЕ ДОЛЖНЫ ХОРОШО РАБОТАТЬ

Мне очень нравятся охотничьи забавы. Они словно живой родник. Общаясь с людьми, бесконечно любящими природу, животный мир, собак, не только набираешься сил, энергии, но и обогащаешься опытом, знаниями охотничьего дела. Именно по этой причине я немедленно отправился в Тамбовскую область, когда узнал, что там состоятся полевые пробы гончих девяти областей.

По русачьему следу

К месту событий съехалось более шестидесяти человек. Все они настоящие знатоки собак, отлично разбирающиеся в тонкостях единоборства гончих с вольным зверем. И, естественно, пока шли соревнования, вокруг них кипели страсти с утра до позднего вечера. Обсуждали, а то и жарко спорили, о достоинствах и недостатках гончих, судействе и многом другом. Сегодня речь зашла о так называемых «новых» правилах испытаний, введенных в действие в 1994 г. Разговор затеял представитель Орловской области Л. Семенчуков. Вернувшись из угодий на базу, он сердито бросил:

— Опять собаки остались без дипломов. И все это из-за новых правил.

— При чем здесь новые правила, если гончие не работают? — возразили ему.

— А при том, что раньше диплом третьей степени присуждался собаке, гонявшей сорок минут, а сейчас нужно работать час. Прибавили целых двадцать минут. Это не шутка!

— И правильно сделали, — убежденно заметил ивановский охотник В. Маров, — как можно награждать гончую дипломом, когда она не в состоянии

преследовать зверя в течение часа. У таких собак, как правило, не хватает ни мастерства, ни вязкости.

Спор разгорался все больше и больше. Я решил вмешаться, поскольку был одним из инициаторов пересмотра прежнего нормативного документа. Улучив момент, сказал, что многие из присутствующих, судя по всему, не знают, что ныне действующие правила испытаний гончих никакие не новые, они в своей основе повторяют те, которые были утверждены на первом кинологическом съезде в 1925 г. Именно тогда, после всестороннего обсуждения, специалисты-кинологи, а в их числе находились самые известные собаководы, разработали методику полевых проб, утвердили критерии оценок всех элементов работы гончих по зверю, присуждения дипломов. И хотя первый полевой стандарт не был совершенен, собаководы встретили его с большим одобрением. На основе этого документа во многих местах, начиная с 1927 г., стали проводить полевые пробы гончих одиночек, а в Подмоскovie, Тульской, Ярославской, Горьковской и других областях были организованы испытательные станции.

Активная, целенаправленная работа с гончими в поле дала возможность в короткие сроки выявить лучших производителей, включить их в племенную работу и получить качественно новое поколение собак.

Совершенствуя полевой досуг гончих, охотники постоянно думали об улучшении правил испытаний. Этот вопрос широко обсуждался на многих кинологических совещаниях и съездах. В полевой стандарт вносились дополнения, изменения, но в принципе он оставался прежним. Например, в первое время испытания проводились только по зайцу-беляку. Сейчас расценка и присуждение дипломов разрешаются по русаку, лисе и шакалу.

С учетом накопленного опыта, при расценке собак повышен удельный вес мастерства. Прежде это важное качество оценивалось двадцатью баллами, в настоящее время двадцатью пятью.

Согласно правилам 1925 г. голос собаки оценивался только по двум элементам — доносчивости и фигурности. В 1947 г. была введена новая графа «Верность отдачи голоса», что приветствовалось всеми.

— А как обстояло дело с решением вопроса длительности гона на полевых испытаниях? — перебил меня ярославский охотник А. Бруннер.

— Очень сложно, — ответил я. — Взгляды на эту проблему у специалистов-кинологов были настолько разными, что на своем первом форуме долгое время не могли прийти к единому мнению. В конце концов решили полагаться на экспертов, работающих в поле, на их компетенцию. В пункте 20 правил, принятых в 1925 г., было записано: «Продолжительность пробы каждой одиночки... зависит всецело от усмотрения судей».

— Как это понимать?

— А очень просто. Если, к примеру, тебе как эксперту доверено судить на полевых пробах, ты с учетом общей картины гона и решаешь, продолжать испытания или дать сигнал отбоя.

Конечно, при таком подходе к судейству было много разнобоя, ошибок в оценке собак.

Как пишет в своей книге «Русская гончая» Р. И. Шиян, известный знаток гончих Н. Н. Челищев на полевых пробах внимание сосредоточивал главным образом на количестве сделанных кругов и мало учитывал длительность работы собаки. В этих условиях нередко получалось, что паратая гончая, сделав 2—3 круга за 25—30 минут, удаивалась диплома, а настойчивая, но пешая работница, преследовавшая зверя длительное время, но сделавшая меньше кругов, не рассматривалась как победитель.

Эти и другие недоразумения, возникавшие в ходе испытаний, вызывали нарекания у любителей гончих, они настойчиво ставили вопрос о выработке единой методики судейства, где одним из важнейших критериев при расценке собак должен стать твердо установ-

ленный минимум продолжительности гона.

Учитывая эти соображения, кинологический совет, состоявшийся в 1955 г., впервые включил в правила обязательное требование о том, что дипломы первой, второй и третьей степени могут присуждаться только при длительности работы не менее 45, 40 и 35 минут. Но это нововведение не нашло поддержки у охотничьей общественности. Большое число собаководов придерживалось мнения, что диплом, выданный за 35 минут работы, не может свидетельствовать о высоких полевых достоинствах гончей. По их понятию, чтобы узнать истинную цену собаки, нужно проследить ее работу по зверю самое малое в течение часа.

В 1959 г. кинологический совет вынужден был вновь вернуться к данной проблеме. На этот раз в правила внесли пункт о том, что для присуждения диплома первой степени общий гон собаки должен составлять один час, второй степени — пятьдесят и третьей степени — сорок минут.

Казалось, найдено верное решение и охотники одобряют его.

На практике же ничего подобного не произошло. Наоборот, собаководы с еще большей силой стали настаивать, чтобы дипломы, независимо от их степени, присуждались тем гончим, которые способны преследовать зверя не менее часа. Эту точку зрения активно поддерживали очень многие кинологи, в том числе эксперты Всесоюзной категории Р. И. Шиян, С. М. Пашков и ваш покорный слуга — Д. Н. Федорин. И это объяснимо. Осуществляя экспертизу гончих в поле, судьи раньше других заметили, что требования действующих правил по продолжительности гона на испытаниях занижены. Нередко случалось, когда посредственные гончие, не обладающие элементарной вязкостью, кое-как поработав сорок минут, бросали зверя и с прямого следа возвращались к владельцам. Такая собака никому не нужна. Однако судьи вынуждены были расценивать ее на диплом, поскольку она уложилась в установленные временные рамки.

Мы не раз с различными категориями собаководов обсуждали сложившуюся ситуацию и неизменно приходили к выводу, что в интересах повышения уровня полевого досуга гончих необходимо увеличить длительность работы собак на испытаниях до одного часа независимо от присуждаемых дипломов.

Чтобы не ошибиться, проверить правильность наметок, мы разослали письма во все регионы страны с просьбой выразить свое мнение по данному вопросу. На нашу просьбу откликнулись сорок восемь краевых и областных охотничьих обществ. Сорок три из них, то есть абсолютное большинство, высказались за внесение предложенных нами изменений в полевой стандарт.

Вскоре состоялось заседание кинологического совета, который, рассмотрев материалы, присланные с перифе-

рии, узаконил новые критерии. Теперь нельзя присуждать дипломы, если собака работала по зверю менее часа.

— Как видите, — продолжал я, — постановление кинологического совета было взвешенным, основанным на предварительном изучении вопроса, оно отражает мнение абсолютного большинства собаководов страны.

— Но и последнее решение, — снова перебил меня А. Бруннер, — не совсем по душе. Об этом писал в журнале «Охота и охотничьи собаки» эксперт-кинолог из Свердловска Ю. Слесарев.

— Я знаком с его статьей. Скажу сразу, что ни с одним из ее положений нельзя согласиться, ибо они неверны. Посудите сами. Автор утверждает, будто ныне действующие правила испытаний отрицательно влияют на продуктивность гончих. При этом он ссылается на данные 1994—1996 годов. Но как можно утверждать подобное, если коррективы в нормативный документ внесены всего два года назад. За этот период существенных изменений в породе гончих просто не могло произойти.

Многие наши выдающиеся гончатники неоднократно подчеркивали, что настоящая гончая должна работать по зверю до ружья. Так, выдающийся знаток гончих Н. П. Кишенский указывал: «первым и самым необходимым качеством ружейных гончих должна быть вязкость и вязкость без подзадоривания: они должны работать одни, не слыша и не видя человека, гнать поднятого зверя до тех пор, когда положит его выстрел охотника или он сдастся и попадет в зубы».

На следах

Примерно таких же взглядов придерживался В. И. Казанский и другие. В своей публикации Ю. Слесарев, вопреки мнению этих больших знатоков охотничьих собак, пытается убедить нас, что современные гончие вообще не в состоянии надежно преследовать зверя в течение часа, подтверждая эту мысль тем, что якобы теперь охотники не умеют нагнать своих подопечных, да и времени для этого у них нет. Согласитесь, аргумент более чем странный.

Совершенно надуманным выглядит утверждение свердловчанина о том, что новые правила отдают предпочтение собакам вязким, а не чутливым. Такое суждение ни на чем не основывается.

Разговор у нас был долгим, обстоятельным. В конце концов возобладал здравый смысл. Все сошлось во мнении, что вязкость действительно одно из самых важных качеств гончей, и совершенно правильно поступил кинологический совет Росохотрыболовсоюза, внося поправки в полевой стандарт. Увеличение длительности работы на испытаниях — это одно из важнейших условий повышения уровня полевых достоинств гончих собак. Задача всех охотников состоит в том, чтобы уметь использовать эти возможности, больше работать с гончими в поле, чаще организовывать испытания и состязания, отбирать лучших работников, включать их в племенную работу для получения нового поколения собак с более совершенными полевыми достоинствами.

Фото А. Севастьянова

ПРАЗДНИК КАЛУЖСКИХ ОХОТНИКОВ

А. ДИГИЛЕВИЧ

В минувшем году калужские охотники при поддержке администрации области провели свой первый День охотника и рыболова, посвященный 55-летию областного общества. В Калугу из всех районов области приехали представители районных обществ охотников. Первая половина праздника проходила на стрелковом стенде общества. Здесь состоялся парад охотничьих собак, а потом выставка.

Открыл выставку и праздник председатель правления КООиР В. Н. Колосков. В это же время на прудах был дан старт соревнованиям по рыбной ловле поплавочной удочкой. От стрелкового стенда, где проходила выставка охотничьих собак, до места соревнований по рыбной ловле постоянно курсировал автобус, работал передвижной охотничий магазин, продовольственные ларьки. По громкоговорителю объявляли результаты соревно-

ваний, играла музыка. Вице-губернатор области А. Д. Артамонов и председатель правления КООиР В. Н. Колосков открыли природоохранный спортивно-оздоровительный комплекс «Рождественские пруды». Комплекс включает в себя: вольтеры с кабаном для натаски собак, норы с енотом и лисой, комплекс прудов для ловли рыбы удочкой, лодки, катамараны, гостиницу, охотклуб, столовую, сауну. Все это построено для отдыха членов общества и их семей. На празднике было много молодежи, были гости из соседних областей. Председатель правления Тульского ООиР В. В. Свортнев сделал традиционный подарок — тульский красочный самовар. Все любовались композицией из охотничьих трофеев, чучел и поделок, которую привезли охотники Спасо-Деминского РООиР. Представители этого общества с гордостью рассказывали гостям о трофеях и их авторах. После

подведения итогов и награждения победителей соревнований силами художественной самодеятельности был дан концерт приехавших из районов области. По окончании была традиционная уха, сваренная из пойманной рыбы.

С заключительным словом выступил вице-губернатор, который поблагодарил председателя и правление общества за прекрасно организованный праздник.

Фото автора

Патроны

«Сибирь-7»: или не страшны морозы

М. БЛЮМ

В г. Новосибирске, в самом сердце Сибири, начало действовать предприятие по изготовлению высококачественных патронов, не боящихся даже самых низких отрицательных температур. Начальная скорость дробы при выстреле из этих патронов почти не зависит от температуры окружающей среды. Обычные патроны, снаряженные, к примеру, порохом «Сунар», при снижении температуры до 30 градусов мороза уменьшают начальную скорость дробы на 47 м/с, в то время как итальянский порох в этих же условиях снижает скорость всего на 7—10 м/с. Учитывая, что рекомендуемая стрельба дробью ведется на дальность 35 м, то на этой дистанции, например, скорость дробы № 7 будет не 230 м/с, как это имеет место при положительных температурах, а 183 м/с, что явно недостаточно для надежного поражения дичи. Ведь из опытов прошлого столетия, проведенных французским капитаном Журне, давно известно, что минимальная скорость дробы для надежного поражения дичи должна быть не менее 200 м/с. Патроны «Сибирь-7» эти условия выполняют с лихвой.

Следует сказать несколько слов о производстве этого патрона, налаженного на Новосибирском заводе низковольтной аппаратуры, который имеет давнишние традиции по производству патронов, правда к нарезному оружию. Завод имеет все условия для производства любых видов патронов, а новейшее оборудование иностранных фирм дает возможность изготавливать высококачественную штампованную и литьевую свинцовую дробь с 2,5—3 % сурьмы.

Сборка патронов ведется на полностью автоматизированной линии, закупленной у итальянской фирмы «Vasini», которая имеет электронные датчики, осуществляющие непрерывный контроль всех операций по снаряжению патронов. Точность навески пороха настолько велика, что разброс по начальной скорости дробы и давлению пороховых газов просто ничтожен. Даже такая прославленная американская фирма, как «Winchester», изготавливает спортивный патрон 12 калибра

с дробью № 7 1/2, который имеет разброс по начальной скорости 18 м/с, а по давлению 106 кг/см². Патрон же «Сибирь-7» с такой же дробью имеет разброс начальной скорости дробы всего 7 м/с при разбросе давления 51 кг/см². Так что цифры говорят сами за себя.

Тут же следует обратить внимание на то, что охотничьи патроны с дробью № 00, 0 и 1 имеют средний разброс по скорости 8 м/с при разбросе давления 56 кг/см², а номера дробы 3, 5 и 7 соответственно 6 м/с и 53 кг/см². Все патроны имеют навеску дробы, равную 32 г, при весе порохового заряда итальянского пороха марки G-3000x32, равного 1,7 г. Среднее максимальное давление пороховых газов для всех партий охотничьих патронов находится в пределах 630—635 кг/см², кучность 67—68 % при стрельбе из баллистического ствола длиной 700 мм с дульным сужением, равным 1 мм. Крупная дробь имеет скорость в 10 м от дульного среза 355 м/с, а дробь от № 3 до № 7 — 342 м/с. Это значит, что при стрельбе на 35 м крупная дробь будет иметь скорость порядка 280 м/с, а мелкая около 230 м/с. И все эти показатели будут сохраняться, даже если охотник не захочет больше мерзнуть, а отправится в теплую избу, чтобы поест и согреться.

Теперь остановимся на оценке кучности боя этих патронов, которая в соответствии с документацией при стрельбе из баллистического оружия не превышает 70 %, а на самом деле при стрельбе из реального ружья дает более высокие показатели. Например, при стрельбе из Браунинга «Ауто-5» на 35 м кучность находилась в пределах от 76,2 до 80,3 % при равномерности дробовой осыпи от 88 до 97 пораженных на мишени долей из имеющихся 100. Это просто великолепный показатель. Мне давно не попадались в руки столь прекрасные патроны, и, что очень важно, на практике они показали еще лучшие результаты, так как при охоте на уток на меня налетела стайка из пяти особей и я сделал два выстрела, после которых собрал три битые напалов утки. Исходя из нормы отстрела, я мог взять еще только две утки. Но когда налете-

ла стайка из трех уток, то после двух выстрелов у шалаша оказались битыми еще три утки. С егерем у меня не было неприятностей, так как он сидел рядышком на берегу и наблюдал всю эту картину. В общем, охота в этот раз для меня закончилась в течение 10 минут, а егерь был только рад, что можно уже было плыть на лодке домой и отдыхать. Говорит, что такого он еще ни разу не видел. Так быстро и без подранков закончилась охота.

Во время зимней охоты мне, однажды, пришлось стрелять по зайцу, используя патрон с седьмым номером дробы на расстояние порядка 30 м. Заяц упал как подкошенный, так как он получил такой мощный поверхностный удар большого количества дроби, что наступил мгновенный шок, несмотря на то, что ни одна дробина не поразила жизненно важного органа. Это говорит о хорошей скорости и кучности дробы. Однако при стрельбе по вальдшнепу патроном с мелкой дробью, заключенной в контейнер, получился отрицательный результат, так как вальдшнеп был сильно разбит. Это говорит о том, что для стрельбы на таких охотах необходим патрон с небольшой кучностью боя, для того чтобы дичь не была испорчена. Думаю, что следует поступить так же, как и с патронами «Тайга», которые снаряжаются не только с укучнителями дробы, но и с разбросом дробы для стрельбы дичи на коротком расстоянии. Например, из-под собаки на болоте. Для стрельбы же мышкующей лисицы на большое расстояние для дробового выстрела патроны с крупной дробью просто прекрасны.

Разберемся теперь с устройством патрона и причинами его надежной работы при минусовых температурах. Начнем с того, что капсюлированные гильзы и порох получают непосредственно из Италии. Гильзу конструкции «Gordon» производит итальянская фирма «Baschieri — Pellagri», которая изготавливается из высококачественного полиэтилена, выдерживающего высокие давления без деформации и разрушения даже при сибирских морозах. Высокое качество материала и рациональность конструкции обеспечивают не только безопасность и надежность патронов при стрельбе из всех видов охотничьего оружия, но и создают условия для получения качественного выстрела при стрельбе на предельные расстояния, допустимые для дробового выстрела. Состав полиэтиленовых пыжей-контейнеров и трубок гильз подобран таким образом, что при выстреле не происходит при минусовых температурах слипания корпуса контейнера и амортизирующей части пыжа с внутренней поверхности полиэтиленового корпуса гильзы, а поэтому при стрельбе в мороз не происходит разрыва гильзы. Все это обеспечивает более эластичный пластик, из которого изготовлена гильза. Форма дна гильзы такая, что при выстреле давящие пороховые газы прижимают внутреннюю часть пластмассовой трубки к ме-

таллической головке, а выступающую часть дна гильзы вокруг капсюльного гнезда прижимают к корпусу капсюля, исключая, таким образом, любой прорыв пороховых газов в сторону стрелка между стенкой капсюльного гнезда и корпусом капсюля, что полностью предотвращает отрыв головки гильзы от ее трубки.

Капсюль-воспламенитель «Fiocchi 616» (диаметр корпуса 6 мм), применяемый в этих патронах, имеет одно затравочное отверстие диаметром 2,5 мм. Такое большое затравочное отверстие способствует более полному и быстрому воспламенению и равномерному сгоранию порохового заряда в гильзе и канале ствола даже при сильных морозах, что также способствует постоянству баллистических показателей, несмотря на изменение температуры окружающей среды с плюса на минус и обратно.

Конструкция применяемого полиэтиленового пыжа с амортизирующим устройством и контейнером для дробы полностью защищает дробь от деформации как в начальный момент выстрела, когда возникают большие инерционные перегрузки, так и при движении по каналу ствола, не допуская ее трения о стенки ствола и дульного сужения, а также при переходе из гильзы в снарядный вход и канал ствола. Амортизирующее устройство пыжа сконструировано и рассчитано таким образом, что при использовании того итальянского пороха, который применяется сейчас в патронах, оно полностью защищает дробинок снаряда от деформации, возникающей в момент начального процесса выстрела, когда на дробь воздействуют самые большие перегрузки. Это сильно способствует сохранению скорости на дистанции. Конструкция пыжа рассчитана таким образом, что при выстреле происходит переменная упругая деформация, которая вначале происходит под небольшим усилием, а потом это усилие (давление пороховых газов) становится все больше и больше, но и усилие на деформацию амортизирующего устройства пыжа требуется также все больше и больше, и таким образом, кривая усилия для деформации пыжа совпадает с кривой возрастания давления пороховых газов при выстреле. Такая конструкция амортизирующего элемента пыжа практически сводит до минимума возможность изменения формы дробинок под действием перегрузок в момент выстрела.

Применяемый порох в патроне с хорошими обтюрирующими свойствами пыжа, имеющего два ребра и юбку, позволяет почти полностью сгореть ему в первой трети ствола и тем самым значительно снизить дульное давление. Это способствует равномерности дробовой осыпи, компактности полета дробового снаряда и хорошей кучности боя, а отсюда и повышенной дальности поражения дичи. Этому же способствует применение высококачественной твердой дроби, которая име-

ет идеальную шарообразность и одинаковую плотность.

В отечественной литературе постоянно рекомендуется, прежде чем использовать патроны, особенно в самозарядном оружии, прокалибровать их, пропустив через калибровочное кольцо и отложив те, что не проходят через него, так как при досылке такого патрона в патронник ручную или из магазина затвором произойдет задержка. Так вот, такой операции с патронами марки «Сибирь-7» делать не требуется, так как наружные размеры снаряженного патрона соответствуют требованиям чертежа и настолько однородны, что практически не отличаются друг от друга даже с разными номерами дроби. К тому же высокая металлическая головка (15 мм) также способствует этому.

Следует также сказать несколько слов об упаковке, которая имеет очень полную информацию о находящихся в ней патронах, а красочная картинка доставляет удовольствие держать упаковку с патронами в руках. На коробке вы можете увидеть летящую утку, лисицу, волка или другое охотничье животное. Кроме того, я не поленился и разрядил несколько патронов с разными номерами дроби и убедился, что информация, приведенная на коробке, полностью соответствует истинным навескам пороха и дроби. Из опыта

многочисленных исследований по долгу службы мне приходилось сталкиваться в прошлом с двойными навесками дроби и пороха даже в одном патроне. В это трудно поверить, но это так. Правда, в современных патронах я пока этого не встречал и надеюсь не встретить.

Какова же общая оценка новых патронов? Можно сказать большое спасибо разработчикам и организаторам производства, которые обратились лицом к нуждам охотников и разработали, наконец, патрон, который мало зависит от суровых климатических условий.

ВНЕШНЕБАЛЛИСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ
ПАТРОНОВ «СИБИРЬ-7»

Размер или номер дроби	Скорость дроби (м/с) на расстоянии от дульного среза (м)			
	0	10	35	50
7	417	342	230	192
5	410	342	237	206
3	404	342	244	220
1	412	355	269	240
0	409	355	273	247
00	405	355	277	254

Анализ приведенной таблицы показывает, что на 50 м даже мелкие номера дроби будут пробивать мягкие части тела, а крупные разрушать и кости, хотя такая дистанция стрельбы и не рекомендуется для дробового выстрела.

Нет ~ хочется, есть ~ не надо

Сын. Ему я передал все свои «золотые россыпи» глухариных токов

Анвар БИКУМЛЛИН

Сын должен, как минимум, повторить меня, всю жизнь одержимого охотничьей страстью... Ну а если охота займет в его жизни еще больше места, чем в моей, — дай, как говорится, Бог.

Игорь Алёхин «Буду ли я одинок»

Когда рождаются сыновья, все отцы ошибочно склонны считать: родился продолжатель моих дел. Но по мере роста, взросления и становления наследников подавляющее большинство папаш разочаровываются в своих давних розовых грезах. И винить некого. Даже самого себя. Если уж написано в книге судеб у верховного вседержителя Фатума стать кому-то охотником, то этому так и быть и, как ни препятствуй обстоятельствам, охотник состоится рано или поздно. Как я понял, это — дар свыше, стрела Амура, подарок судьбы, божья искра!

Необъяснимый феномен. Я долго ломал над ним голову, пока не пришел к элементарно убийственной по простоте мысли: все складывается по методу «от противного», то есть наоборот. Нет — хочется, есть — не надо.

На моей памяти в нашей семье и во всей родне ни у кого ничегошеньки не было чего-нибудь охотничьего, даже пустой гильзы на смех нигде не завалилось, но «неисповедимы пути господни». Когда мне было пять годиков, я увидел охотника с двустволкой, связкой селезней у патронташа и живой уткой в корзине. Гульжиан-апа, моя тетя по матери, водила меня в больницу по причине какой-то детской хворобы, и на обратном пути я был сражен «стрелой летящей». Случилось это в весну 1959 года, в то благословенное время, когда охотников еще не загнали в резервации охотхозяйств, зеленых зон, разрешительных систем, железных сейфов и они без всяких чехлов могли при полном параде шлепать с места охоты до самого дома через весь город с ружьем через плечо, в патронташах, ягдташах, в болотных сапогах и с битой дичью на виду.

Тетка, пока была жива, приходя ко мне на Дмитрову париться в бане и рассматривая коллекцию чучел, рогов, коряг, ужасаясь книжным шкафом и завалам бумажной писанины, каждый раз непременно вспоминала тот далекий день, как я вострепнулся, дернулся ладошкой в ее руке, остановился столбом и смотрел на открывавшего калитку охотника, как он входит во двор. Едва я опомнился, первыми моими словами были: «Тетя, тетя! Когда мне будет шестнадцать лет, я получу паспорт и куплю ружье». (Сам я, конечно, этого уже не помню, но тетка повторяла это каждый раз слово в слово.) Всю дорогу до дома я только и говорил про этого охотника, зачарованный ружьем, сапогами, патронташем, крикнувшей подсадной и этими чудо-селезнями, висевшими у пояса.

До шестнадцати ждать не пришлось. Видя мою неистребимую охотничью страсть-мечту, книги и журналы, отец, вступив ради такого случая в охотобщество, на свой страх и риск оставил меня первым ружьем, бескурковой одностоволкой ИЖ-18. Было мне в ту пору двенадцать лет.

Что ты будешь делать? Именно мне, младшему, выпало стать и быть охотником. Старший брат никогда к охоте не тянулся и был нем к этой благородной страсти.

Блажен тот охотник, кто, вспоминая свой охотничий путь, может сказать или написать: «Я заразился охотой от отца». Их немало. Но мне с детства и отрочества приходилось видеть в некоторых охотничьих семьях совершенно обратное: сыновья не желали стано-

виться охотниками. Вроде все готовенькое, только охотиться. И ружья, и собаки, и патроны, и банки с порохом, и дробь, и дробокаталки, и сапоги болотные, и утки подсадные, и рюкзак с котелками, и охотничьи топоры, но, глядишь, шум-гам, скандалы, пьянка, ранняя женитьба, сопливые пучеглазые ребятишки, поросенок в закутке и, как следствие, пропитые отцовские ружья со всем охотничьим обиходом. Вместо продолжателя славных отцовских дел — могильщик, пропавший сивушным перегаром, сошедшая на нет былая охотничья династия, шедшая от дедов-прадедов и так глупо кончившаяся.

Наблюдал и обратное. В семье дендешской ор, гвалт, пьяный скандал, а задумчиво тихий мальчуган читает книги о природе и охоте, тянется в лес и, начав работать, покупает свое первое ружье, становится заядлейшим охотником.

Очевидно, охотничья страсть, как и талант на что-либо, дается Богом. Неважно, что в роду-племени, в семье-фамилии не было отродясь охотников. Древний охотничий инстинкт, до поры до времени дремлющий в каждом из сущих на этой земле, может проявиться в любом и каждом из нас. Какой-то миг! Искра искрушения! И достаточно, чтобы состоялся охотник нового молодого поколения. И у Пушкина Александра Сергеевича был сын Григорий Александрович, да только ни одной строчки ни в прозе, ни в поэзии не оставил после себя. Даже никакие записки, кроме писем. А казалось бы, при таком-то гениальном родителе только развивайся, пиши. Ан не тут-то было! Таланта нет.

Приходилось наблюдать в жизни и такие примеры: отец — прокурор, судья, врач, директор завода, а сын — уголовник, наркоман, пьянчужка. Или наоборот: в доме шаром покати, жрать нечего, скупое и скудное существование, а дети как на подбор — врачи, инженеры, военные. Что же говорить о нас, охотниках? Кто-то может вспомнить к случаю генетику. Но помилуй Бог, Пушкиных, Есениных, Гумилевых и Ахматовых еще никто наперед не заказывал, точно так же, как и будущих охотников в той или другой семье. Нет. Что бы там ни говорили, как бы ни мудрствовали, а охотниками рождаются!

И стреляные гильзы с желудками, и охапки осенних листьев с еловыми шишками, и «лисичкин хлеб» с добытыми утками и вальдшнепами, и пушистых зайцев с искрящимися огневками — все дарил-предпоносил сво-

ему ян юлдашу (другу души). Ринат принимал все это с интересом, радуя мое сердце. Мне обманчиво казалось, что искушение состоялось, да и как могло быть иначе? Дома целый музей! Охотничьих журналов читать не перечитать! Но, увы, к чтению сын не пристратился, телевизор занял в его жизни все свободное и несвободное время. Все любимые книги, собранные и прочитанные мной десятки раз в детстве, так и оставались в шкафах не тронутые им, за исключением разделов по технике безопасности с охотничьим ружьем.

Кое-что он умеет, конечно. Палатку поставит, дров на ночь натрелюет путных, патроны набьет, с ружьем управится. Долгие переходы без еды и питья переносит молча без скулежа, благодаря козулинскому методу. Раз как-то начал Ринат жаловаться на усталость, так Козулин сразу ему: «Возьми у отца второй рюкзак себе на плечи и ружье заberi, да пройди с километр». Сын так и сделал. Когда я у него взял назад ружье и рюкзак, он уже больше не жаловался и шел чуточку впереди нас с Козулиным. Верное средство.

Первый раз взял сына на охоту в семь лет на Колбасное болото. Вozил мой хороший друг Геннадий Снопков на своих «Жигулях». Вот и запись от шестнадцатого сентября 1989 года в охотничьем «поминальнике».

«Только вылезли из машины у пограничного аншлага, собрали ружья и надели болотные костюмы, как из осоки поднялся крикаш и после моего дуплета упал в кочки. Еле-еле нашел без сабаки (мой английский сеттер сильно порезал перед этим лапу и был оставлен дома). Хорошо еще сын с берега подсказывает, куда брести, ползти по кочкам к сбитой утке. Нашел нашу общую добычу, вышел на твердь, отдал сынку. Тот долго ее рассматривал, а после так и потащил, держа за оранжевые лапки и волоча клювом по траве. Утка матерая. Сентябрьская.

Метров через сто еще один крикаш пошел свечой вверх и был сбит хлесткой пятеркой. Но его, как ни старался, я не нашел.

Снопков брел поглубже, я придерживался его, сын с рюкзаком и уткой шел по берегу. Так и двигались по болоту в сторону коровьего стойла. Вытоптали еще одну крякушу, и после наших выстрелов ее подобрал Геннадий. Потом еще одну утку взял он же, и мы, умушенные, вылезли на твердое, спугнув верткого бекасика у самого берега.

Перекусили возле соломенного стога, почаевали. Давали выстрелить по разу из ружей Ринату. Из моего он не попал, а из снопковской вертикалки угодил несколькими дробинками в пустую пачку из-под патронов. Маленький охотник, ради которого собственно и была затеяна эта охота, доволен, счастлив, утомлен слегка. В кармашке штормовочки у него стреляные гильзы и две матерые сентябрьские утки в рюкзаке (одну утку нам великодушно подкинул Снопков для ровного счета:

три охотника и три утки, каждому по одной, чтобы не обидно было).

Дома сын сам оципал одну утку, помогая матери и взахлеб рассказывая о прошедшей охоте. Я чистил ружье, смотрел на него, а из души рвалось безмолвно: «Миленкий ты мой сыночек! Солдатик будущий! Запомнишь ли ты этот сентябрьский солнечный день и свою первую охоту? Ты ведь только-только пошел в первый класс. Ты же для меня Алешка Рокотов из моего дальнего-дальнего и невозвратного детства. Как быстро мелькают годы! И ты когда-нибудь будешь вспоминать. А пока, мой мальчик, ты еще мал для воспоминаний и вся жизнь для тебя — ничем не омраченное будущее. Пусть охота будет с тобой всю жизнь, как и со мной, пусть она спасет тебя от многих огорчений и разочарований в жизни, пусть радует душу и дает заряд жизненной энергии».

18 августа 90-го года брат повез нас со всей нашей ребятней и Сан Санычем Родиным во главе к нему на родину в село Нижнее Аблязово. Все братья, зятя, шуряки, свояки и прочая родина-

великой радости, не подумав толком, горяча брякнул:

— Через четыре месяца у тебя будет свое ружье.

— Правда? — зажглись радостно глазенки сына. Уж чего-чего, а знал по опыту, что отец не врет никогда и данное слово держит.

— Правда, — ответил я.

Слово пришлось держать. За язык меня никто не тянул, и началась бесконечная ходьба в разрешительную систему к тогдашнему инспектору Котельникову. Подключил к этой проблеме все возможное и невозможное, все тайные и явные рычаги, и прельщение и обольщение, и через три месяца у меня на руках было разрешение на покупку, но, вот беда: нет ружей в магазине и истекает четвертый месяц срока, самым установленным.

Кому скучно от моих дневниковых отрывков, могут пропустить этот абзац, но «бортовой журнал» есть «фрагмент», исправлению не подлежащий. Зачем морщить лоб и сочинять, когда всего забот — открыть «поминальник» на двадцать седьмом ноября 1990 года

Нижнее Аблязово. Старица. Племянник Марат, Ринат и Сережа Родин (слева направо). Август 1996 г.

ская родня — поголовные охотники, и мы встали одной охотничьей ватагой на карьерах. Утки было много. Сан Саныч расставил нас толково, постреляли мы хорошо, и все были с добычей. На мое ружье за зорьку пришлось четыре криквы, широконос, на чей клюв ребятня не могла надивиться, и чирок. Остальные родинцы настреляли еще больше, и поэтому двухведерный старинный чугунок, как церковный колокол, привезенный из деревни Сан Санычем, был битком набит одними утками. Народу хватало. Но все были с хорошей добычей и чугунок ближе к полночи еще раз набил утьевой и сварили густой, ложкой не пропихнешь, шулом. Наутро достреливали патроны по сильно поредевшим утиным артелям, добывали подранков. И тут сын неожиданно разре-

— Хочу ружье-е-ео!

Как он меня порадовал своим плачем. Не игрушку электронную, не штаны, не кроссовки запросил, а ружье. От

и списывать все готовое.

«Чистый четверг». Шел с работы и зашел в охотничий магазин к моим друзьям Валентине Ивановне и Борису Андреевичу Фадеевым. Оказывается, утром поступили ружья ижевского завода для «особо избранных», но на виду в пирамиде лишь давний МЦ-20-01 двадцатого калибра. Я было взял его в руки, вскинул на прицел, подумав про себя: не купить ли сыну, пока разрешение не просрочил, но Борис Андреевич, с кем мы всю осень вальдшнепничали с моим сеттером в Буграх за Конным обозом, остановил меня: «Куда ты его хочешь, Анвар? По вальдшнепу из него ведь не сдуплетишь. Для пушного промысла он как раз, а поперву лучше двустволочку. Ладно, так уж и быть, для милого дружка и сережа из ушка. Бабушка! — повернулся он к Валентине Ивановне. — Давай осчастливим человека. Кому хватит, кому нет, а друга надо уважить. Тащи одну ижевку». Заперли дверь, вскрыли коробку. Я со-

брал новенький в смазке ИЖ-43М штучного исполнения, обласкал взглядом, глянул после протирки темновые кольца в каналах стволов и вновь упаковал ружье в заводскую картонку.

Разрешение и деньги лежали дома в сейфе, назавтра, в пятницу, магазин не работал, должны были ехать в Пензу за товаром, и пришлось отложить покупку ружья до понедельника.

Вышел из охотничьего магазина в вечернею промозглую предзимку с так и не ставшим за день снегом, и дрогнула душа. Нет! Не жить мне спокойно эти три дня, не есть, не пить, не спать и не работать! На счастье автобус маршрут попался. Доехал до своей остановки, бегом домой. Выгреб из сейфа деньги с документами, снова на автобус и рысью к «Охотнику».

Эх, Ефим Пермитин! Уже не Алешка Рокотов со страстной мольбой заполучить в руки ружье мчит по вечерней улице, пугая прохожих, а взрослый бородатый мужик вваливается в предынфарктном состоянии в вот-вот закрывающийся магазин.

Чего-чего, а такого еще не скоро увидят мои друзья. Ведь каких-то двадцать минут назад перед ними был другой человек с нормальным дыханием. Говорить не могу, задыхаясь и лишь судорожно жму руку Борису Андреевичу. У Валентины Ивановны глаза лезут на лоб, а после моего прерывистого мычания она уже хохочет чуть не в истерике. Даже пугаюсь. Ладно, сам ненормальный, а из-за меня с человеком может стать плохо.

Пока считали деньги, вписывали номер ружья в шнурованную книгу и оформляли талоны разрешения, Андрейч вспомнил что-то про цену и про корову, но не в корове дело и не в цене. Ружье! Предмет ночных дум и дневных мечтаний уже в моих руках. Самое главное, не обманул сына, купил ему его первое ружье. Уложился в срок.

В субботу, через день, брат повез меня, сына и племянника Марата на одинокое Колбасное болото, припорошенное снегом, попробовать ружье. Развесили на щитах мишени, отмерили рулеткой 35 метров. Я заложил первые патроны, взял ижевку на прицел. Грохнули выстрелы. Дробь легла точно по центру. Без всяких смещений осыпи, а это самое главное в ружье. Все остальное можно отрегулировать навесками пороха и дробы, пыжами-контейнерами и завальцовкой дульца гильз, но точность боя, если стволы неправильной сверловки или поведены при пайке, уже ничем не выправишь и будешь мучиться с таким ружьем, пока не избавишься от него. Проверили и пулей и картечью, и на резкость, и на кучность, распалили, стреляя по очереди, весь патронташ. Бой был нормальный, несмотря на некоторые внешние погрешности деталей. И на том спасибо ижевцам.

— Владей, сынок! Как будет восемнадцать, переформишь ружье на себя. А пока будешь со мной на охоту ездить. Полегче бы тебе ружьецо на

первое время надо, какой-нибудь 28-й или 32-й калибр или одностволку, да времена не те, чтобы менять ружья, как перчатки. На вырост, в общем, двустволка.

Нужно было видеть глаза сына и племянника. Если в глазах первого было радостное ликование, то второго — мука мученическая и горькое отчаяние с немым криком: «Ая? А мне?»

Снарядил сына полностью. Отдал ему свои старые мальчишеские болотники, из которых давным-давно вырос, подарил патронташ. Брал его весной на тягу, осенью на утиную охоту с чучелами, в лес на вальдшнепиные выскыпи. Появились у него первые трофеи: камышница, горляк, чирок, кряква. Только бы радоваться, но никогда нельзя быть уверенным, где найдешь, а где потеряешь.

У школьных и пэтэушных дружок дома и видеки, и игровые телеприставки, и еще черт-те что электронно-компьютерное. Гляжу, молчит взрослеющий сынище. Уж и покуривать начал украдкой, а после и в открытую. И вдруг однажды как гром среди ясного неба:

— Пап. Ты ружье мое продай, а мне видик купи.

— Говнюк ты после этого! На что охоту хочешь променять, мерзавец этакий?

В общем, «порадовал» сынок. То-то он последнее время чего-то мялся и не совсем охотно в лес на охоту ходил. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Полнейшее мое Ватерлоо. Крах! Видно, посмотрелся у кого-то боевиков с порнушкой, ударила моча в голову от жизни крутой экранной, и хоть песню запевай «Нас на видик променяй...» на моты Стенькиных челнов. Телеящик, бесстыжий ворюга, украл у меня сынищу. Век бы не было этой компьютеризации, видео и прочего «прогресса». В школах только и талдычат: «Ах! Это развивает мышление ребенка. Ах! Это расширяет кругозор. Ах! Сексуальная неграмотность. Ах! Пусть дети отдохнут».

От чего они устали? От дебильной затасканности видеосюжетов про суперполицейских, от стрельбы, насилия, жестокости, гор трупов на экране? Хорош идеал. Детинушка выше отца с матерью, целый день на диване: устает лишь от череды бесконечных сериалов и крутых боевиков с ужасиками, а тут еще его вводи в свой мир охоты, в полу дуй! Да пошел ты после всего этого! Насильно в рай не затащишь. Не я первый, не я последний. Кому суждено на роду стать охотником, тот станет, а на нет и суда нет. Свои мозги, свои мысли такому балбесу в голову не вставишь, как видеокассету. А я-то мечтал, что сын шагнет дальше меня с такого удачного начала.

Племяншу Марату, родившемуся на два года раньше Рината, видно, суждено было стать охотником еще в материнском чреве. Сноха дохаживала восьмой месяц беременности, когда я упросил брата забросить меня на машине на Селитбенское болото-озеро. Шла северная, и я надумал пожить не-

дельку в глуши соломённых полей, почувствовать уток на просторных плесах нашего местного Балхаша. Поклажа заняла весь багажник «Волги», и мы тронулись. Брату куда ни скажи, рулит. Зарулил чуть не в трясину. Пришлось толкать тяжелую машину. Даже сноха и та помогала. Кругом никого нет как нарочно, ни тракторов, ни картофельных десантов, самая глухая осенняя пора. Один брат кроет меня матюгами на все болото. А кругом тростники, камыш, ивы болотные. Лысухи от нашего гама отплыли на всякий случай в глубь затопленных кустов, утки залетали на вечерке. Неля в рев: «Куда я попала? Сидела бы с пупом дома. Вздумала прокатиться на свою голову. Через вас, дураков, скину раньше времени!» Очевидно, это болотное отчаяние матери и передалось еще не рожденному племяншу в те осенние сумерки.

В положенный природой срок родила сноха. Растет мальчуган. В свое время и ходить начал, и заговорил, но в мои жизненные планы вовсе не входило «сворачивать» на охотничью стезю чужое дитя. Ну, сидит малец на заднем сиденье, пока брат забрасывает меня со всем снаряжением куда-нибудь в глушь лесов и болот. Ну, просит стрелы гильзы и смотрит безотрывно на битую дичь. Ну, бросается стремглав по любому пустячному поручению, подавая бутылку со щелочью или шампол, ну, просит стрелы разочек из ружья у сурового дядьки. Мне-то что! Я не сюсюкал с племяншем и был с ним еще требовательнее и строже, чем с сыном, родившимся в 82-м и перед которым я стелился шелком, чая сделать из него охотника. Но, видно, именно это обстоятельство недоступности послужило причиной неистребимой тяги к ружью, охоте. Запретный плод слаще. И если для сына заряжать патроны не было чем-то особенным, то племян, которому я доверял УПС для удаления пробитых капсулей из стреляных гильз, был на седьмом небе. Иногда я брал их обоих на охоту, вводя в круг своих друзей. Геннадий Петрович Козулин первый «разгадал» племянша: «Марат будет охотником, а твой навряд ли. Если и будет, то от не хрена делать. А Марат, по всему виду, — будущий охотник».

Иногда, находя причины, сын отказывался ехать на охоту, и племян составлял мне компанию. Не было случая, чтобы он просрал или сослался на неотложные мальчишеские дела. Наоборот, он жертвовал всеми соблазнами жизни ради выхода на нашу совместную, пусть самую пустую и неудачную охоту. Ни изнурительная ходьба, ни безводье, ни жара не могли заставить его охладеть к охоте. С каждым выходом он становился лишь упорнее в своей мечте стать охотником. И как я когда-то мечтал перед теткой стать большим и купить ружье, точно так же мечтал и планировал передо мной свою жизнь племянник: «Вырасту большой, начну работать, куплю ружье, и мы будем охотиться вместе».

Иногда я снимал с себя все охотни-

чьи доспехи, отдавал ему патронташ с ружьем, шел сам налегке с одним рюкзаком, а племянш «вступал на тропу охоты» где-нибудь в лесу или болотном окрайке. Такое упорство и стремление к охоте следовало поощрять, и в память о своей мечте и охотничьей страсти я жертвовал возможностью выстрела. Грех бы непрощенный был дядьке, если б отваживал его от охоты. Вернее, от охоты бы не отвадил, а от себя — да.

На дни рождения обоим я обычно дарил обязательно что-нибудь охотничье: то патронташи, то упзэсы, то манки, то книги, то чехлы ружейные, то закрутки настольные. И если сын принимал все с ленивой прохладцей, то племянник сверкал радостно глазами, будто костер, куда подбросили в ночи охапку ломкого сушняка. «У меня тоже будет двенадцатый калибр, дядя Анвар», — благодарно жал мне руку племянш. Он и журнал «Охота и охотничье хозяйство», глядя на дядьку, начал выписывать. Ну, что ты попишешь? Чужой, а к душе ближе пробился. Свой, наоборот, как сырое бревно в костре, дымит, а не загорается.

Однажды ранней осенью доехали мы с ним на попутном автобусе до Колбасного болота. Высадили на мелководном плесишке пяток резиновых крякуш и засели в своем давнишнем скрадке. Наплывали тихие сумерки. Утка заходила на вечерней зорьке над камышами. Одна артелька сунулась было подсесть к нашим чучелам, но откуда ни возмись сзади заурчал мотор приподнявшейся девятки, въехавшей чуть не в толпкий кочкарник; хлопнула дверца, и какой-то круто навороченный с короткой стрижкой с ходу заорал: «Путевки есть? Вы чего на моем месте сели?»

Оставив ружье с патронташем племяннику, я с досадой вылез из скрадка и пошел выяснять отношения с наглецом, заметив попутно, что номер на машине не пензенский, а самарский,

да и шалаш мы с ребятней ладили-подновляли каждый сезон сами.

Из машины вылез еще один охотник, уставился молча на меня, а первый, вошедший в раж самозванного хозяина, так и брызгал слюной. Оружия со мной, кроме складного перочинного ножичка в кармане штормовки, не было, документы, как штатные, так и внештатные, я этим храмам показывать был не намерен и, вздыбившись, обложил их тяжеловесным кочегарским матом. Дело явно шло к драке. Но разом, как-то осекшись на полуслове, подавившись очередным матюгом, первый, а за ним и второй прыгнули в машину, захлопнули дверки, дали по газам и рванули задним ходом. Ничего не понимая, оглядываюсь назад и замечаю дуло двустволки, направленное в сторону удравшей девятки. Вот оно что! Не растерялся племянш. Понял дело без всяких инструкций.

— Ну, а если драка? — вернувшись к шалашу, спросил я у мальчугана.

— Стрелять бы начал, — по-серьезному глянул мне в глаза племянник.

Было ему тогда лет четырнадцать. Теперь девятнадцать. Он остался верен своей детской мечте (как и я когда-то), вступил в охотобщество, получил билет и сейчас полным ходом штурмует разрешительную систему. Разжился сейфом для будущего ружья, прошел все медкомиссии и бумажную волокиту. Одну рекомендацию в охотники ему дал знаменитый в нашем городе волчатник Пластинин, другую автор этих строк, до которого нечаянно дошла простая мысль, что, как бы ни сложились отношения с сыном, при самом худшем раскладе все равно я не останусь одинок.

А на днях, видя мою возню с патронами, сын спросил как ни в чем не бывало:

— Куда на открытие поедет?

Может, зря я на него, а?

Фото автора

На старице. С сыном Ринатом.

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Кузьминский А. В. **Оружие для охотника: практическое пособие.** — Минск: Харвест, 1999. — 448 с.

Автор книги, профессиональный охотник и оружейник, дает рекомендации по выбору охотничьих ружей для различных видов охоты, по снаряжению патронов в домашних условиях, по методам тренировки и стрельбе дробью, картечью и пулей, по уходу за оружием и боеприпасами.

Энциклопедия по уходу за собаками. — Минск: Современ. литератор, 1999. — 608 с. 11 000 экз.

Книга рассказывает о внешнем виде и анатомии собак, приобретении и содержании, уходе за стареющей собакой, о воспитании и дрессировке, лечении собак. В специальном разделе говорится о собаках, используемых на войне, охоте, на страже, в зрелищах и многом другом.

Каледин А. П. **Православие и охота.** М.: МГООИР, 1999. — 2000 экз. 60 с.

Тема этого оригинального издания — тварь и человек, взаимоотношения образа Божия с полной невдомого жизнью зверей, птиц и рыб. Автор, А. П. Каледин, председатель МГООИР, — философ и богослов, литератор и сопереживатель всякой твари, милующий ее, но не сентиментально, а в строгости духа, допускающей в необходимой мере и охоту, и рыболовство.

Лес, судьба моя... СПб.: СПБНИИЛХ, 1998. — 500 экз. 61 с.

К 200-летию годовщины Лесного Департамента России выпущено это уникальное издание — стихи соотрудников Санкт-Петербургского научно-исследовательского института лесного хозяйства и коллег по профессии. Они даны в разделах: «Лес и мы», «Времена года», «Охота».

Вышел в свет двухсотый номер журнала «Охотник». Год издания 1935-й. За точку отсчета взят выпуск Центральным советом Всесоюзного военно-охотничьего общества в 1965 г. первого номера «Информационного бюллетеня». Позже издание получило название «Охотник» и было преобразовано в двухмесячный журнал, с текущего года он выходит ежемесячно. Но можно сказать, что «Охотник» старше вдвое: родословную он ведет от журнала «Боец-охотник», начавшего выходить в 1930 г. Долгое время это было единственное в стране периодическое издание такого рода. Интерес к нему проявляли и гражданские охотники, любители природы. На его страницах выступали А. Новиков-Прибой, М. Пришвин, Ф. Панферов и другие известные писатели.

Недавно я снова — в который раз! — перечитал «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина и, как всегда, начав, уже не мог оторваться, прерывая чтение лишь затем, чтобы не опоздать на работу утром и немного поспать ночью.

Роман «Жизнь Арсеньева», одно из самых значительных произведений писателя, вышел отдельным изданием в Париже в 1930 году, что, несомненно, стало решающим аргументом в присуждении автору Нобелевской премии по литературе за 1933 год, хотя в романе еще не было его окончания, завершающей пятой книги. Полностью роман был опубликован в Нью-Йорке только через 22 года, в 1952 году, за год до смерти писателя.

Непревзойденный гений русского языка, Иван Алексеевич Бунин всю жизнь стремился к идеальному художественному воплощению того, что, по его словам, «таилось в самом сокровенном тайнике его души».

«Девять десятых писателей, — говорил он, — даже самых славных, только рассказчики, то есть, в сущности, не имеют ничего общего с тем, что может достойно называться искусством. А что такое искусство? Молитва, музыка, песня человеческой души... глубокое, чудесное, невыразимое, что есть в жизни и о чем никогда не пишут как следует в книгах... И вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть истинно твое и единственно настоящее, требующее наиболее законно выражения, то есть слова».

В «Жизни Арсеньева» автору удалось с колоссальной силой изобразительности выразить то «глубокое, чудесное, невыразимое», что и было истинно его и «единственно настоящим».

«Жизнь Арсеньева» — это терзающее душу прощание с Родиной, с жизнью, со всем, что было дорого и свято, и вместе с тем это волшебное возвращение к истокам дней, к началу начал, к памяти о детстве, отрочестве, юности. Читая роман, мы снова переживаем и свое прошлое, все то, что и в нашей жизни было

впервые и что, казалось, навеки кануло во мрак небытия и беспамятства.

«Жизнь Арсеньева», — писал К. Паустовский, — это одно из замечательнейших явлений мировой литературы, к великому счастью, оно в первую очередь принадлежит к литературе русской... Некоторые главы этой книги стали для меня чем-то более высоким, чем самая совершенная поэзия и проза».

Немалое место в романе уделено теме охоты. Бунин жил в эпоху угасания и разорения помещичьих усадеб, падения знаменитых псовых охот, но и последних усилий мелкопоместных не дать окончательно согнуть устоям помещичьего быта, для которого охота была отнюдь не «барской потехой», а одной из важных составляющих культурной и духовной жизни.

Охота — ЕДИНСТВЕННОЕ (выделено нами. — О. Г.), что поддерживало угасающий помещичий дух (И. Бунин «Антоновские яблоки»).

Теме охоты и ее роли в жизни главного героя повествования страстного охотника Алексея Арсеньева посвящены многочисленные упоминания в тексте, а также две главы Первой книги — XX и XXI. Первоначальный вариант этих глав неоднократно публиковался в периодике под названием «Восемь лет», «Делекое», «В хлебах», и сам автор романа называл его «вариантом первого наброска». Но, продолжая работу над книгой, эти главы он написал заново.

Впервые в истории публикации бунинских произведений мы помещаем эти два варианта рядом, сперва не вошедший в роман набросок «Восемь лет», а затем окончательный вариант XX и XXI глав. Читателю дано сравнить художественные достоинства этих текстов и постараться увидеть, с какой величайшей ответственностью относился И. А. Бунин к святому поприщу великой русской литературы.

О. ГУСЕВ

ВОСЕМЬ ЛЕТ

Мне — восемь лет. На мне еще новенький гимназический картуз, шелковая коричневая косоворотка, козловые сапожки с красным сафьяновым ободком на голенищах. Я сижу сзади отца на беговых дрожках, дрожки шибко катятся большой дорогой, а вокруг — поле, летнее жаркое утро...

Старую донскую кобылу подали к крыльцу чуть не на рассвете. Но сколько раз заглядывал я в кабинет отца в тишину надежде, что разговор со старостой кончен! Уж и росистая трава в тени от амбаров успела высохнуть, и запахло в саду оцепеневшей на солнечном припеке черемухой... Даже кобыла и та стала задремывать от скуки: осела на заднюю ногу, прижала ухо, прикрыла глаза...

Но вот кончилась эта пытка ожидания. Я держусь за кожаную подушку сиденья, задрав ноги на заднюю ось и касаясь лбом стволов на спине отца, поглядываю, как трепещут сверкающие на солнце спицы, как бежит по пыли возле них белая с подпалинами Джальма, близко вижу загорелую шею и широкий затылок под белым картузом... Солнце стоит высоко и сильно припекает, кожа на дрожках стала горячей, — приятно пахнет этой нагретой кожей и колесной мазью. Душная пыль облаком встает из-под колес, парусиновый пиджак на плечах отца темнеет... Дальше — полевой рубеж, длинным, узким коридором теряющийся меж стенами высокой серо-зеленой ржи. Отец сдерживает лошадь и закуливает, пуская через плечо клуб душного дыма...

Ах, эти проселки! Весело ехать по глубоким колеям, заросшим муравой, повиликой, какими-то белыми и желтыми цветами на длинных стеблях. Ничего не видно ни впереди, ни по сторонам — только бесконечный, суживающийся впереди коридор меж стенами колосистой гуши, да небо, а высоко на небе — жаркое лучистое солнце. Синие васильки, лиловый куколь и желтая сурепка цветут во ржи. Дрожки задевают колосья, растущие кое-где по дороге, и они однообразно клонятся под колеса и выходят из-под них черными, испачканными колесной мазью. Мелкие кузнечики сухим дождем непрерывно сыплются из подорожника... Неожиданно потянуло откуда-то легким ветерком, солнечной теплотой... Отец подбирает вожжи... И опять заиграла спицы, закружились перед глаза-

ми пестрые венки наверхевшихся на ветлуги цветов, запрыгали дрожжи по выбоинам. Тут надо держаться крепче, но, ухватившись за сиденье обеими руками, все-таки пристально следишь за тем, как навстречу, лоснясь, бегут серо-зеленые волны, как тень от облака то там, то здесь на мгновение затусшевает их, как Джальма носится за перепелами и жаворонками: иногда совсем пропадает во ржи, — только по волнистой линии, струящейся за нею, видно, где она, — иногда высоко выпрыгивает из колосьев, удивленно озираясь по сторонам...

Порою встречалась телега, а в ней — баба с белоголовым мальчиком на коленях, которая неумело держит веревочные вожжи, неумело сворачивает, заезжая в рожь, а бокастая лошадевка с жадностью хватала губами колосья. Встретился однажды мужик: он без шапки сидел на грядке телеги, возле длинного узкого гробика из золотистого теса, и веселое лучистое солнце жарко пекло его лохматую голову... Встречался урядник верхом на худой длиншошей кляче, бородастый, могучий о. Алексей в широкополой шляпе, высоко восседавший на своей тележке, за которой бежал жеребенок мышиного цвета на длинных, тонких ножках... Все это портило дело: ведь так хотелось чувствовать себя в совершенно безлюдном краю! А не то показывался тарантас и в тарантасе — загорелый помещик в крылатке, в дворянском картузе, с изумленно выкаченными белками. Увидав соседа, он изумлялся еще более, разводя руками, а кучер в плисовой безрукавке и круглой шапочке с павлиньими перьями останавливал тройку. Останавливал лошадь и отец, слезав навстречу вылезавшему из тарантаса толстяку — и начинались бесконечные разговоры. Помещик говорит страшно громко и все кого-то бранит... Потом над чем-то долго, с мучительным наслаждением хохочет, сотрясаясь всем телом. Отец тоже кричит и тоже хохочет.

— Ну, до свиданья, до свиданья! — наконец говорит он, нахохотавшись.

— До свидания, батюшка, очень рад был встретиться!

— Мой поклон вашему семейству!

— И вашим также!

Помещик становится на подножку тарантаса, накренивая его, с трудом усаживается, но не проходит и минуты, как сзади опять раздается крик:

— Сосед! На минуточку!

И опять стоянка, опять разговоры...

Утомленная, но счастливая своими хлопотами Джальма сидит у колес и жарко дышит, изредка, с коротким стуком, ловя зубами мух. В небе блестят и кудрявятся белые облака, всюду столько света и радости, как бывает лишь в июне, и все неподвижнее становится воздух к полудню. Два желтых мотылька, как два цветочных лепестка, однообразно играют над склонившимися в оцепенении колосьями над цветами и травами, нагретыми зноем.

Сладко пахнет васильками. И, щурясь от солнца, я, как в забытии, слежу за облаком, похожим на пуделя, которое, медленно тая, плывет в светозарной сини неба, слушаю, как шипят в траве кузнечики, а над головою на тысячу ладов сонно звенит жалобными дискантами воздушная музыка насекомых, неумолчно воспевающих дали, млеющие в мареве зноя, радость и свет солнца, беспричинную, божественную радость жизни...

Наговорившись, отец гонит лошадь шибко, и дрожжи точно сами собою бегут по наклонной дороге, к какому-то широкому и неглубокому лугу среди степных косогоров. За этим логом следует длинный подъем на покатую гору, залитую зелеными овсами, а с горы открывается вид на новый, еще более широкий и разлтый лог. Тут были заливные болотистые лужки, и мелкая степная речка, извивающаяся по ним, делала много широких затонов, густо заросших зелеными щетками куги. Оттого, что горизонт был со всех сторон замкнут этими похожими на ржаные хлеба косогорами, глухо тут было на редкость, и какая милая, таинственная жизнь — жизнь куличков, бекасов и диких чирков — чувствовалась в тишине и глуши этих мелких затонов!

— Держись! — кричит отец сквозь дребезжание бегущих под гору дрожек.

И вдруг дребезжание сразу обрывается: мы в мягких лугах.

Тут ветерок падает. Солнце печет, колеса шуршат в густой, насыщенной водой траве. Пресно пахнет теплым илом, разогретой кугою; белая, как снег, рыбалка неожиданно вырывается из кочарников и сверкает в воздухе острыми крыльями... Дальше — болото — серебристо-зеркальные затоны с островками тонколистой осоки.

Не спуская с них глаз, отец передает мне вожжи, осторожно слезает с дрожки и, скинув ружье, торопливо, но бесшумно направляется к ним.

— Джальма! — строго, остривисто и негромко говорит он каким-то особым условным тоном Джальме, которая перепрыгивает с кочки на кочку с вышутым языком. Длинные сапоги его тонут в мягких кочарниках. Серебристые пузыри остаются в его следах, отпечатывающихся в бархатистой и влажной траве. От солнца и блеска воды светло так, что больно смотреть.

— Джальма!

И Джальма, быстро оглянувшись, вдруг бултых в воду и, наслаждаясь прохладой, медленно плывет по затону к камышам. Из воды видна только ее вытянутая прилизанная голова с опущенными ушами и длинный хвост, который плывет за ней, как чужой, как палка. Потом и голова и хвост заворачивают в камыши, отец входит по колена в воду и тоже скрывается в камышах. Проходит десять, двадцать минут напряженного молчания... Где-то далеко раздается тяжкий, глухой выстрел... Весь встрепенувшись, присталь-

но гляжу вперед, но за камышами ничего не видно. В камышах что-то осторожно попискивает и булькает; по широкой луже недалеко от дрожек, грациозно извиваясь, плывет уж; перламутрово-голубые стрекозы с треском распускают длинные стеклянные крылышки, вылетая из горящей травы, в небе медленно вытягивается большое белоснежное облако... Вот оно приняло образ сказочного исполина, а из глубины затона, в которой ярко светит его отражение, что-то глухо, угрюмо и жалобно ухнуло... Ухнуло и выжидательно замолчало...

— Бычки! — вспоминаю я загадочное слово, обрonnenное отцом, и весь замираю от сладкого ужаса.

Воображение мгновенно создает образ какого-то фантастического существа, одного из тех страшных подводных жителей, что глубоко скрываются в болотах и только изредка высывают свои лобастые, рогатые головы с выпученными глазами на свет божий. Что, если выглянет такой бычок именно теперь, в этот безмолвный час знойного полдня? И, косясь на затон, я не замечаю, что картуз мой съехал на затылок, что комары облепили мне потную шею и руки, что ослепительно-жаркое солнце бьет прямо в лицо...

Вдруг из камышей выныривает отец. Он идет, по пояс мокрый, хлопает тяжелой сапогами, налитыми болотной водой.

— Тут... бычки, — говорю я нерешительно.

— Ну, и что же?

— Они очень большие?

— Кто? Бычки-то? Да ведь это жучки. Водяные жучки!

— Как жучки? — говорю я, пораженный и разочарованный.

Отец раскраснелся, расстегнул ворот рубахи, лицо у него доброе и оживленное. Подойдя к дрожкам, он бросает мне убитого чирка, и, мгновенно забыв о бычках, я с жадностью ловлю его на лету. Чирок еще теплый! Головка с закатившимися глазами, подернутыми белесой пленкой, бессильно падает на радужный зобик, брюшко в запекшейся крови... И как пахнет он — болотом, тиной и порохом! Джальма вылезает из осоки тоже веселая и удовлетворенная. Глаза безумные, с длинного красного языка льет слюна, белая атласная шерсть вся прилизана, уши висят, ноги в иле, точно в черных чулках...

Мокрые, блестящие шины колес снова шуршат по бархатной сочной траве, изредка врезываясь в воду и разбрасывая во все стороны светлые длинные брызги. Лужи, в которых золотыми полосами то там, то здесь вспыхивает жаркий солнечный блеск, мелькают перед глазами. Из куги то и дело с жалобными стонами вырываются кулички... Потом мягкий кочарник сразу обрывается, — дрожжи снова трещат по дороге, убегающей в гору...

Ах, когда я вырасту, я буду самым счастливым человеком в мире! Я посе-

люсь на хуторе, буду жить только охотой, буду каждый день чистить кирпичом и промывать свое ружье, буду варить себе кулеш, спать возле порога избы, на войлоке, а просыпаться еще в ту пору, когда едва-едва светает... зелено-серебристый рассвет...

Но и теперь чудесно. Я дышу полевым ветром, слушаю хохлатых жаворонков, распевающих над полями, в облаках в бесконечном просторе. Степь вокруг, куда ни кинь взгляд, — зеленая, ровная, вольная. И ни души в степи, ни кустика, ни деревца, — только далеко впереди машет, как утопающий руками, какая-то мельница...

Жизнь Арсеньева

Книга первая, главы XX и XXI

Как-то в конце августа отец надел высокие сапоги, подпоясался поясом с патронами, перекинул через плечо ягдташ, снял со стены двустволку, кликнул меня, потом свою любимицу, каштановую красавицу Джальму, и мы пошли по жнивьям вдоль дороги на пруд.

Отец был в одной пестренькой косоворотке и в белом картузе, я, несмотря на жаркую, сухую погоду, в гимназическом. Отец, рослый, сильный, легко шел своим твердым шагом впереди, шурша по желтой щетке жнивья и пускавая через плечо дым папиросы, я поспешал сзади, держась правой стороны, как и полагается по правилам охоты, соблюдать которые мне доставляло большое удовольствие. Он поощрительно посвистывал, и Джальма со сдержанной горячностью, мелко и часто мотая, дрожа тугим хвостом, вся превратилась в слух, зрение и чутье, быстрым, извилистым поиском тянула перед нами. Поля были уже пусты, просторны, но еще по-летнему светлы и веселы. Горячий ветерок то совсем упал, — и тогда припекало, слышно было, как горячо сипят, часиками стучат, куют кузнечики, — то дул мягким сухим зноем, усиливался, летел мимо нас и вдруг игриво взвизвал по наезженной за рабочую пору дороге облачко пыли, подхватывал, крутил ее и винтом, воронкой лихо уносил вперед. Мы зорко следили за Джальмой, тянувшей однообразно и скоро, незаметно уводящей нас за собой все дальше. Время от времени она вдруг замирала, вся подавшись вперед, и, подняв правую лапу, впиваясь глазами в то, невидимое нам, что было перед нею. Отец негромко ронял: «Пиль!» — она кидалась на это невидимое, и тотчас же — ффрр! — тяжело и неловко (от жира) вырывался из-под нее крупный кургузый перепел и, не успев пролететь и пяти шагов, комом падал опять в жнивье под выстрелом. Я бежал, подбирая его, клал отцу в ягдташ...

Так прошли мы все ржаное поле, потом картофельное, миновали глинистый пруд, жарко и скучно блестящий своей удлинненной поверхностью вправо от нас, в ложине среди голых, выбитых скотиной косоогоров. На них кое-где как-то беспритворно, на юру, в раздумье, сидели грачи. Тут отец поглядел и сказал, что вот уже и грачи по-осеннему стали собираться на советы, подумывать об отлете, и меня на минуту опять охватило чувство близкой разлуки не только с уходящим летом, но и со всеми этими полями, со всем, что было мне так дорого и близко во всем этом

глухом и милом краю, кроме которого я еще ничего не видал на свете, в этой тихой обители, где так мирно и одиноко цвело мое никому в мире не ведомое и никому не нужное младенчество, детство...

Потом мы взяли левее, пошли на Заказ, по межам, среди необозримой черной пашни, которую скородили. Это было все еще наше поле, и одну борону влек по сухим комьям сухого чернозема гнедой стригун, когда-то, еще тонконогим сосуном, у которого еще шелковисто кудрявилась репка хвоста, подаренный мне, а теперь бессовестно, без спросу, без моего разрешения, уже пущенный в работу. Дул жаркий ветерок. Над пашней блестело августовское солнце, еще как будто летнее, но уже какое-то бесцельное, а стригун, уже очень выросший, высокий, — хотя высокий еще как-то странно, по-мальчишески, покорно шел по пашне, таща веревочные постромки, и за ним вилась, прыгала решетка бороны, разбиравшая землю косыми железными клевцами, и, неумело держа веревочные вожжи в обеих руках, ковылял подорожник в лаптях. И я долго смотрел на эту картину, опять чувствуя непонятную грусть...

Заказ был довольно большой полевой лес, принадлежавший полусумасшедшему помещику, который одиноко и враждебно всему миру, точно в крепости, сидел в своей усадьбе возле Рождества, охраняемой свирепыми овчарками, вечно судился с рождественскими и новосельскими мужиками, никогда не сходилась с ними в ценах на работу, так что нередко случалось, что у него оставались целые косяки хлебов некошеными или до глубокой осени гнили в поле, а потом гнили под снегом тысячи копен. Так было и теперь. Мы шли к Заказу по некошеном желтым овсам, перепутанным и остановленным скотиной. Тут Джальма подняла еще несколько перепелов; я опять бежал, поднимал их, и мы опять шли дальше, обходя Заказ по густому просянному полю, шелковисто блестящему под солнцем своими коричневыми склоненными к земле кистями, полными зерна, которые особенно сухо и звонко, бисером шумели под нашими ногами. Отец расстегнул ворот, раскраснелся, — ужасная жара и ужасно пить хочется, пойдём в Заказ на пруд, сказал он. И, перепрыгнув через канаву, которая отделяла поле от лесной опушки, мы пошли по лесу, вошли в его августовское, светлое, легкое, уже кое-где желтеющее, веселое и прелестное царство.

Птиц было уже мало, — одни дрозды стаями, с веселым, притворно-яростным взвизгиваньем и сытым квохтаньем, перелетали там и сям; в лесу было пусто, просторно, лес был не частый, далеко видный насквозь, солнечный. Мы шли то под старыми березами, то по широким полянам, на которых вольно и свободно стояли могучие ветвистые дубы, уже далеко не такие темные, как летом, с поредевшей и подсохшей

листой. Мы шли в их пестрой тени, дыша их сухим ароматом, по скользкой, сухой траве и глядели вперед, где жарко сияли более открытые поляны, а за ними канареечно желтела и трепетала небольшая чаща молодой кленовой поросли. Когда мы вошли на тропинку, пролежавшую среди этой чащи к пруду, из подседа, из лапчатых орешников, вдруг с треском вырвался почти из-под ног у нас золотисто-рыжий вальдшнеп. Отец был так поражен столь ранним гостем, что даже растерялся, — выстрелил, разумеется, мгновенно, но промахнулся. Подивившись, откуда мог взяться в такую пору вальдшнеп, и подосадовав на промах, он подошел к пруду, положив ружье, присел на корячки и стал горстями пить. Потом, с удовольствием отдуваясь и вытирая рукавом губы, лег на берегу и закурил. Вода в пруде была чистая, прозрачная, особенная лесная вода, как есть вообще нечто особенное в этих одиноких лесных прудах, почти никогда никем, кроме птицы и зверя, не посещаемых. В ее светлой бездонности, похожей на какое-то зачарованное небо, спокойно отражались, тонули верхушки окружавшего ее березового и дубового леса, по которому с легким лепетом и шорохом тянул ветер с поля. И под этот шорох, лежа с подставленной под головой рукой, отец закрыл глаза и задремал. Джальма тоже напилась в пруде, потом бухнулась в него, немножко проплыла, осторожно держа голову над водой с повисшими, как лопухи, ушами, и, внезапно повернув назад, как бы испугавшись глубины, быстро выскочила на берег и крепко встряхнулась, осыпав нас брызгами. Теперь, высунув длинный красный язык, она сидела возле отца, то вопросительно поглядывая на меня, то нетерпеливо оглядываясь по сторонам... Я встал и, гуляя, побрел среди деревьев в ту сторону, откуда мы подходили к лесу по овсяному полю...

Там, за опушкой, за стволами, из-под листового навеса, сухо блестел и желтел полевой простор, откуда тянуло теплом, светом, счастьем последних летних дней. Вправо от меня всплывало из-за деревьев, неправильно и чудесно круглилось в синеве, медленно текло и менялось неизвестно откуда взывшащееся большое белое облако. Пройдя несколько шагов, я тоже лег на землю, на скользкую траву, среди разбросанных, как бы гуляющих вокруг меня светлых солнечных деревьев, в легкой тени двух сросшихся берез, двух белоствольных сестер в сероватой мелкой листве с сережками, тоже подставил руку под голову и стал смотреть то в поле, сиявшее и ярко желтевшее за стволами, то на это облако. Мягко тянуло с поля сушью, зноем, светлый лес трепетал, струился, слышался его дремотный, как будто куда-то бегущий шум. Этот шум иногда возрастал, усиливался, и тогда сетчатая тень пестре-

ла, двигалась, солнечные пятна вспыхивали, сверкали и на земле и в деревьях, ветви которых гнулись и светло раскрывались, показывая небо...

Что я думал, если это только были думы? Я думал, конечно, о гимназии, об удивительных людях, которых я видел в ней, которые назывались учителями и принадлежали как бы к какой-то совсем особой породе людей, все назначение которых — учить и держать учеников в вечном страхе, и меня охватывал недоуменный ужас, зачем везут меня в рабство к ним, разлучают с родным домом, с Каменкой, с этим лесом... Я думал о стригуне, которого я видел в бороне на пашне. Я смутно думал так: да, вот как все обманчиво на свете, — я воображал, что стригун-то мой, а им распорядились, не спросив меня, как своей собственностью... да, вот был тонконогий мышастый жеребенок, трепетный, пугливый, как все жеребята, но и радостный, доверчивый, с ясными черносливыми глазами, привязанный только к матери, всегда со сдержанным удовольствием и лаской ржавшей при виде его, во всем же прочем бесконечно вольный, беззаботный... этого жеребенка мне в один счастливый день подарили, навсегда отдали в мое полное распоряжение, и я радовался на него некоторое время, мечтал о нем, о нашем с ним будущем, о близости, которая не только будет, но уже образовалась между нами оттого, что мне его подарили, а потом стал понемногу забывать о нем — и мудроно ли, что и все забыли, что он мой? Я ведь в конце концов совсем забыл о нем, — вот как забуду я, верно, и Баскакова, и Олю, и даже, может быть, отца, которого я сейчас так люблю, с которым такое счастье ходить на охоту, да забуду и всю Каменку, где мне знаком и дорог каждый уголок... И прошло два года, — точно их и не бывало никогда! — и где он теперь, этот глупый и беспечный жеребенок? Есть трехлеток, стригун — и где его прежняя воля, свобода? Вот он уже ходит в хомуте по пашне, таскает за собой борону... И разве не случилось и со мной того же, что с этим жеребенком?

На что мне были амаликитяне? Я то и дело ужасался и дивился, но что ж я мог? Облако из-за берез блистало, бе-

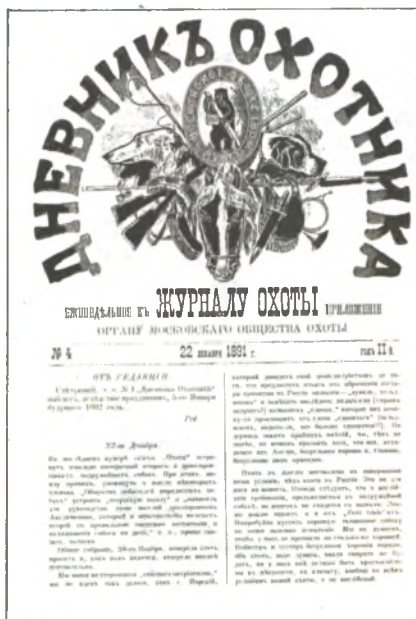
лело, все меняя свои очертанья... Могло ли оно не меняться? Светлый лес струился, трепетал, с дремотным лепетом и шорохом убежал куда-то... Куда, зачем? Можно ли было остановить его? И я закрывал глаза и смутно чувствовал: все сон, непонятный сон! И город, который где-то там, за далекими полями, и в котором мне быть не минувать, и мое будущее в нем, и мое прошлое в Каменке, и этот светлый предосенний день, уже склоняющийся к вечеру, и я сам, мои мысли, мечты, чувства — все сон! Грустный ли, тягостный ли? Нет, все-таки счастливый, легкий...

И как бы подтверждая это, за мной вдруг тяжело бухнул и по всему лесу, гремящим кольцом охватывая его, раскатился выстрел, вслед за которым послышался особенно яростный взвизг и квохт, видимо, огромной стаей взлетевших дроздов и бешено-радостный лай Джальмы: стрелял проснувшийся отец. И, сразу забыв все свои думы, я со всех ног кинулся к нему — подбирать убитых, окровавленных и еще теплых, сладко пахнущих дичью и порохом дроздов.

Рисунки Б. Игнатьева

ПОЛТОРА ВЕКА ОХОТНИЧЬЕЙ ПЕРИОДИКИ

Михаил БУЛГАКОВ

ДНЕВНИК ОХОТНИКА (1891—1893)

Это недолговечное еженедельное издание на 8 газетных страницах печаталось в виде приложений к «Журналу охоты» А. Е. Корша. По примеру сабанеевской «Охотничьей газеты» Корш помещал в «Дневнике охотника» свежие новости охотничьей жизни России.

Редактора-издателя поддерживали в основном самые преданные служители Дианы — псовые охотники и любители собак: К. В. Мошин, С. В. Озеров, С. С. Кареев, А. В. Полторацкий. Их статьи и заметки (беллетристики не было вовсе) придавали респектабельность «Дневнику» и оживляли его информационную сухость.

Посильную финансовую помощь оказывало «Дневнику» Московское общество охоты, но охотники все же предпочитали подписываться на журнал и газету Л. П. Сабанеева. Несмотря на свою содержательность и деятельность, «Дневник охотника» заметно проигрывал «Охотничьей газете». К тому же единственным художественным украшением был логотип «Дневника», в тексте иллюстрации отсутствовали.

В 1891—1892 гг. вышло 50 номеров, а в 1893 г. после 32-го номера издание прекратилось.

«ОХОТА» (1891—1893)

Журнал выходил в Петербурге (с 01.09.1891 г.) дважды в месяц и имел подзаголовок «Всеобщее охотничье обозрение. Орган общества поощрения полевых достоинств собак и всех видов охоты». Президентом этого привилегированного (почти вся петербургская знать) общества был Великий князь Николай Николаевич, владелец легендарной Першинской охоты. А редактором нового журнала стал управляющий этой охотой Д. П. Вальцов, что и определяло содержание «Охоты».

Можно предположить, что причиной появления этого издания стало извечное соперничество питерских охотников с москвичами. Причем охотников богатых, и в первую очередь — псовых. Именно для них годом раньше А. Е. Корш стал издавать в Москве свой «Журнал охоты».

«Охота» Д. П. Вальцова представляла собой тетради огромного формата с бесконечными отчетами об охотничьих выставках, садках борзых собак, состязаниях стрелков, о лошадиных скачках и бегах, соревнованиях парусных судов и велосипедных гонках. Разумеется, такой подбор материала интересовал по большей части лишь самих участников этих мероприятий, то есть столичных охотников.

Поскольку многообразная охотничья жизнь России оставалась за рамками журнала «Охота», провинция проявила

к нему полное и справедливое равнодушие. Страницы «Охоты» могли повергнуться в уныние любого читателя, не только провинциального, ибо в журнале совершенно отсутствовало художественное оформление — сплошной голый текст. К тому же редкой гостевой журналу была беллетристика, в основном очерковая.

В мае 1893 г. журнал изменил свою внешность, к каждому номеру стали прилагаться фототипии и рисунки на хорошей бумаге, но время было упущено: так называемый массовый читатель уже полностью утратил интерес к этому изданию.

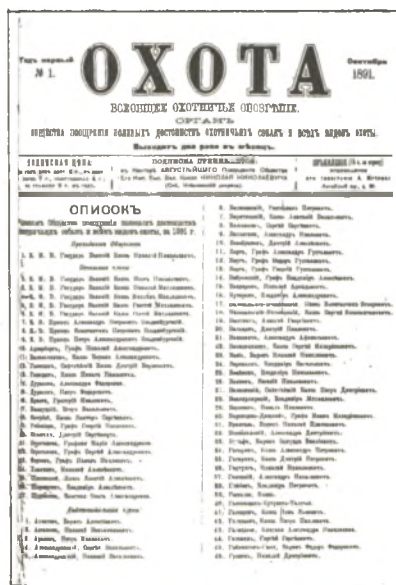
«ПСОВАЯ И РУЖЕЙНАЯ ОХОТА» (журнал) (1894—1907)

Журнал выходил в Туле и Москве с сентября 1894 г. по июнь 1907 г. В разные годы издателями журнала были частные лица и охотничьи общества, менялись формат и оформление, сроки подписки, периодичность и объем издания. Неизменной оставалась патристическая направленность журнала, страстная любовь к охоте его основателя и редактора С. В. Озерова. Авторитет Сергея Владимировича был настолько высок, что после смерти Л. П. Сабанеева (1898 г.) многие авторы «Природы и охоты» перешли под знамена «Псовой и ружейной охоты».

Вокруг псового охотника С. В. Озерова из заштатного городка Венева (точнее, даже из его окрестностей) Тульской губернии объединились все выдающиеся знатоки охотничьего дела. В первую очередь псовые охотники и собаководы: Н. Д. Челищев, Н. А. Болдарев, Д. И. Ширинский-Шихматов, С. А. Кареев, Д. П. Вальцов, А. В. и В. А. Полторацкие, В. В. Де-Кондор, Н. П. Кишинский, Н. И. Яблонский, К. В. Мошин. Кстати, когда С. В. Озеров безвременно скончался в 1903 году, именно К. В. Мошин стал редактировать «Псовую и ружейную охоту». Следует отметить исключительную заслугу журнала в сохранении и оживлении псовой охоты в России, пропаганде ее традиций и нашего национального достояния — псовых борзых.

На рубеже веков лучшими специалистами по охотничьему оружию считались А. П. Ивашенцов, С. А. Бутурлин, С. К. Лейдекер, П. В. Ланге и Е. Т. Смирнов. На протяжении многих лет их имена постоянно встречались на страницах журнала.

В отдельные годы выходило до 48 номеров журнала, и, разумеется,

материалами о собаках и оружии содержание «Псовой и ружейной охоты» не исчерпывалось. Отличительной стороной озеровского издания всегда была близость к «полю», к самой охоте, поэтому значительную часть печатной площади занимали практические статьи по различным видам и способам охоты.

Можно упомянуть о многочисленных книгах, выходящих в качестве бесплатных и платных приложений к журналу, например переводные труды о пойнтере знаменитых собаководчиков Ли и Аркрайта, «Охотничью стрельбу» Е. Т. Смирнова, «Куликов Российской Империи» С. А. Бутурлина, «Ружейную охоту с гончими» Н. П. Кишенского. Помимо подобной литературы, у читателей пользовались популярностью очерки, воспоминания и рассказы известных литераторов и просто бывалых охотников. Для них выходили отдельные книги-приложения с одноименным журналу названием.

С 1895 года журнал «Псовая и ружейная охота» стал иллюстрированным. Особую прелесть изданию придавали рисунки молодого художника А. Н. Комарова, впоследствии выросшего в большого мастера-анималиста.

«ПСОВАЯ И РУЖЕЙНАЯ ОХОТА» (книги-приложения) (1897—1906)

Книги (объемом около 200 стр.) под названием «Псовая и ружейная охота» выходили ежемесячно, всего на свет появилось более ста книг. Кроме того, в 1897—1898 гг. все 12 книг-приложений были напечатаны вторым изданием в сокращенном виде. С 1902 года в кни-

гах помещались хорошего качества портреты сотрудников и репродукции картин с охотничьими сценами.

Большую часть книг занимали, как тогда выражались, изящная беллетристика и поэзия, критические статьи, а также проблемные материалы значительного объема по всем видам охоты.

В книгах отчетливо просматривается связь и преемственность поколений в русской охотничьей литературе. Рядом с писателями старшего поколения (Н. А. Вербицкий, А. Н. Савельев, Н. Г. Бунин, Пскович, Д. А. Вилинский, И. М. Воропай, В. М. Сысоев) из года в год появлялись новые имена (Н. Н. Фокин, И. В. Орнатский, И. Н. Евфратов, М. К. Житников).

Широко представлена в отделе прозы и мемуарная литература, особо любимая охотниками старшего поколения. Надо сказать, что редактор С. В. Озеров вдобавок к прочим своим достоинствам обладал незаурядным литературным даром (писал под псевдонимами «Старик» и «Старый холостяк») и питал вполне объяснимую слабость к художественному слову об охоте. Поэтому-то чтение книг из серии «Псовая и ружейная охота» до сих пор доставляет удовольствие читателю-охотнику.

«ОХОТНИЧЬИ ВЕСТНИК» (1900—1918)

Московский журнал «Охотничий вестник» принадлежал к числу долгожителей в истории российской охотничьей прессы, уступая «Природе и охоте», «Охотничьей газете» Л. П. Сабанеева и журналу «Охота и охотничье хозяйство». Это издание появилось на рубеже веков и стало символом новой эпохи. Почти все предыдущие газеты и журналы были основаны охотниками-идеалистами, причем без всякой финансовой подоплеки. А «Охотничий вестник» возник как рекламный рупор оружейного магазина А. В. Тарнопольского. Кстати, сам Антон Витальевич был не только «акулой» оружейной торговли, но и выдающимся знатоком оружия. Скрываясь (по этическим соображениям) за псевдонимом «Гражданский инженер», Тарнопольский писал книги по охотничьему оружию и прославился своими блестящими консультациями на страницах «Охотничьего вестника». Именно он был фактическим владельцем журнала вплоть до конца 1915 года, когда продал свой пай в товариществе «Охотничий вестник». А издавали и редактировали журнал разные люди, в том числе писатель Н. И. Яблонский.

В первый год своего существования «Охотничий вестник» выходил ежемесячно, в 1914—15 гг. еженедельно, а в остальные годы дважды в месяц. Его живучесть достойна удивления, поскольку последний сдвоенный номер

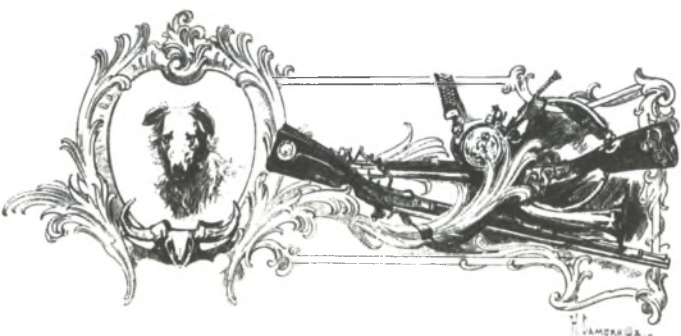
(13—14) вышел летом 1918 года, в дни всеобщего хаоса и голода.

Признавая заслуги предшественников, следует отметить, что «Охотничий вестник» превзошел по популярности все старейшие издания для охотников. Его тираж достигал 15—20 тыс. экз. и вполне соответствовал европейскому уровню. Секрет успеха крылся в низкой (в 2—3 раза ниже, чем у конкурентов) подписной цене, оперативности и демократичности журнала. «Охотничий вестник» активно вступил в публичный переписку с читателями, поставив буквально на конвейер издательское дело. Поступающие в редакцию материалы печатались «с листа», часто без всякого отбора. В художественном оформлении нередко присутствовало то, что теперь называется кичем. Не всегда чистоплотная реклама в стиле «Нигде кроме, как в «Моссельпроме» вводила в заблуждение и разочаровывала подписчиков, но их ряды быстро пополнялись новыми желающими купить «на грош пятаков».

Между тем со временем «Охотничий вестник», что называется, остепенился и стал чуть ли не академическим изданием. Достаточно сказать, что с журналом сотрудничали профессор Г. А. Кожевников, Б. М. Житков, И. К. Тарнани, видные охотоведы С. А. Бутурлин, Д. К. Соловьев, кинологи Н. П. Кишенский, А. С. Тюльпанов, писатели Д. А. Вилинский, Н. И. Яблонский, Л. Д. Александров, С. С. Качиони. Журнал, как и вся российская жизнь, стал блекнуть с началом Первой мировой войны.

Рождение и взлет «Охотничьего вестника», в сущности, подтверждают закон, согласно которому спрос рождает предложение. Оживление общественной жизни, бурный рост России, тяга к новшествам и вызвали к жизни столь необычный для русских охотников, с капиталистическим уклоном журнал.

Старый холостяк — псевдоним С. В. Озерова, автора журнала «Псовая и ружейная охота».

РАССКАЗЫ СТАРОГО ХОЛОСТЯКА

Сцапают — и отсидишь!..

— Надо бы и нам, Василий, — говорю я подъехавшему доезжаемому, — собак на садки приготовить: ловят настойчиво, скоро и броском... Видел, как материка-то сработали?! Сожгли!..

— Что ж, сударь, приготовим... В третий-то раз я уж дураком не буду: приготовлю по всей форменности, поберею призы!..

— Как в третий, а во второй — когда же? Ведь коньяк-то ты раз только вылебал, разве еще набедокурил?

— Никак нет, сударь, махонький случай, точно, вышел, а чтобы вина моя была — нет... Виданное ли дело, при звериной травле красный спинжак надевать!.. Вот он-то, сударь, все дело и испортил!..

— Ну, винись, рассказывай, чем тебе красный фрак помешал!

— Помешал!.. Место я через него хорошее потерял... И кто моду на садки на эти самые завел: никак к ним не притрафишься! То по старине, значит, все дело справляешь, а собак с ушей режут; ты по-нонешнему, — то коньяк, то красный спинжак помешают... Вот и притрафься тут!..

Жил я, — начал Василий, — как докладывал, на месте хорошем: и барин, и барыня — душа нараспашку... По весне и заболел барыня какой-то мудреной болезнью; известно, в чужие края пожелала ехать. Перед отъездом призвал меня барин к себе да и говорит: «...Слушай, Василий, к осени вряд ли я домой приеду, так ты самых разных собак отбери и к садкам готовь, а после садок всей охотой возле дома езди, чтобы собаки не залеживались». — «Все исполню, будьте благонадежны, — отвечаю, — только вы, сударь, рецепту мне садочную пожалуйте и насчет коньяку разрешение сделайте». — «Разве ты не умеешь собак готовить? — говорит барин, — ведь ты у него жил и на садках бывал». — «Умею, — отвечаю, — сударь, а все ж вы мне науку-то эту повторите, а насчет коньяку управляющему прикажите, потому собак для садок готовить придется не одну, без дюжины бутылок не обойдешься, да еще, сударь, щеток надо, попонок шерстяных, замши, сухарей заграничных, говядины для жарковья, чаю фунта три для коньячной болтушки... много, сударь, разной дряни надо в садоч-

ную-то собаку для ножного моциона всадить; вы уж приказ дайте — всего мне отпустить из конторы и чтобы задержки — никакой, а то порча одна выйдет».

Вслушал меня барин и полное согласие дал. Зачал я собак готовить, как наслышан был от питерских псарей, и себя всерьез соблюдаю: водки ни-ни, а собакам коньячной болтушки и себе такой же, чуточку разве покрепче... Пробовал собачий заграничный сухарь грызть на закуску — не скусен, да и, говорят, в нем кобылятина примешана... Чувствую — идет дело у меня на лад: собаки днем развеселые, а ночью таково спят после щеточной зуды — утром не докличешься... Близо уж и до садок, а слышал я, что недельки за две настоящую заячью травлю надо произвести, чтобы собаки в удар вошли. Одно горе — где зайцев достать? Сами изволите знать, в конце июля и начале августа косога не найти, да к тому же — мор, что ли, на них был, — и позже-то их, почитай, совсем нет.

Толкую я с борзятниками в псарной избе, где бы нам зайцев раздобыть, а меж ними паренек один был, Гришка, шустрый да смысленный. «Вы бы, — говорит, — Василий Федотыч, им «Жулика» посадили; резвости в ем до стра-

сти, а коли ему хвост в расщеплину да от двора подальше отвести, — настоящим русаком полем прокатится!.. А «Жулик» этот, сударь, от дворной суки и борзого кобеля родился и возле псарного двора при котле на костях жил. Собаки его наши все знали и никогда не трогали, а со щенками он сам охочь был баловаться — и резв был каналья!.. Что ж, думаю, бежал бы, и собак собакой в удар ввести можно. Порешили, вывели в поле, ущемили хвост и пусти-

ли. Побег резво, а собаки глянули, видят «Жулик» и не поскакали. «Умны, свою-то собаку по шерсти признали! — говорит Гришка, — ну, да мы «Жулика», Василий Федотыч, в особенного садочного зверя переделаем». Смысленный был парень, а в одном не догадался и подвох мне учинил!.. Достал он, сударь, кусок красного сукна в конторе и сшил «Жулику» попону. Вывели мы его в ней, ущемления не забыли — и такого стрекача он в этой красной попоне задал, что ни одна борзая его и не понюхала. Ладно, давай мы «Жулика» каждый день в попоне сажать, и в такой, сударь, удар собак ввели, что раз даже за бабой в красном платке бросились, едва отбили...

Пришла пора на садки ехать... Приехал; накануне жеребий тащил, породу собачью рассказывал, известно, как Бог на душу положил, — и настал день судный. Ввел я первого кобеля «Свирипа», — по кличке и характер у него был, — глянул он влево, а там во всей красе спинжачник красный на коня садится... Взбrehнул мой кобель, рванулся — и глаз с него не спускает... Я ему кусочек жареной говядины, я ему коньячную болтушку в пузырьке показываю — не в себе... Во всем ударе да только красный спинжак порват! Изве-

стно, собака русская — охотника-то своего в красной амуниции никогда не видывала, а тут еще на «Жулика» в красной попоне в удары вводилась!.. Быть беде, думаю, бросится наш «Сви-реп» за красным спинжаком, коли он с коня сойдет... Подлетел ко мне прыжками, сударь, совсем удивительными «имнаст» какой-то, прихватил «Сви-репа» на сворку с другой собакой и при-тулился за заборчиком. Хотел было я ему сказать, чтобы «Свирепа» мордой от красного спинжака отвернул, да не успел. Побег заяц, «имнаст» запрыгал за ним с собаками на своре, а «Сви-реп» на зайца и не глядит, и все в сторону волочит — к судье аглицкому. Прости, думаю, Василий Федотыч, — съест «Сви-реп» спинжачника при всей публике!.. И, точно, сударь, чужая собака к зайцу снулась, а «Сви-реп» — то, подлец, к спинжачнику... Ну, облетел вокруг его, видит: высоко сидит, за фалду не ухватишь, и по обличью не совсем что-бы на «Жулика» похож, оглядел зайца и за ним ударился... Чужая собака уже пымала, а «Сви-реп» еще и не доска-кал... Сейчас это «флагу» выкинули и решение аглицкое вышло, «что хоша кобель наш обозрится (а какой обо-зрится — на красный спинжак скакал!), но ему, спинжачнику, дотошно извес-тно, что «Сви-реп» тупее чужого кобе-ля». Подивился я, сударь, такому уму-разуму судьи аглицкого... У нас в старину на что бары были доки по ча-сти собачьей резвости да и то, быва-ло, раз десять собак меряли на воль-ном звере и, почитай, целый день спо-рили, какая резвее, особливо: как од-них ног сойдутся. Известно, то в ста-рину бывало, теперь люди куда умней стали!..

Жду черед... Вывел сучку «Птичку», резвую, резвее всех наших собак... Во-рочу я ей морду от красного спинжа-ка, — и, спасибо, его не заприметила. Запрыгал «имнаст» и, что врать, в са-мую «плепорцию» показал... только за-тянул нашу-то... Вырвалась чужая из-за нашей сучки, но, как к зайцу ближе, «Птичка» пыхнула, не захватила и про-катилась колесом... Вскочила, видно, сердечная, не почувствуется — уби-лась, а в это время чужая-то нагнула угонки на три и далеко прочь от нашей зайца уг-нала. Собралась с духом «Птичка», обо-рвала чужую, да не захватила и пронес-лась, а пока справлялась, чужая-то, сударь, еще раз повихнула, заяц усел, она изворотилась да и поймала. Скажи-те, сударь, по чистой совести, по охот-ничьей, значит, совести, а не по дру-гой какой, nonешней, — супостат-ской, — какая резвее? Ну, конечно, так, сударь, известно — наша «Птичка»! А вот аглицкий-то судья признал ина-че — чужую флагу выкинул... Зло меня взяло! Видал, слава Богу, охоты вса-мделишные, разговоров господ, настоя-щих охотников, довольно наслушан в старое время, когда гличанина бы это-го за чужую флагу в три бы шеи сто верст гнали... Пойду к судье... и подошел... Вежливо, сударь, шапку снял, а он мне шляпу; я ему толкую и руками показы-

ваю, а он таращится и тоже руками раз-водит... Слышала, что всякий супостат русское крепкое словцо понимать зав-сегда должен, — и загнул ему по-рос-сейски... Не довелось видеть: понял или нет, потому меня в ту ж секунд под руки подхватили и со двора сволокли. Упи-рался я, сударь, и оправдания приво-дил, а распорядитель толкует одно: «В работе «Птичка» мало действовала»... Какая там работа, коли она резвее — броском жжет!.. Толкует: «У чужой столько-то циферь, а у нашей меньше, у чужой «цыферь» за поимку хоть отбав-ляй, а у нашей — ничего»... И когда это они, сударь, все усчитали!.. Коли, гово-рю, так, коли у вас на «цыферь» и рез-вость собачья переводится, так чело-веческие слова, небойсь, иподавно, пото-му позволяте, сударь, спросить: «Сколько же «цыферь» заработал «рус-ским словом», что спинжачнику пре-поднесь?» Опешил, молчит, а потом скраснел весь да и закричал: «Вон со двора и с собаками!»... Свели, сударь, меня, старого псаря, с которым и сия-тельные и превосходительные господа в старину разговорами не брезговали, со двора долой, свели со срамом... Ду-мал, из господ-охотников кто заступит-ся, да нет — молчат все: не то страшен

им спинжачник, не то чувства охотниц-кого к обиженной «Птичке» у них не было...

Вернулся я с садов в унынии, дохле-бал остаток коньяку и жду, что будет. Описали, видно, с садок барину, и при-шел приказ: «С получением сего, Васи-лия Федотыча — вон»... Пострадал, значит, за веру русскую, словцо рос-сийское и собаку резвую!.. Жаль одно: не затравил я спинжачника! «Жулика» жалел — сажал подальше, ну, а его бы, супостата незваного, и прирезать грехом не счел!..

— И здорово же ты врешь, Васи-лий, — сказала я, дослушав рассказ.

— Вру!.. Красное словцо не вранье, сударь!.. Читывали мне господа покой-ного Ермолова рассказы, так там дя-дюшка покойника говаривал, что «псарь старый, настоящий, должен всякую историю с красным словом рас-сказать»... А я что же приврал? Коли «вявь правда молчит, так в сказке го-ворит»... А за сказку, сударь, вы знае-те: в кутузку не сажают. А то ведь вы что ни расскажи, все в журнал охотниц-кий переводите и меня настоящим име-нем там прозываете. Упаси Бог, до на-чальства садового дойдет!.. Сцапа-ют — и отсидишь!..

Н. Е. Сверчков. Фотография с гравюры

14 мая 1896 года — чудный солнечный день в Первопрестольной. В Успенском соборе древнего Кремля только что закончилась церемония венчания на царство последнего русского Императора. На 3 часа дня назначен торжественный обед в Грановитой Палате по случаю коронации. Вовремя собрался весь разодевшийся высший свет Российской Империи и именитые иностранные гости. Приближался момент, когда обер-шенк должен был подать Государю большой золотой кубок с вином и возгласить: «Его Величество изволит пить!». На этот раз традиция была нарушена: тост провозглашен не был, хотя, как и полагалось, «чужеземцев» попросили удалиться в другие залы. На пиршестве в Грановитой Палате могли присутствовать только верноподданные Государя Императора. Престарелый Министр Двора граф Воронцов-Дашков и устроитель всех торжественных коронаций генерал-губернатор Москвы Великий князь Сергей Александрович неотступно следовали за царем, и оба были на высоте положения. Изысканно составленное меню поражаало самых тонких и искушенных ценителей русской и европейской кухни. — «Ваше превосходительство! — обрательсился совсем юный гость к сидевшему справа от него пожилому действительно тайному советнику. — Не находите ли вы несколько странным вкус и вид этого рябчика?» — «Вовсе нет, сударь. Весь секрет заключается в необычном рецепте его приготовления, и я вам его раскрою, — последовал ответ. — Извольте: рябчиков покупают уже в разложившемся виде. Затем их во всем оперении зарывают в землю и извлекают оттуда лишь тогда, когда в них заведутся черви. Потом их запекают обмазанными в глине. Перья отлезают вместе с глиной, и получается рябчий студень — шедевр кулинарии. А называется это блюдо «рябчик по-сверчковски», в честь его изобретателя — художника Сверчкова, ныне здравствующего», — закончил свой лу-

Портрет анималиста

Валерий ПАНКРАТОВ

кавый рассказ важный сановник. Видимо, не понаслышке он знал о гастрономических увлечениях прославленного живописца. Лишь одно было неизвестно рассказчику: на тот момент Сверчкову оставалось прожить всего два нелегких года. Полуслепой, с почти не владеющей правой рукой, он доживал свой век в Царском Селе, практически не работая. О придуманном им экстравагантном блюде скоро забудут, а память о художнике Сверчкове жива и поныне. В 1998 году исполнилось 100 лет со дня его смерти. Эта дата осталась как-то незамеченной. Не грех еще раз напомнить, в первую очередь охотникам, основные вехи жизненного и творческого пути замечательного мастера.

Вся жизнь Николая Егоровича Сверчкова была связана с Петербургом. Здесь он в возрасте 10 лет поступил в Воспитательную школу при Императорской Академии художеств, которую из-за болезни был вынужден оставить. Доучившись в общеобразовательном Петропавловском училище. А в 16 лет по желанию отца был определен на службу в Министерство внутренних дел. С детства, однако, страсть к искусству и лошадям отличала его, и он не переставал в основном самостоятельно заниматься рисунком и живописью. Постепенно он развил заложен-

ные в нем природные способности до такой степени, что в 1839 году осмелился выставить свои картины («Автопортрет», «Ездок», «Итальянка с гитарой» и «Портрет девицы Сверчковой») на академической выставке. Успех был настолько очевиден, что Академия художеств удостоила его звания свободного художника. Убедившись в несомненном таланте сына, отец разрешил ему на следующий год оставить службу. С этого времени Сверчков всецело отдается любимому увлечению, зарисовывая животных, чаще всего лошадей, среди которых он проводил почти все свое свободное время, благо отец его был управляющим дворцовым конюшенным ведомством. Обнаруживший дар анималиста и первые успехи помогли отставному коллежскому секретарю занять место художника-ипполога Хреновского и Чесменского государственных конных заводов. Прославившись своим знанием пород и умением передать их особенности, Сверчков стал получать заказы от известных коннозаводчиков. За более чем пятидесятилетний период он нарисует и напишет более 500 портретов почти всех современных ему выдающихся верховых лошадей и рысаков. Будучи глубоким знатоком лошади, Сверчков превосходно передавал все стати, масть и даже характер своих «моделей». По существу именно он создал жанр конского портрета в русской живописи.

В 1840-е годы воспроизведенные в литографиях сверчковские портреты лошадей и жанровые сцены печатались большим тиражом. Дело дошло до выпуска «Альбома коннозаводчиков с портретами заводских жеребцов и маток лучших заводов России, писанных с натуры и литографированных художником Н. Сверчковым» (1846—1852). В это время художник написал «Портрет супруги в амазонском платье на лошади» и «Скульптор И. И. Юшков в санях на набережной Невы», а также «Портрет доезжачего В. П. Воейкова Харитона». В 1852 г. за картину «Помещица тройка» Сверчков получил звание академика живописи, а еще через три года полотно «Дорожные» принесло ему титул профессора.

Известность и популярность Николая Егоровича росли вместе с его мастерством. В заказах, в том числе от высокопоставленных лиц, недостатка не было. Сверчков выполнит портреты четырех русских императоров: Николая I, Александра II, Александра III, Николая II. Большой портрет Александра II в гусарском мундире на белом арабском коне очень понравился царю, перешел в его собственность и был пожалован им лейб-гусарскому полку в день полкового юбилея. Растроганный государь подарил Сверчкову участок земли в Царском Селе, на котором тот построил дом с большой мастерской в нижнем этаже. Рядом была сооружена конюшня. Когда было необходимо, художник выводил оттуда лошадь прямо в мастерскую.

Апофеозом боготворения Сверчковым лошади и его преданности иппической живописи станет «Праздник Флора и Лавра», огромное полотно во всю стену, которое встречает посетителей при входе в московский Музей коневодства. В русском православии эти святые — раннехристианские мученики — считались небесными покровителями и заступниками лошадей. Так что устроители Музея совершенно справедливо выделили этому сверчковскому произведению столь видное место. Картина писалась тогда, когда праздник Святых Флора и Лавра 31 августа каждый год широко и торжественно отмечался по всей России. В этот день лошадей купали, наряжали, кормили овсом и особым хлебом с яйцом в полную сыть. Гривы расчесывали особенно тщательно и вплетали в них яркие ленты. Чтобы не накликал падеж, их освобождали от работы, не седлали на скачках и даже не выжигали тавра. Коней приводили к церквам или специально построенным деревянным часовням для служения молебна

Св. Мученикам и окропления святой водой. Хозяева тоже прихорашивались, пекли пироги и особое печенье с изображением копыта, которое отдавали священнику. Так что в день «Флора» у лошадей был свой настоящий праздник. Он вообще всем приносил радость. Даже для женщин делалось на «Флорах» исключение: им дозволялось выпить пива. В старину в правый угол стойла вешали иконку. Ведь по народному поверью, из всех домашних животных только лошадь сама Богу молится. Вот такое торжество и изобразил Сверчков на своей уникальной картине.

Но не только породистых скакунов, а и сотни простых неказистых крестьянских и развездных лошадей запечатлел Николай Егорович в сценах деревенской жизни. Нелегкой доле ямщиков посвятил он цикл картин конца 1850-х гг.: «Тройка в степи» (1856), «В метель» (1857), «На тройке в метель» (1872). «Что-то слышится родное в долгих песнях ямщика...» навеет вам превосходная по художественной фор-

ме «Ямская тройка» (1861). Волнующее впечатление оставляет одно из лучших произведений Сверčkova — «Возвращение ямщика». А сколько сочувствия и сопереживания вызывает, например, «Охотник, застигнутый зимней выюгой» (1872). На картинах этой серии невзгоды охотника, как правило, разделяют его вечные спутники и верные друзья — конь и собака.

Любовь к лошадям, привитая отцом, сопровождалась у Сверčkova увлечением конным спортом и охотой. Поэтому неудивительно, что охотничья тема в его творчестве занимала почетное место. Он посвятил ей и свои большие многофигурные картины, и множество рисунков и акварелей. Художник особенно хорошо знал тонкости псовой охоты, чисто русского национального увлечения. А будучи к тому же умелым рисовальщиком диких животных, собак и лошадей, Сверчков добивался в своих охотничьих произведениях такой достоверности, что они не оставляли равнодушными ни искушенных знатоков живописи, ни опытных охотников, ни обыкновенных зрителей. Одна из таких работ — «Преследуют волка» — посвящена травле хищника из-под борзых. Запечатлен тот миг, когда лихие борзые, спеющие за зверем, совсем уже близко от него. Через мгновение правая, скамьистая борзая сделает бросок и возьмет его по месту. Другая борзая почти не отстает от первой — они вместе накроют волка. Сверчков совершенно точно подметил момент, когда в предчувствии броска собаки борзятник уже осаживает разгоряченного коня, чтобы стремглав соскочить на землю и заколоть или сострунить серого.

В картине «Псовая охота» (1863) на первый взгляд трудно понять, что же хотел изобразить художник. Двое выжлятников и доезжачий показаны верхом с поднятыми в правой руке арапниками, рядом — англо-русские гончие. Наверно, Сверчков сознательно избегал здесь введения конкретного зверя, давая шанс зрителю самому решить, о какой охоте идет речь. Зная о существовании пантомимных сигналов псовой охоты специалистам несложно было определить смысл этой композиции, означавшей травлю лисицы.

На другом полотне — «Затравили» — дана сцена окончания сборной охоты. Затравленный зверь уже принят от собак спешившимся борзятником, который держит его за уши и приготовил палку для сострунивания хищника. Его напарник подносит ему для этой цели веревку. К английскому седлу стоящего в стороне коня приторочен лисовин. Двое товарищей во весь опор спешат к месту действия. Полон драматизма сюжет картины «Кобыла убила волка». Поверженный волк вызывает скорее чувство любопытства, нежели страха, у хрупкого жеребенка, жизнь которого защитила мать, победившая в неравном единоборстве с матерым. Сама кобыла в напряженной позе прячет

Н. Е. Сверчков. Возвращение с охоты. 1870

Н. Е. Сверчков. В метель. 1876

свое чадо от зверя, не уверенная, что тот вновь не бросится на него.

Николай Егорович дружил со многими знатными и состоятельными современниками. Совместное с ними участие в охотах в богатых раздольных угодьях давало ему неоценимый художественный материал. Он работал без устали по 10—12 часов в день. Только в 1854 г. им было написано 50 картин маслом. Отсутствие специального образования заметно сказывалось на его ранних произведениях, в которых видны преобладание рисунка над колоритом, определенная скупость красок, однообразие цвета и т. п. Однако постепенно Сверчков избавляется от первоначальных недостатков и уже в 1850-е г. проявляет себя как вполне тонкий колорист, в живописи которого исчезают локальность и сдержанность красок. Лиризм, светлым и радостным настроением окрашена, к примеру, картина «Катание детей». А ее цветочная гамма ласкова и нежна. Рисунок художника с годами приобретает уверенность и легкость, а вместе с тем и динамическую выразительность, что особенно заметно в большинстве сюжетов, посвященных псовой охоте.

Николай Егорович близко сошелся с Н. А. Некрасовым и подолгу гостил в его ярославском имении Карабиха. Вместе ездили на крестьянские праздники, участвовали в литературных вечерах. Ну и, конечно, охотились. Дружбе с «кающимся помещиком» обязаны несколько картин и рисунков к его произведениям: «Мороз, Красный нос», «Мужичок с ноготок». В Карабихе Сверчков закончил портрет жены поэта А. Я. Панаевой в costume амазонки, на любимом вороном коне Николая Алексеевича. Последний тоже не терял время даром и гусиным пером прославлял любимое занятие:

Варом варит закипевшая стая,
Внемлет помещик, восторженно тая...
«Псовая охота»

Приобщение Сверчкова к медвежьим охотам помогло ему в создании целого ряда живописных и графических работ на эту тему. Очень динамично и экспрессивно представлены усилия лошадей и охотников в картине «Везут убитого медведя». Никакая пурга не остановит «победителей». Редкая удача удесятерит их силы. Так же профессионально выполнена «Охота на медведя» (1885). Хорош и пейзаж: от запыленного снегом хвойного леса, слабо освещенного вечерним закатным солнцем, веет величавым спокойствием русской зимы. В аналогичном произведении «Облава» (1889) автор показал медвежью охоту, которую мог позволить себе только состоятельный барин: с привлечением многочисленных кричан и опытных загонщиков.

Н. Е. Сверчков. Преследуют волка

Как раз «Возвращение с медвежьей охоты» и покорило французского Императора Наполеона III, купившего представленную на Всемирной выставке в Париже в 1863 г. картину Сверчкова. Счастливый художник, о мастерстве которого с похвалой отзывались в парижских салонах, был ко всему прочему награжден орденом Почетного легиона. Позже на Всемирной выставке в Лондоне были куплены его 8 картин и 32 акварели. После триумфа во Франции, Англии, Австро-Венгрии и США возвратившийся в Петербург Сверчков получает ответственный государственный заказ на четыре исторические картины: «Царь Алексей Михайлович с боярами на соколиной охоте близ Москвы» (1873), «Поезд царя Ивана Грозного на богомолье» (1878), «Выезд царя Алексея Михайловича на смотр войск в 1664 году» (1866) и «Выезд Ивана Грозного из Московского Кремля». Две последние в наши дни украшают вход в Оружейную палату в Кремле. В 1879 году Сверчков написал также батальную сцену «Переход гвардии через Балканы» и «Скобелев на коне», посвященные русско-турецкой войне. Однако успехи художника как в исторической, так и в батальной живописи были значительно скромнее, чем в анималистическом жанре, хотя «Смотр войск царем Алексеем Михайловичем» пришелся по вкусу Александру II и он выкупил его для своей коллекции.

Н. Е. Сверчков был разносторонне одаренной личностью. Помимо масляной живописи, акварели и рисунка он вполне успешно пробовал себя и в скульптуре. Расписал шесть окон в конференц-зале Академии художеств, а также окна в кремлевских теремах и Оружейной палате. В Мюнхене заинтересовался живописью на стекле, освоил литографию. Став классиком иппической живописи, не гнушался с выдумкой оформить меню какого-нибудь торжественного застолья. В цветущую пору его деятельности успехи и лестные отзывы помогали ему трудиться с подъемом и самозабвением. С фотографии тех лет на нас смотрит «просторное» лицо бонвивана, по виду —

скорее французского довольного буржуа, чем трудолюбивого русского живописца. Приглашения в гости или на охоту сыпались как из рога изобилия: Я. И. Бутович и А. Ф. Орлов, П. Н. Зубов и К. К. Толь — все хотели видеть портреты любимцев-рысаков, потчевали щедро, платили не торгуясь. Николай Егорович слыл добрым, отзывчивым и общительным человеком. L'art de vivre (искусство жить), как говорят французы, было не чуждо эстетическому началу его натуры. Недаром такой гурман, как сенатор П. Я. Дашков, к которому на рюмку «древнего» коньяка мог заехать сам Император Александр III, ценил и обожал родственную душу живописца. Не раз угощал его столетним вином из своих богатейших запасов.

Но так было не всегда. Счастливые браки кончались разводами. Прибавления семейства — тяжелыми утратами. Всероссийское и европейское признание порой оборачивалось осложнением отношений с Академией художеств. Барскую любовь сменяло забвение. В довершение ко всему после семидесяти стало пошаливать здоровье. Тяжелый труд, череда неудачных брачных союзов подточили даже такой крепкий организм. И это не замедлило сказаться на живописи. Исчез прежний жизнерадостный колорит. Стали преобладать холодноватые тона. Краски как будто высохли и потускнели. Композиция выглядела статичнее. Так появится символическая для его тогдашнего состояния огромная композиция «Холстомер» (1891) на сюжет одноименного рассказа Л. Н. Толстого. За несколько месяцев до смерти, собрав все оставшиеся силы и напрягая волю, одинокий истощенный художник напишет портрет победителя 10-го Всероссийского Дерби чистокровного верхового жеребца Мартимера, едва ли не последнее свое творенье. Проводить русского самородка в последний путь на царское-сельское Казанское кладбище придут только родные и близкие.

И все же Н. Е. Сверчкова не постигла судьба многих его соотечественников: С. С. Ворошилова, К. С. Высотского, В. Л. Муравьева и многих других. Большая часть того, что он создал, сохранилась, украсив личные коллекции, многочисленные музеи и галереи необъятной России. Только в одном Музее коневодства — около четырехсот его вещей. Сейчас очевидна несправедливость высокомерных оценок Сверчкова, высказанных А. Н. Бенуа и И. Э. Грабарем. Точнее, на мой взгляд, суждение другого корифея охотничьей живописи — Н. С. Самокиша, утверждавшего, что «Сверчков вписал свое имя в летопись русской культуры многими блестящими произведениями своего таланта, и его имя займет место наряду с самыми видными представителями нашего родного искусства». С тех пор прошел целый век, и время подтвердило, что он прав.

Поэт и драматург Константин Васильевич Скворцов родился в 1939 г. в Туле. В 1941 г. его родители переехали в город

Константин СКВОРЦОВ

Долину
Высушила тля...
Давно
В траве шершавой
Стоит охотничья петля
Из проволоки ржавой.
Петля
Среди трухлявых пней.
А в небе по привычке
Стервятник
Кружится над ней
И ждет чужой добычи.
Какой свирепый браконьер
В лесу моем работал?
Там развороченный карьер,
Там красные болота.
Не узнаю заветных мест.
Пожухлые до срока
Поля,
Как кладбища чудес.
Лишь исцеляя мертвый лес,
Бьет дятел одиноко.

Лишь начинаются проселки,
Ты говоришь:
— Иди вперед.
Как будто пред тобою
Тонкий
В прожилках хрупкий первый лед.
Ты долго тропку выбираешь
В осок мокрой иль во ржи...
Взлетит тетерка — замираешь,
Аукнет филин — вся дрожишь!
Тебя следы пугают лисьи...
Но ты запомни наперед,
Рысь незаметна в пестрых листьях,
Змея неслышно подползет.

Златоуст на Урале. Отец был военным инженером-конструктором и работал под началом Сергея Королева, позже стал крупным специалистом по ракетной технике. Еще в детстве от отца Константин получил в подарок ружье-одностоволку Иж-5, стал членом Союза охотников. В 1961 г. будущий поэт окончил Агропромышленный университет в Челябинске и потом с отличием Высшие литературные курсы в Москве. К. В. Скворцов — автор 20 книг стихов и драматических произведений. Во время отпусков и в свободное от работы время он охотился в Сибири, на Дальнем Востоке, на севере Тюменской области, в Карелии, в Московской области.

Творческому почерку поэта-охотника присущи тонкое чувство природы родного Отечества, психологизм и драматизм. Многие его стихотворения становятся песнями. Он является Лауреатом премии им. Алексея Фатьянова. На писательском съезде поэт и драматург Константин Скворцов избран секретарем Союза писателей России.

Николай ШУМАКОВ

Когда уснешь, я напишу стихи
С высокими, мохнатыми стогами,
Чтобы они твой сон оберегали,
Как влагу леса вековые мхи.
К вершинам гор, где дышится свежо,
Я уведу тебя тропой лосиной.
Лес воспало не факелом — осиною,
Чтоб небо он холодного ожег!
И станет ночь и теплою и светлой,
Ты будешь говорить с ветлой и ветром.
С манящими огнями вдалеке,
С резными золотистыми гербами...
И вдруг во сне, прильнув к ручью
губами,
Проснешься рядом на моей руке.

Опять сегодня с крыши каплет,
И ветер ходит по куге,
И старый глобус мокрой цаплей
Уснул на тоненькой ноге.
Ему, наверно, снятся тропы,
Стада оленей, облака.
И я боюсь рукою тронуть
Его потертые бока.
Прислушаюсь,
Как с крыши каплет,
Как ветер ходит по куге...
И мир предстанет
Чуткой цаплей,
Уснувшей на одной ноге.

«СЮРПРИЗЫ» ОТ МИЛИЦИИ

НЕЗАДАЧЛИВАЯ ВОРОНА

Уважаемая редакция! Пишет вам Басова Марина из Татарстана. Мне 14 лет. Мы живем в очень живописном месте. С одной стороны наш поселок омывает широко русло реки Камы, а с других трех сторон окружает лес.

У нас хорошие рыбные и охотничьи угодья. Поэтому в редкой семье не встретишь охотника или рыбака. И наша семья — тоже не исключение. Мой папа — Басов Анатолий Петрович — охотник с 32-летним стажем. Больше всего он любит охоту на уток и зайцев. На зайцев охотится со своим помощником — гончей Караем. Другой помощник моего папы — это журнал «Охота и охотничье хозяйство», который он выписывает более 20 лет и который мы с удовольствием читаем всей семьей.

Папе исполнилось 50 лет. Прошу вас через журнал поздравить его с юбилеем и пожелать ему здоровья и успехов на охоте.

Посылаю вам фотографию, на которой папа, я и наш Карай.

МАРИНА БАСОВА
Татарстан

Уважаемая редакция! Журнал ваш получаю уже 41-й год подряд. Правда, в 1999 г. получил только за первое полугодие, на второе выписать не смог, поскольку лежал с инфарктом, и все деньги ушли на лечение. Посылаю вам свое стихотворение, понимаю, что таких, как я, — много, но все же...

Трудно бывает ранней весной
Ночью шагать по дороге лесной.
Но пусть ничего не выдать
вперед, Чувство азарта мне шепчет —
иди! Думаю, утро потрачу не зря,
Все же услышу я песнь глухаря.

Иду, спотыкаясь, бреду по воде.
Надо спешить к глухариной гряде.
Стало светлее, рассвет наступает.
Филин хохочет — кого-то пугает.
В небе прохоркал лесной куличок,
Крикнула птица — и снова молчок.

Все же с рассветом я к месту успел.
Передохнуть на валежину сел.
Тут же услышал чарующий звук —
Вот он, финал, моих утренних мук.
Нет для охотника песни дорожке,
В нашем лесу ни на что не похожей...

В. ЛЕБЕДЕВ
Костромская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Журнал я выписываю больше десятка лет, охотой занимаюсь без малого 20 лет. Имею собак — лаек. Обращался в свое время в журнал за помощью приобретения лаек и хочу сказать теперь спасибо. Мне тогда удалось приобрести хорошую собаку, и она живет у меня до сих пор. Однажды мое письмо по оружию было опубликовано в вашем журнале. А сейчас пишу вот почему.

Прочитал в журнале № 8 «В защиту прав и свобод охотника» и решил написать про нашу жизнь охотничью. Она у нас в общем-то нормальная. В зимнее время охотимся по договорам, весной покупаем путевки на глухаря и тетерева, осенью — на рябчика, уток и барсука. Есть у нас и крупные звери, но они нам не по карману. А вот дома нас иногда ждут сюрпризы. Приходим с охоты или с работы, а до-

машинные объявляют «приезжала милиция и спрашивала про оружие».

Прошлой весной меня остановил инспектор ДПС, я ехал на тракторе с работы. Он проверил права, путевку, осмотрел трактор. У меня в путевке не было отметки врача. Написал предупреждение. Занес меня в «черный список». Затем пошел посмотреть, как у меня оружие хранится. Оно у меня было в сейфе, под двумя замками. Сейф самодельный, около 50 килограммов веса. Но инспектор изъясил оружие — за то, что сейф был не закреплен.

Через месяц я оружие вернул. Для этого пришлось ездить в район два раза. Обещали, что в следующий раз поеду в Барнаул. Спустя еще месяц заходил какой-то сержант, тоже интересовался оружием у жены. В деревне у нас всего девять охотников и вот так всех проверяют. Ну какое дело прапорщику ДПС до того, как я храню оружие, или какому-то незнакомому сержанту, даже не нашему участковому?

В. МАКСИМОВ
Алтайский кр.

Дорогая редакция любимого журнала! Я не делаю открытия, сказав, что в живой природе происходят очень часто удивительные события, порой смешные. Ничего не надо выдумывать. Вот одна из моих зарисовок, как мне кажется, достойная улыбки читателей нашего журнала.

Погожий теплый день бабьего лета шел на убыль — было около трех часов пополудни. Ничто не нарушало покой и гладь зеркала городского пруда. Метрах в 20—30 от берега плавала белая чайка, а напротив нее, около самой кромки воды, по песку взад и вперед важно прохаживалась ворона. Она часто останавливалась и надсадно каркала в сторону чайки. Чайка не обращала на ворону никакого внимания. Меня заинтересовал этот монолог вороны, и я стал наблюдать.

Ждать пришлось не долго. Может быть, вороне стало не по себе от такого оскорбительного равнодушия чайки и она поднялась, описала круг, зашла со стороны солнца, спикировала и на брющом полете, как мне показалось, ударила крылом чайку. В то время, когда ворона, поднимаясь, стала заходить на второй круг, чайка поднялась с воды, наперерез упредила ворону, оказалась рядом с ней. Что сказала чайка вороне на своем птичьем языке, мне, конечно, неизвестно, но, скользнув на одно крыло, потом на другое, чайка камнем упала в воду. Ворона, повторяя движения чайки, последовала за ней. Но то ли вовремя не вышла из штопора, то ли не справилась со скоростью, а может быть, так увлеклась погоней, что не заметила, как угодила в прохладную купель.

Через мгновение чайка поднялась, оставив в воде барахтающуюся незадачливую ворону. К счастью последней, это произошло недалеко от берега и она, хлопая крыльями, выбралась на песок и, отряхиваясь, заковыляла прочь.

В. МАРКОВ
Зеленоград

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишу вам потому, что считаю своим долгом высказать самые теплые и сердечные слова благодарности прекрасным, преданным своему делу людям, работникам Новосибирского питомника западно-сибирских лаек: руководителю Казакову Геннадию Николаевичу, эксперту-кинологу Плешакову Павлу Ивановичу и охотоведу Николаю Балталаеву. Благодаря им, я приобрела щенка ценной охотничьей породы.

Пожалуйста, опубликуйте моего красавца в журнале.

И еще очень хочу через журнал поблагодарить нашего предателя охотобщества С. Н. Колосова за его нелегкий труд.

А. ЩУКИН
Тюменская обл.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Фотоконкурс «Охота и природа-1999». Обучение орла. Место съемки: в степи, недалеко от деревни.

Фото А. Адаева

Здравствуйте! Начну все по порядку. В обществе охотников я состою 12 лет. В этом году подошел срок перерегистрации охотничьего оружия, и вновь составляют проходить медицинскую комиссию по форме 086. Ведь раньше было достаточно пройти психиатра и нарколога.

Дело в том, что у меня слуха процентов 50—60 осталось, в общем, половина. И вот лор-врач вместе с председателем медкомиссии пишут заключение: хранить и носить, в общем, владеть оружием нельзя. Остается мне ружье продать, билет сдать и дома сидеть. Так обидно, последнюю радость в этой балаганной жизни отобрали. Ведь не космонавт же я.

А фамилия—то у меня...

В. ОСТРОУХОВ
Самарская обл.

Лайки в Прибалтику были завезены в основном из России. Российские кинологи создали породы лаек и разработали правила испытания, в том числе и по подсадному кабану. На охоте в Латвии используются преимущественно русско-европейские и западно-сибирские лайки. Русским кинологам принадлежит законное право менять как стандарт лаек, так и правила испытаний. Но вышеупомянутые породы лаек стали очень популярны во многих странах и правила соревнований и испытаний надо было разрабатывать для всех.

В Латвии работать по кабану лаек начали обучать в середине 60-х годов, точнее, с 1964 года. За это время кинологи накопи-

ли огромный опыт работы лаек по «подсадному кабану», на испытаниях по вольному кабану, на практической охоте, где критерий работы лайки-одиночки для получения диплома I степени — это добыча кабана-одиночки. Кинологи пришли к выводу, что добычливость лайки на охоте не много зависит от ее злобы, а гораздо больше от напористости и мастерства. А в правилах «испытания по подсадному кабану» от лайки требуется хватка.

Опытная лайка на охоте в зарослях никогда не будет атаковать кабана, а напористо станет работать от головы зверя, отвлекая его внимание от подходящего охотника. А по уходящему кабану в чистых местах леса будет стараться хватать его за ноги. Но правила испытаний для оценки на смелость и злобу требуют «давать болевые хватки, заставляя зверя кружиться на месте». Такие требования предусмотрены при наличии в вольере кабана в возрасте до одного года. Однако это очень далеко от условий охоты. Поэтому правила испытания и обучения собак надо приблизить к естественной охоте, где кабаны встречаются не только до одного года, чтобы в дальнейшем не попасть под клыки секача. В связи с этим испытания по кабану в вольере следует проводить как минимум по двум кабанам, которым не меньше двух лет. Только тогда и будет видно, кто есть кто. Вольер при этом должен быть не менее 8 гектаров.

По анализу нескольких чемпионатов все видно. Лайка, которая на испытаниях по вольному кабану получает диплом I степени, по вольерному дотянет лишь до диплома II степени.

М. КАЛНЫНЬШ
Гл. кинолог Латвии

Здравствуйте, уважаемая редакция! Мне 29 лет, и вот уже 11 лет, как я впервые увидел журнал «Охота и охотничье хозяйство» и... выписал его. На протяжении этих лет каждый месяц с нетерпением жду встречи с очередным номером. Благодаря журналу, я узнал много нового об охоте, животном мире.

С большим интересом я читаю весь журнал, однако особое внимание уделяю последней странице, где печатается своеобразный определитель птиц, талантливо оформленный иллюстрациями художника В. Шишкина. Мне уже неоднократно приходилось обращаться за помощью к этим рисункам, по-

скольку я занимаюсь таксидермией и нередко попадает в руки неизвестная мне птица.

Уважаемая редакция! Через ваш журнал я хотел бы найти друзей охотников-таксидермистов. Сам я изготавливаю чучела уже 10 лет методом намотки. Приходилось делать птиц и зверей для районных музеев и школ, а также многим охотникам и любителям природы. Для себя хотел бы научиться более сложному методу — скульптурному. Может, кто-то из мастеров поделится своими секретами. Высылаю редакции свою фотографию с чучелами. Адрес: Новосибирская обл., г. Купино, ул. К. Маркса, 108.

Н. БОНДАРЕНКО
Новосибирская обл.

**ООО ПКФ
«МЕХОВОЙ
СТИЛЬ»**

**закупает различное
пушно=меховое сырье**

*Цены высокие. Наличный
и безналичный расчет*

**Адрес: 610004, г. Киров,
ул. Р. Люксембург, 30, оф. 205
Тел.-Факс (8332) 65-42-33**

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Январь — первенец года. До Рождества Христова еще четыре дня, а рождественские морозы уже тут как тут. Ртутный столбик термометра опустился на отметку — 25 градусов Цельсия и замер. Лес и поля покрыты толстым слоем снега. В ледяной панцирь закованы реки и озера. Про такую погоду говорят, что хороший хозяин собаку на двор не выгонит, а вот мы приехали в зимний лес абсолютно добровольно, да еще и радуемся этому. Еще бы не радоваться, ведь нас собрали для участия в показательной облавной охоте на лося, которую руководство Совета ВОО Генерального штаба организовало для председателей охотколлективов, выделив две спортивные лицензии на взрослого лося. Нас 32 председателя. Многих я знаю лично, некоторых вижу впервые.

Инструктаж и жеребьевка прошли как обычно. Вот только громоздкость предстоящего мероприятия несколько смущала: 32 охотника на стрелковой линии — дело трудноуправляемое, тем более в такую холодину. Обычно на охоте по лосю участвует не более 15 человек.

Однако мои опасения оказались напрасными. С самого утра все шло строго по плану, четко и организованно. Уже в первом загоне был взят крупный бык; второй, — обильно кровя, прорвался через стрелковую линию и ушел. Для дубора подранка выделили пять человек, в их числе был и я. Кое-кто порывался начать преследование немедленно, но старший охотовед Совета Александр Федорович Гопле урезонил их: «Давайте, мужики, обождем минут 40. Зверь сильно ранен и не нужно его пугать. Он обязательно скоро ляжет и обессилит. Тут вы и подоспеете. А вот если лось заслышит преследование, то непременно встанет с лежки и из последних сил будет уходить. Бывало, что подранок проходил десять и более километров. Так что спешить не будем. А светлого времени хватит, ведь сделан только первый загон...»

Всем участникам «группы дубора» выдали широкие охотничьи лыжи. Идти на них по глубокому снегу очень удобно, только вот крепления были ненадежными, казалось, того и гляди, порвутся. Первым шел старший егерь Заболотского охотхозяйства Николай Александрович Бухаров, я — четвертым. Лось ломился вдоль протоки через заросли прибрежного тальника, а мы гуськом скользили по льду, непрерывно поглядывая на пропаханную лосем траншею. Неожиданно лопаются крепления на моей правой лыже, нога соскакивает на лед, и... впечатление такое, что льда и нет вовсе. Широко раскинув руки, я заваливаюсь правым боком в образовавшуюся полынь. Быстро перекачиваясь от опасного места и по-пластунски ползу к берегу. Шедший впереди охотник останавливается и смотрит в мою сторону. Однако, видя, что я благополучно выбрался на берег, спешит за ушедшими товарищами.

В создавшейся ситуации все решали секунды. Едва я успел вылить воду из правого валенка и заменить промокшую портянку на сухую, редварительно сняв ее с левой ноги, как одежда покрылась ледяным панцирем, а мгновенно ооченевшие пальцы рук перестали слушаться. Хорошо, что сзади шел еще один охотник, который, не раздумывая, отдал мне свои лыжи и сухие рукавицы. Пробормотав слова благодарности, я побежал на базу. А это около 5 километров. Конечно, олимпийского рекорда я тогда не установил, а вот что «бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла», — это уж точно. Именно это и предопределило благополучный исход происшедшего.

Б. АБРАМОВ

Немало любопытного и познавательного в мире животных. Свидетельство тому — собранные мною цифры и факты из жизни «братьев наших меньших».

Всем известно, что ребенок вынашивается в животе матери девять месяцев. Это на четыре недели больше, чем у шимпанзе, и на несколько недель меньше, чем у коровы. Дольше всех вынашивают детеныша индийские слоны — 22 месяца, а меньше всех, около 12 дней, — вирджинский опоссум. Вот несколько примеров, как долго вынашивают своих младенцев другие животные: хомяк — 16 дней, лев — 108, овца — 148, медведь — 215, верблюд — 406 дней.

Быстрее всех растет детеныш голубого кита. Конь растет 5 лет, а живет 25. Верблюд растет 8 лет, умирает в 40.

Больше всех в природе поглощает пищи мотылек полифемус, встречающийся в Северной Америке. В первые 48 часов жизни его еда в 86 000 раз превышает его собственный вес при рождении. Если перевести эти данные на «язык людей», то оказалось бы, что только что появившийся на свет ребенок весом в 3,17 кг съедал бы 273 тонны пищи.

Некоторые броненосцы, опоссумы и ленивцы проводят более 80 % своей жизни в спячке или дремоте. Земляная белка, обитающая на Аляске, спит девять месяцев в году. Во время оставшихся трех месяцев она ест, производит потомство и собирает запасы пищи в своем дупле. Так и проходит жизнь.

Прослеживалось влияние переизбытка и голодания на молодые индивидуумы. Оказалось, что животные, которые, будучи детенышами, недоедали, живут дольше, а болезни, присущие старости, у них появляются намного позднее, чем у тех животных, которых с рождения кормили досыта.

Ученые убеждены, что недолго проживут животные, которые чрезмерно потребляют пищу, особенно будучи детенышами, живут в тепле, отличаются чрезвычайной плодовитостью.

Ни одно млекопитающее не может сравниться по долголетию с человеком. Самым старым животным, возраст которого с точностью установлен, считается корова по кличке Модок, прожившая 78 лет. Ее привезли в США из Германии в 1898 году, ей было два года. Она закончила свой век в Санта-Клара (Калифорния) 17 июля 1975 года.

Самым рекордным долгожителем среди собак была собака-пастух в Австралии. Она прожила, начиная с 1910 года, 29 лет 5 месяцев. Из них 20 лет приходится на активную трудовую жизнь в стаде хозяина. Больше таких показателей ни у одного друга человека не было. Обычно жизнь четвероногого длится 8—15 лет.

Рекордсменами долголетия среди животного мира являются слоны, вороны, некоторые виды черепах и попугаев, способные в соответствующих условиях прожить не только более ста, но и даже до двухсот лет. Самый старый зарегистрированный слон прожил 77 лет, попугай — 56, кошка — 31, гусыня — 50. Известны науке случаи, когда осетр дожил до 60, а рак — до 50 лет.

Уникальную черепаху выловили в море аргентинские рыбаки. Исследовавшие ее специалисты из музея естественных наук в Мардель-Плата пришли к выводу: возраст черепахи — 230 лет!

Анатолий САФОНОВ

ОХОТНИЧЬЯ КУЛИНАРИЯ

«Черный рыцарь» на вертеле и в трубках бамбука

Дикие кабаны разных видов, а также их одичавшие потомки обитают на пяти континентах — стало быть, кабаны кулинария так же разнообразна, как народы, живущие бок о бок с ними, страдающие от их потрав и азартно на них охотящиеся. Как обширен ареал диких свиней!

Так, французский зоолог и дельный охотник Пьер Пфеффер бил кабанов на Калимантане (о. Борнео, Индонезия), и полудикие обитатели джунглей, пунаны и дайки, поделились с французом и его коллегами своим первобытным, но деликатесным рецептом.

«Всякий раз, когда я возвращался в деревню с частью кабана, люди кричали мне с высоты своих домов (коренное население строит дома на сваях. — А. Ч.): «Ты убил одного, господин? Он жирный?» И я отвечал как подобает: «Жирный в меру». Скажи я, что он очень жирный, это походило бы на похвальбу, а если бы я назвал его тощим, можно было подумать, будто я не хочу с ними поделиться».

Едва мы приходили домой, как начиналось паломничество соседей и соседок, являвшихся попросить у меня свою долю кабана, «только чтобы попробовать». И каждому приходилось рассказывать об охоте во всех подробностях, повторяя в двадцатый раз, как мы увидели кабана, каким образом я выстрелил и как он упал, и упал ли он с первого выстрела или только был ранен и так далее, и опять сначала для вновь пришедших, которые тоже хотели все знать.

После этого наступал наш черед. У каждого была своя специальность. Ги восхитительно готовил кабаньи ножки в сухарях. Петер жарил рагу, достойное лучших ресторанов. Жорж топил сало и откладывал его про запас в больших бамбуковых трубах по даякскому способу. Что до меня, то я питал слабость к мясу кабана, тушенному в бамбуке. За ним, правда, вам придется отправиться в центральные районы Борнео — единственное место, где есть и кабаны, и бамбук.

Вот рецепт: порубите поровну мясо и сало хорошего кабана. Добавьте в смесь немного соли и перца, после чего наполните ею бамбуковые трубы и заткните их пучками листьев дикого банана. Поставьте трубы на два часа у огня так, чтобы пламя лизало бамбук. После этого, поверьте нашему опыту, вы пальчики оближете».

Говорят, каждый француз в душе гастроном. Без малого век до того, когда Пьер Пфеффер осваивал первобытную кухню, другой француз выведал неизвестный рецепт у армянского купца в Кизляре (Дагестан). Этот француз говорил о себе так: великий писатель, великий охотник, великий кулинар. И «великий кулинар» признался, что это самое лучшее блюдо, которое существует в мире, и поклялся привезти рецепт во Францию и просветить европейцев. Блюдо это — шашлык, а француз «в трех лицах» — Александр Дюма-отец. Автор «Трех мушкетеров» рассказывает, как подстрелил в устье Рионы дикую свинью, а затем явился возмущенный мингрел, хозяин свиньи. Беспородные свиньи Кавказа на самом деле по-

чти ничем не отличаются от диких кабанов. Оставалось изжарить шашлык из трофея «великого охотника».

Вот это блюдо — «Шашлык из мяса дикого кабана», — оригинал рецепта которого записал Дюма.

Корейку разрезать на куски весом 50—60 г с косточкой, сложить в фарфоровую или глиняную посуду, посыпать солью, перцем, добавить уксус, мелко нарезанный репчатый лук и перемешать. Посуду с мясом накрыть крышкой и поставить в холодное место на 14—16 часов.

Маринованное мясо нанизать на металлическую шпажку и жарить над раскаленными углями (без пламени), периодически поворачивая шпажки, чтобы куски мяса прожарились равномерно.

Подать шашлык на блюде, вокруг уложив маринованный вместе с мясом репчатый лук или шинкованный зеленый лук, помидоры, разрезанные пополам, очищенные от кожицы и поджаренные на углях со стручками болгарского перца, и зелень.

На 250 г мяса 60 г репчатого лука, 10 г винного уксуса, 50 г лука-порея, 60 г помидоров, 30 г зеленого перца, соль, перец, зелень по вкусу.

Европейский дикий кабан — завидный трофей и французских, и немецких охотников, последние уважительно называют его «черным рыцарем леса».

Вот еще два блюда из кабанятины.

Окорок кабана жареный (французская кухня)

На 5—6 кг свиного окорока — по 3/4 стакана мелко нарезанного репчатого лука и моркови, 1 лавровый лист, 250 г мелко нарезанных грибов и 1 1/2 стакана сухого белого вина.

С окорока снять кожу и часть сала, оставив слой толщиной 1 см. Положить в противень или жаровню лук, морковь, лавровый лист, грибы, затем окорок. Полить вином, закрыть и поставить в предварительно нагретую до 220 °С духовку на 1 час. Дважды поливать окорок вытопившимся жиром. Вынуть окорок и положить его на горячее блюдо, подливку остудить и, сняв жир, процедить, подогреть и подавать к столу отдельно. В качестве гарнира можно подать тушеную, свежую или маринованную капусту, картофель, отварной или жареный, картофельное пюре, бобы в томате, горошек зеленый, а также свежие овощи.

Мясо кабана по-немецки

На 1—1 1/2 кг вырезки — 1 л свежего бульона, 500 г капусты, 2 луковицы, 5 зубчиков чеснока, 10—16 горошин черного и 5 горошин душистого перца, 2 лавровых листа, 4 гвоздики, 2 веточки тимьяна.

Капусту крупно нашинковать, картофель нарезать кубиками, лук — колечками. Посолить, добавить черный и душистый перец, лавровый лист, чеснок, гвоздику; перемешать. Все положить в большой горшок или кастрюлю, залить говяжьим бульоном. Мясо разделить на 2 куса, посолить, добавить тимьян и тушить вместе с овощами до готовности. Затем мясо вынуть, нарезать на порции, подавать с тушеными овощами. Так же готовят лопатку кабана. Это блюдо можно делать в сковороде.

А. ЧЕГОДАЕВ

КАЛЕДИН А. Вопросы охотничьей этики	1
БОБРОВ Р. Несбывшаяся мечта генерала	4
Не утихающие страсти, неумолкаемые споры	6
ИКОННИКОВ В. Обновленный патронташ	8
САВЧЕНКО А. Звенят, звенят серебряные колокольчики	10
ВЕРЕЩАГИН Н. Лосинка — школа Б. М. Житкова	12
ФЛИНТ В., СОРОКИН А. Крылатый волк	16
МАЛЫШЕВ В. С лайкой в феврале	20
ФЕДОРИН Д. Гончие должны хорошо работать	22
ДИГИЛЕВИЧ А. Праздник калужских охотников	24
БЛЮМ М. Патроны «Сибирь-7»; им не страшны морозы	26
БИКУМЛЛИН А. Нет — хочется, есть — не надо	28
БУНИН И. Восемь лет. Жизнь Арсеньева	32
БУЛГАКОВ М. Полтора века охотничьей периодики	36
Рассказы старого холостяка	38
ПАНКРАТОВ В. Портрет анималиста	40
СКВОРЦОВ К. Стихи	43
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	15, 19, 45
ШИШКИН В. Гусеобразные	48

ВНИМАНИЮ НАШИХ АВТОРОВ

В связи с тем, что налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах (полностью фамилия, имя, отчество; год рождения, серия и номер паспорта; где, когда и кем выдан; домашний адрес с почтовым индексом), просим вас присылать их нам вместе с материалами, предлагаемыми для публикации.

Редакция

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 09.11.99 г. Подписано к печати 18.01.00 г. Формат 84х108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Тираж 29 200 экз. Заказ 3013. Цена 15 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени ГУП Чеховском полиграфическом комбинате Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 142300 г. Чехов Московской области Тел. (272) 71-336, факс (272) 62-536

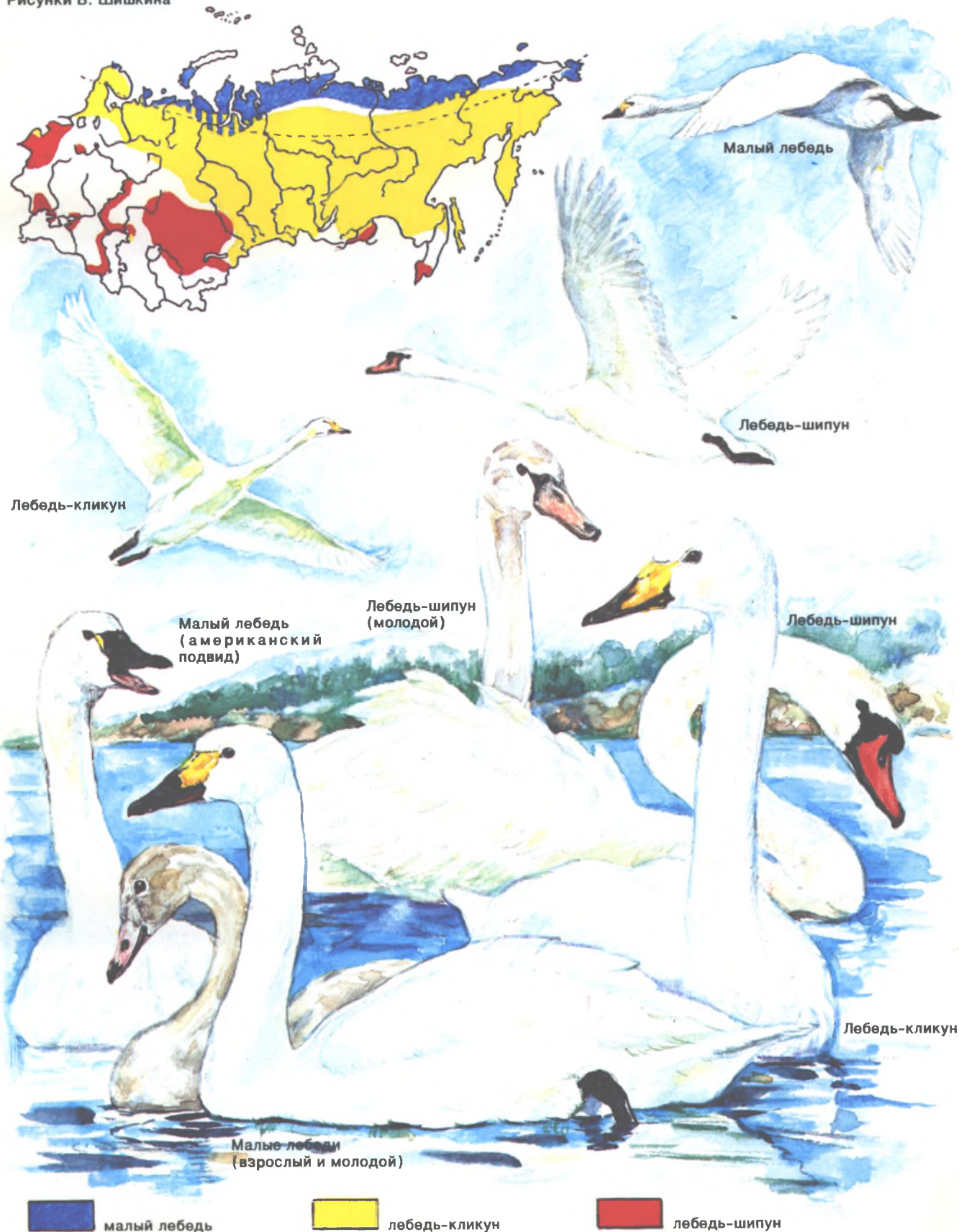
В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452.

Лебеди — птицы легенды. С древнейших времен люди поклонялись этим величественным созданиям природы как родоначальникам, спутникам богов и правителей, связывали с лебедями представления о чистоте, верности, красоте. Три вида лебедей гнездятся на нашей территории — малый или тундровый лебедь, лебедь-кликун и лебедь-шипун. На Чукотку залетает, изредка гнездится, в том числе в совместных парах с тундровым, американский лебедь, которого некоторые систематики склонны считать отдельным видом, а другие объединяют в один вид с тундровым на правах подвида. Из Сев. Америки возможны залеты к нам крупного лебедя-трубача (похожего на кликуна, но с однотонно черным клювом). В качестве декоративной парковой птицы в ряде мест содержат австралийского черного лебедя. Наш самый мелкий, тундровый лебедь (длина не более 1,5 м, вес от 3,5 до 7,5 кг) заселяет в сезон размножения тундровые ландшафты от Кольского п-ова до Чукотки (птицы из восточной части ареала часто выделяются в отдельный подвид). Основная область гнездования более крупного кликуна (длина свыше 1,5 м, вес от 7,5 до 13 кг) простирается от Исландии до Сахалина и Камчатки, с выходом на севере ареала в лесотундру и тундру, а на юге — в степные ландшафты. Наиболее «южный» и наиболее крупный лебедь-шипун (достигающий веса 13—15 кг, при размахе крыльев 2,4 м) имеет прерывистую область гнездования от Западной Европы, Прибалтики, Белоруссии и Украины до Казахстана, Китая, Забайкалья и Приморья. Лебеди — перелетные птицы. На зимовках они могут образовывать тысячные стаи, встречаясь на незамерзающих акваториях Западной Европы, Черном, Каспийском морях, на озерах и побережьях Японии и Китая. На зимовках удобнее всего производить учеты численности лебедей. По последним данным, численность шипуна в Европе и Центральной Азии несколько возросла (250 тыс. и 300 тыс. особей соответственно) и снизилась в Восточной Азии (менее тысячи птиц). Численность кликуна в Западной Европе (около 60 тыс. птиц), Восточной Европе и Азии (более 60 тыс. птиц) характеризуется некоторым уменьшением обилия в Восточной Европе, Западной и Центральной Сибири и возрастаньем в других частях ареала. Численность тундрового лебедя (занесенного в Красную книгу России), по-видимому, растет (47 тыс. птиц по данным 1997 г.).

Все три вида наших лебедей сходны по окраске, у взрослых птиц белое оперение, у молодых сероватое с бурым оттенком, лапы черные. Форма и окраска клюва различны: у взрослых шипунов клюв красный с черным кончиком, черной зоной у основания, вдоль разреза и ноздрей. У основания надклювья и лба черный шишковидный вырост. У кликунов от основания клюва до ноздрей и обычно несколько дальше распространяется желтая зона, концевая часть клюва черная. У взрослого тундрового лебедя желтая зона не доходит до ноздрей, а у американского подвида сохраняется лишь в виде небольшой полоски у основания клюва. У молодых шипунов клюв розоватый, у основания черный, у молодых тундровых лебедей и кликунов основание клюва светлое. У всех трех видов наших лебедей во многом сходны черты питания (в основном растительная диета), гнездования (пары постоянны, гнездовые кладки разрежены, массивное гнездо, активная оборона кладки и выводка). У тундрового в кладке 3—5 яиц, в насиживании принимает участие и самец (в отличие от шипуна и кликуна), инкубация — 30 дней, через 6—7 недель молодые становятся на крыло. В кладке кликуна 4—5 беловато-желтоватых яиц (бывает и 7), у шипуна обычно 5—7 яиц (изредка до 12) с белой скорлупой зеленовато-голубоватого оттенка. Инкубация у шипунов и кликунов продолжается 5 недель, а вот на крыло молодые кликуны поднимаются раньше шипунов (через 12 недель, а шипуны — через 17 и позднее). Хотя, защищаясь, взрослый шипун ударом кистевого сгиба может нокаутировать собаку среднего размера, все же эти птицы остаются весьма уязвимыми и нуждаются в специальных мерах охраны.

В. ШИШКИН

Охота в открытках

В конце прошлого года, во время презентации брошюры «Деятели общественного охотничьего движения в России» в Музее охоты и рыболовства Рос-охотрыболовсоюза была выставлена коллекция открыток на охотничью тематику. Экспонаты были представлены Музеем коневодства ТСХА и из двух частных собраний, члена-корреспондента Международной Академии информатизации Л. В. Гриншпунa и А. Д. Иванова. Большой интерес представляют

13 сюжетов открыток П. П. Соколова (1821—1899). Посетителей особенно интересовали известные работы В. Г. Перова «Охотники на привале» и А. Д. Кившенко «На перехват волку». К дореволюционному периоду относится также работа А. Марко «По фазанам». Познавательный интерес представляют сцены из иностранных охот с использованием лошадей.

Репродукционное фото В. ЖИВОТЧЕНКО

